

Российская академия наук
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии
Институт российской истории РАН
Институт истории и археологии УрО РАН

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

№ 2 (4)

Москва–Сыктывкар 2009

УДК 314.148

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ. Научный журнал. 2009. № 2 (4).

Основан в 2008 г.
Выходит 2 раза в год

Учредитель – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН

Журнал издается под руководством Научного совета РАН
по исторической демографии и исторической географии

Редакционный совет

академик Ю.А.Поляков (председатель, Москва), академик В.В.Алексеев (Екатеринбург), В.Б.Жиромская (Москва), А.Е.Загребин (Ижевск), член-корр. РАН В.Н.Лаженцев (Сыктывкар), С.Лаллукка (Хельсинки), В.И.Меньковский (Минск), Л.Л.Рыбаковский (Москва), А.С.Сенявский (Москва), А.Ф.Сметанин (Сыктывкар), А.И. Таскаев (Сыктывкар)

Редакционная коллегия

И.Л.Жеребцов (главный редактор, Сыктывкар), В.В.Фаузер (зам. главного редактора, Сыктывкар), Е.Н.Рожкин (отв. секретарь, Сыктывкар), Ю.В.Аргудяева (Владивосток), Г.Е.Корнилов (Екатеринбург), В.И.Коротаев (Архангельск), Е.Ф.Кринко (Ростов-на-Дону), С.А.Прокопенко (Ульяновск), И.А.Разумова (Апатиты), А.В.Репневский (Архангельск), В.А.Семенов (Сыктывкар), П.В.Федоров (Мурманск), М.С.Черкасова (Вологда)

Издание подготовлено при поддержке программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

© Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии, 2009

© Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2009

Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редакции.

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, журнал «Историческая демография».

Тел. (8212)245500 (гл. ред.), (8212)241702 (отв. секр.), факс (8212)245564,

e-mail: erojkin@gmail.com, zherebtsov.hist@mail.komisc.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Мурыгин А.М. Миграции в истории древних культур Северного Приуралья	4
Чернышевский Д.В. О численности населения домонгольской Руси (постановка проблемы)	9
Мацук М.А. Переписные книги 1646 года как источник по проблемам демографии населения России: вопрос полноты информации	12
Сердюк И.А. Румянцевская опись 1765–1769 гг. как источник по демографической истории русского купецства в городах Малороссии	19
Белов А.В. Население уездных городов Московской губернии в середине XIX века: сравнительная характеристика	22
Плотникова Г.Н. Демографические изменения крестьянского населения Пермской губернии во второй половине XIX века	25
Брянцева С.О. Вопросы миграции в Хабаровском уезде и Николаевском районе Удского уезда (середина XIX – начало XX в.)	28
Стещенко Н. Л. Миграционная политика российского правительства в южной Украине XVI–XVIII вв.: либеральная историография (вторая половина XIX – начало XX в.)	30
Загребин А.Е. Проблемы изучения терминологии родства, брачно-семейных отношений и социальной организации финно-угорских народов России на рубеже XIX–XX вв.: краткий историографический обзор	35
Дмитриева Е.Н., Дьякова Е.В. Освещение переселенческого движения из Харьковской губернии в конце XIX – начале XX вв. на страницах местных изданий	43
Игнатова Н.М. Смертность и рождаемость спецпереселенцев-«бывших кулаков» в Северном крае в 1930-е гг.	48
Вшивцева Ю.В. Население Краснодарского края накануне и в годы Великой Отечественной войны: состояние и развитие	53
Кринко Е.Ф. Война и демография: население Адыгеи в 1941–1945 гг.	55
Вавулинская Л.И. Численность и категории спецпоселенцев в Карелии в 1944 – середине 1950-х гг.	60
Безносова Н.П. Возрастнополовой состав населения Коми АССР в 1970-е годы	64
Мельникова Н.В. Истоки демографических проблем моноспециализированных промышленных городов (на примере г. Качканара)	69
Кулешов Д.Н. Периодизация новейшей миграционной истории России	72
Ковальская С.И. Демографическая динамика города Астаны: история и перспективы	75
Столярова Г.Р. Похозяйственные книги Советов местного самоуправления как источник для изучения этнодемографических процессов в современном селе (пример с.Старое Суркино Республики Татарстан)	79
Фаузер В.В., Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н., Фаузер Г.Н., Макарова В.Н. Демографическая ситуация в Республике Коми	82
Петрякова О.Л. Депопуляция в России: история и перспективы	94

Миграции в истории древних культур Северного Приуралья

Археологические источники по древней и средневековой истории крайнего северо-востока Европы показывают, что в течение многих тысячелетий Европейский Северо-Восток являлся территорией постоянного активного межэтнического взаимодействия, ареалом перманентного освоения и точкой пересечения генетически неоднородных культурных традиций.

1. Наиболее достоверные ранние археологические свидетельства проникновения западносибирского населения в Северное Приуралье относятся к энеолитическому времени. В среднем периоде развития чужьяельской археологической культуры (около сер. III тыс. до н. э.) на Европейский Северо-Восток из Зауралья мигрируют угорские группы. Об этом свидетельствует появление на чужьяельских памятниках посуды со сложными геометрическими узорами, в том числе с сотовыми элементами. В эпоху бронзы (сер. или третья четверть II тыс. до н. э.) в Северном Приуралье формируются новые археологические культуры (атаманнюрская, лебяжская, коршаковская), а также культуры крестовой и текстильной керамики. В сложении атаманнюрской культуры приняло участие население с зауральскими (самусьскими), андроновскими (федоровскими) и чирковско-сейминскими традициями. Доминирующим в составе атаманнюрского населения предполагается самодийский компонент. Крестовая керамика также традиционно связывается с самодийскими зауральскими группами населения. Коршаковская культура, ареал которой включает заполярные тундры, оставлена зауральскими палеоазиатами. Лебяжская культура, финал которой относится к концу бронзового века, в какой-то степени испытала влияние атаманнюрской культуры, а также (на позднем этапе) – западносибирских культур, керамика которых характеризуется крестовой орнаментацией. Она послужила генетической основой формирования северного варианта ананьинской культурной общности [Стоколос, 1997].

Памятники VIII–III в. до н. э. на Мезени, Вычегде и Печоре входят в ананьинскую культурную общность. Ее северный вариант представлен культурными типами Ласта, Перный, Ямашор и Чаркабож, которые сформировались на основе лебяжской культуры при значительном воздействии прикамских групп населения. Однако в культурных типах Ямашор и Чаркабож выявлено заметное влияние зауральского круга культур. Миграции зауральского гамаюнского населения на западную сторону Урала привели к смещению в VI–V в. до н. э. вычегдско-печорского ананьинского населения на Северную Двину и в северо-западные районы европейской части России [Ашихмина, Васкул, 1997].

Памятники второго (гяденовского) периода раннего железного века на Европейском Северо-Востоке датируются концом III в. до н. э. – началом V в. н. э. Они сформировались на основе культурных типов Перный и Ямашор предшествующего времени. На материалах этого периода также выявлен западносибирский (особенно в бассейне Печоры) компонент (археологически – кулайский), свидетельствующий о влиянии угро-самодийского мира на печорские гяденовские племена, которое не прерывалось на втором этапе раннего железного века [Васкул, 1997].

2. Тенденция к сосуществованию и смешению разнотничного населения в пределах крайнего северо-востока европейской части России проявляется и в дальнейшем. Кризисы и миграционная активность эпохи Великого переселения народов (традиционно – от 375 г. и заканчивая концом V – началом VI в. н.э.), не обошли стороной обширные слабо заселенные пространства Европейского Северо-Востока. Основные итоги во многом переломных для многих культур приуральского населения глобальных событий эпохи Великого переселения народов на европейском Северо-Востоке во второй четверти – середине I тыс. н. э. нашли свое прямое и главное отражение в проникновении на Вычегду и Печору (т. е. на территории северной периферии позднегяденовского ареала) из Прикамья носителей курганного обряда захоронения, широком распространении на Печорской низменности нетипичных для Приуралья форм, техник и мотивов орнаментации, формировании новых культурных типов.

Многообразие и интенсивный характер этнокультурных связей привели к радикальным изменениям на крайнем северо-востоке Европы, выраженному своеобразию археологических культур, которые можно определить как *синкретические*. Это было связано не только с исторически обусловленными событиями «гуннского» периода эпохи Великого переселения народов. Ситуация объективно была определена самим положением территории, которая оказалась зоной постоянных и длительных контактов различных этнолингвистических массивов, отраженных в топонимической системе Коми края и прослеживаемых по

¹ **Мурыгин Александр Михайлович** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

археологическим данным. Немаловажным, а иногда определяющим фактором следует считать также и то обстоятельство, что этнокультурные взаимодействия на Европейском Северо-Востоке проходили на фоне значительных климатических изменений и большой зональной мобильности на протяжении I тысячелетия до н. э. – I тысячелетия н.э. и были осложнены сравнительно поздним формированием современной границы между тундрой и лесом.

Являясь сходными по сути и результатам происходивших событий, эти процессы для населения бассейнов Вычегды и Печоры оказались неадекватны по времени и направлениям основных векторов внешних воздействий. Последние, как представляется, стали решающими для местного гляденовского субстрата и привели к его существенной трансформации в культуре и, возможно, в соотношении ее этнических компонентов. В связи с этим, вторую четверть I тыс. н. э. для древних племен Печорской и Вычегодской тайги можно считать переломным и особым этапом их истории.

2.1. Для населения бассейна Вычегды наиболее важным и археологически документированным в период втор. четв. – сер. I тыс. н. э. оказалось южное направление этнокультурных связей. В восточном Привычегодье группы пришлого из Прикамья населения частично восприняли ХКТ местных племен позднегляденовского облика как наиболее результативный в данных природных условиях, частично передали им навыки более передовых отраслей производящего хозяйства. Это способствовало сложению здесь предпосылок для перехода общества к оседлости в рамках ХКТ таежных охотников и рыболовов. Активное взаимодействие местных и пришлых групп населения завершился на Вычегде для части из них интеграцией в общий хозяйственно-культурный комплекс, археологически фиксируемый в вычегодском Притиманье по памятникам ванвиздинской археологической культуры. Этот процесс, в котором принимали участие вычегодское финно-пермское позднегляденовское население и пришлые из Прикамья носители курганного обряда захоронения, сопровождался частичным перемещением в вычегодский бассейн групп близкородственного нижеобскому местного печорского (раннебичевницкого) угро-самодийского культурного комплекса. В мезенском ареале ванвиздинской культуры иноэтнические включения не получили широкого распространения. Только в VI–VII в. н. э. прослеживаются следы незначительной инфильтрации населения угро-самодийского происхождения в однородный состав мезенской группы ванвиздинских племен, следы которой затухают к VII–VIII в. н. э. [Мурыгин, 2001]. Нельзя исключить, что ванвиздинская культура – это сформировавшаяся на Вычегде к VI или VII в. н. э. в результате межэтнического взаимодействия неоднородная общность населения, с преобладанием на северо-западе и востоке ее хозяйственно-культурного ареала угро-самодийского компонента, на западных – финно-пермского.

Картографирование ванвиздинских памятников показывает, что они протянулись полосой с юго-востока на северо-запад, через Верхнее Прикамье, верхнюю и, в основном, среднюю Вычегду и далее по р. Мезень. Здесь явно просматривается тенденция к их концентрации между бассейнами рек Северной Двины и Печоры. Ограничение ванвиздинского ареала в юго-западном направлении пока трудно объяснить, не имея конкретных археологических источников втор. пол. I тыс. н. э. из вычегодско-северодвинского и мезенско-северодвинского междуречья. Препятствием к их распространению к северо-востоку (за линию водораздельных озер бассейнов рек Печоры и Камы – Косминские, Ямозеро, Синдорское, Чусовское) явились, видимо, носители угро-самодийского круга культур, оставившие в бассейне Печоры археологические памятники типа Бичевник и с фигурно-штамповой керамикой. Обско-печорские коллективы могли явиться также фактором частичного выдавливания ванвиздинских групп с мест их первоначального обитания, следами чего может служить появление поздневанвиздинских поселений вне ареала формирования культуры. Дальнейшие судьбы ванвиздинского населения (после VIII в. н. э.) достоверно не прослеживаются. Имеющиеся крайне немногочисленные источники, датированные IX–X вв. н. э. (?) [Королев, Савельева, 1988; Чеснокова, 1982, 1983], по нашему мнению, могут документировать угасание ванвиздинских традиций керамического производства, не получивших дальнейшего развития на территории бассейна Вычегды.

2.2. В печорских тундрах во втор. пол. I тыс. н.э. получила распространение культура субарктического типа [Мурыгин, 1992]. На южных окраинах ареала субарктические племена включали в зону хозяйственного освоения лесотундру, проникали в районы крайне северной тайги Припечорья, на северо-западных – в тундры п-ва Ямал. Ее генезис не вполне понятен, а дальнейшие судьбы по археологическим источникам проследить затруднительно. Культуры эпохи раннего железа Печорского Заполярья, в которых можно было бы видеть непосредственную основу культуре субарктического типа эпохи средневековья, не нашли отражения в археологических источниках или не выделены из имеющегося материала. Пока отсутствуют также прямые доказательства преемственности культуры субарктического типа с культурами эпохи раннего железа Зауралья. В то же время черты сходства со средневековыми культурами Обского бассейна отчетливо прослеживаются в керамике и некоторых культовых поделках. Поздние западносибирские параллели свидетельствуют, видимо, об участии в формировании средневекового субарктического керамического комплекса общего древнего

субстрата евразийского происхождения более раннего, чем I тыс. до н. э., либо о постоянном значительном давлении на евразийский Крайний Север угро-самодийских обских племен эпохи железа.

2.3. Для населения таежного Припечорья, в отличие от бассейна Вычегды, намечается преобладание северного (тундрового) и восточного (нижнеобского) вектора этнокультурных связей, которые по разному объективированы в археологическом материале.

Главным отличием от вычегодского бассейна, где группы гляденовского населения продолжают существовать вплоть до V в. н. э., в печорском бассейне этнокультурные традиции гляденовского населения практически полностью были трансформированы уже к III или IV вв. н. э. Для таежного Припечорья основным показателем серьезных изменений в гляденовской культурной общности явилось сложение на основе одной из культур этой общности – пиджской, бичевницкого культурного типа, в материалах которого фиксируется продолжение общих для Европейского Северо-Востока тенденций сближения с Западной Сибирью.

Ареал бичевницких памятников, в отличие от субарктических, кроме Большеземельской тундры захватывал таежное Припечорье, верхнюю, частью среднюю, Вычегду и левобережные притоки Нижней Оби. В формировании бичевницкого культурного типа приняли участие два основных компонента – субстратный, связанный с местной археологической культурой эпохи раннего железного века типа печорского Гляденова (пиджская культура), и генетически не связанный с предшествующими культурами современной таежной зоны Припечорья.

Палеогеографические реконструкции позволили объяснять довольно резкую смену традиций керамического производства в печорском ареале финно-пермских археологических культур при переходе от эпохи раннего железного века к средневековью инфильтрацией групп племен большеземельского Севера в современную таежную зону Припечорья [Мурыгин, 1992]. Тундровый, этнически не ясный, компонент бичевницкого культурного типа определен на основе косвенных признаков. Известно, что совершенно не обязательно для доказательства миграции фиксация в новом ареале всего комплекса форм культуры, представленных на старом. Культура на новом месте и не может оказаться точной копией исходной культуры. Как правило, противоположному утверждению будут противоречить минимум три фактора – эффект усреднения, миграционная трансформация и неидентичность состава, которые подрывают приложимость критерия «лекальности» [Клейн, 1973].

Прежде всего, об этом свидетельствуют ближайшие параллели бичевницкой керамике в глиняной посуде «субарктического» типа крайнего севера Печорского Приуралья. Общими типолообразующими признаками для той и другой являются – утолщение шейки, орнаментальная схема построения орнамента в целом, отступающая техника, каннелирование, сочетание этих признаков с ямочным узором в основании шейки и добавлением дресвы в глину. Фактически разница заключается только в распространении на раннебичевницкой керамике гладких овальных вдавлений, которые отсутствуют на тундровой посуде, в орнаменте которой развиты гребенчатые (штампованные и в отступающей технике) узоры.

Стимулирующим фактором вертикальной инфильтрации в южные районы Печорской низменности мог послужить сдвиг ландшафтных зон в меридиональном направлении. Данные палеогеографии показывают, что если в период суббореального термического максимума (4300–3200 лет назад) на северо-востоке европейской части России южная тайга простиралась до 64–65° с.ш., а северная достигала морского побережья, то в раннем субатлантикуме (2300–1800 лет назад) здесь происходит дальнейшее расширение тундровой зоны и смещение к югу бореальных видов [Никифорова, 1982]. Граница лесной растительности смещается на 150 км к югу от современной. Можно полагать, что такие глубокие изменения в естественно-географической обстановке – достаточно серьезная побудительная причина для оттока части населения из Заполярья в более благоприятные для проживания южные районы Печорского приуралья. Одновременно в этом же направлении проникали, очевидно, соответствующие элементы традиционной культуры, средства и способы деятельности. Процесс адаптации к меняющимся условиям жизнеобеспечения происходил, видимо, в течение длительного времени и в рамках примерно одного и того же, хотя и сокращающегося лесного ландшафта. Кроме того на сложение раннебичевницкого керамического комплекса оказали влияние те же группы населения из Нижнего Приобья, которые приняли участие и в формировании культуры предшествующего (гляденовского) времени на Печоре (пиджской) [Васкул, 1997].

Вероятно, таежное Припечорье, где прежде заметную роль играл финно-пермский компонент, окончательно интегрировалось в угро-самодийский этнокультурный ареал только со времени сложения здесь раннесредневековой культуры типа Бичевник (вторая половина I тыс. н.э.), ранний этап развития (период становления), которой приходился примерно на вторую четверть I тыс. н.э.

В числе основных предпосылок неординарной ситуации в Печорском Приуралье – параллельное и чересполосное проживание разноэтничных или разнотипных коллективов – следует рассматривать прежде всего миграционную подвижность различного типа. Не последнюю роль здесь играли, видимо, длительные межзональные и межрегиональные перекочевки сезонного типа. Этому способствовали спе-

цифика географического положения территории проживания, особенности ее естественно-географической среды – выраженная зональность растительного покрова, переkreщивание двух зоогеографических границ (широтной – тундра-тайга и долготной – Европа-Сибирь), значительные климатические изменения и большая зональная мобильность на протяжении многих тысячелетий и сравнительно позднее формирование современной границы между тундрой и лесом [Климанов, Никифорова, 1982; Никифорова, 1982; Хотинский, 1977, 1982 и др.]. Из-за многовекового совместного проживания, взаимовлияния и нивелировки традиционных исходных элементов культуры, к эпохе раннего средневековья тундровые и таежные группировки составили определенную и обособленную *этнокультурную общность или культурную область – северно-приуральскую или печорскую*. Населявшие ее племена были дифференцированы на основе ландшафтно-климатических, хозяйственных и соответственно оформившихся этнокультурных различий, обладали высокой миграционной подвижностью сезонного характера, имели экономику присваивающего типа. По-видимому, в Печорском Приуралье на протяжении многих тысячелетий обитало «уральское» население, в археологических культурах которого продолжительное время сохранялись признаки как самодийских, так и финно-угорских народностей. Постоянно подпитываемый зауральскими инфильтрациями местный угро-самодийский этнокультурный компонент являлся составной и неотъемлемой принадлежностью «археологического» и соответствующего ему этносоциоландшафта, по крайней мере, Припечорья с эпохи раннего металла.

Таким образом, для раннесредневекового населения Европейского Северо-Востока становление и последующее развитие их культур были связаны с перманентно происходящими, разнонаправленными и разнотипными миграциями.

Для подвижного охотничье-рыболовческого населения бассейна Вычегды, наряду с *внешними инфильтрациями* из западносибирского культурного ареала, существенную роль сыграла исторически обусловленная прямая *инвазия* инородных коллективов из Прикамья, население которого имело глубокие традиции производящих отраслей в хозяйственном укладе.

В это же время для населения Печорского Приуралья, также с доминированием присваивающих форм деятельности, этнокультурные связи были связаны больше с длительными *внешними инфильтрационными процессами* и *внутрирегиональной культурной диффузией*, происходившими в близкородственной среде. Они были определены двумя основными факторами – негативными изменениями естественно-географической среды (северный инфильтрат) и далекими отголосками кризисных для многих народов событий эпохи Великого переселения народов (восточный инфильтрат).

В печорском регионе Приуралья на протяжении середины – конца I тыс. н. э. наблюдается, как и в предшествующие периоды, более существенное, по сравнению с бассейном Вычегды, влияние на северные приуральские племена нижнеобских этнокультурных традиций. Археологические культуры на территории Печорского Приуралья с глубокой древности отличались смешанным составом населения (в этнокультурном, возможно, антропологическом и языковом отношениях). По-видимому, территория от верховий Печоры до арктического побережья Баренцева моря издревле входила в ареал формирования и обитания местных угро-самодийских групп населения, что не исключает широтных миграций в Печорское Приуралье родственных им аборигенных коллективов из Нижнего Приобья.

Следует отметить следующее важное обстоятельство. Имеющиеся данные создают впечатление, что независимо от формы взаимодействия между внешним, по отношению к территории Европейского Северо-Востока, миром и вычегодско-печорским ареалом имели, в основном, однонаправленный характер. Для местного населения они носили характер заимствования и проявлялись в виде распространения объектов материальной культуры из районов с производящей экономикой (торговля, обмен, семейно-брачные отношения – ?), либо как культурные новации в области хозяйства, технологий и т. д. и были определены освоением новых территорий иноэтничным населением и их смешением с местными коллективами. Иными словами, этнокультурные связи осуществлялись путем односторонней культурной трансмиссии.

Источники и литература

Ашихмина Л.И., Васкул И.О. Памятники ананьинской культурной общности // Археология Республики Коми. – М.: ДиК, 1997. – С. 314-348.

Васкул И.О. Памятники гляденовской культурной общности // Археология Республики Коми. – М.: ДиК, 1997. – С. 349-399.

Клейн Л.С. Археологические признаки миграций // IX МКАЭН, Чикаго. Доклады советской делегации. – М.: Наука, 1973. – 17 с.

Климанов В.А., Никифорова Л.Д. Изменение климата на северо-востоке Европы за последние 2000 лет // Доклады Академии наук СССР. – М., 1982. – Т. 267. – № 1. – С. 164-167.

Королев К.С., Савельева Э.А. Генезис средневековых культур бассейна Вычегды. – Сыктывкар, 1988. – 25 с. (Научные доклады / АН СССР, Урал. отд., Коми науч. центр; Вып. 192).

Мурыгин А.М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. – М.: Наука, 1992. – 182 с.

- Мурыгин А.М. Археологические памятники ванвиздинской культуры бассейна Мезени. – Екатеринбург: УрО РАН, 2001. – 214 с.
- Никифорова Л.Д. Динамика ландшафтных зон голоцена северо-востока европейской части СССР // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. – М., 1982. – С. 154-162.
- Стоколос В.С. Энеолит и бронзовый век // Археология Республики Коми. – М.: ДиК, 1997. – С. 213-313.
- Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. – М., 1977. – 198 с.
- Хотинский Н.А. Голоценовые хроносрезы: дискуссионные проблемы палеогеографии голоцена // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. – М., 1982. – С. 142-147.
- Чеснокова Н.Н. Классификация ванвиздинской керамики // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока. – Пермь. 1982. – С. 106-121.
- Чеснокова Н.Н. Ванвиздинская археологическая культура: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1983. – 16 с.

О численности населения домонгольской Руси (постановка проблемы)

Четких цифр численности населения домонгольской Руси нет. Согласия историков в оценках возможной численности – тоже нет. В 1941 г. вышла неплохая для своего времени, но уже порядком устаревшая монография Ц.Б.Урланиса «Рост населения в Европе», и с тех пор аналогичных по объему и качеству работ в отечественной исторической демографии не было. Урланис оценивал народонаселение Руси около 1000 г. в 5,3 млн. чел. [1]. Почему так – сложно сказать. Мнение ученого-эксперта. У немецкого историка-гиперкритициста Ганса Дельбрюка написано, что плотность населения Германии при Таците – 4-5 чел. на кв. км [2] – вот от этого и плясали. Где Германия на рубеже нашей эры и где Киевская Русь? И можно ли оценки варварской Германии переносить на Русь – тысячи километров в пространстве, другая природно-географическая среда (вспомните – «Что русскому человеку хорошо, то немцу – смерть»), другая эпоха (и другие орудия труда, между прочим).

Академик Б.А.Рыбаков поддерживал оценку Урланиса и считал, что в домонгольской Руси XII–XIII вв. население насчитывало 5-6 млн. чел., а господствующий класс – примерно 3000 «вотчинников всех рангов» [3]. Как он пришел к таким цифрам – неизвестно. Экспертная оценка одного из крупнейших специалистов по истории древней Руси.

Другие исследователи, высказывавшиеся по этой проблеме, позволяют построить такую логическую цепочку. Б.В.Сапунов считал, что городское население Руси XIII в. составляло 5,7 % [4] (почему так – не знаю, а семь десятых процента особенно смущают). По списку городов Русских академика М.Н. Тихомирова выходит к 1237 г. 271 город [5] (хотя не все из них явно были городами, много просто «градов» – огороженных стеной крепких мест). Но общее число городов на Руси академик насчитывал «около 300». 300 городов по оценкам светил прошлого века – это порядка 300 000 жителей, 6 % от всего населения – 5 млн. чел.

Такие оценки получили широкое распространение не только в кругу специалистов но и среди любителей отечественной истории. Вот типичный образец подобных построений, взятый из ЖЖ моего старого интернет-знакомца, московского журналиста, интересующегося историей – Devola: «По оценке Тихомирова, в Новгороде жило в первой половине XIII века до 30 тыс. человек. Примерно столько же – около 20–30 тыс. могло проживать в таких крупных городах как Смоленск, Чернигов, Владимир-Суздальский, Полоцк, Галич, Владимир-Волынский, Рязань и т.п. Итого – у нас есть около 10–12 перворанговых городов с общей численностью населения до 250–300 тыс. человек. Плюс не стоит забывать и Киев, в котором могло проживать до 40–50 тыс. человек. В общем, не сильно ошибусь, если предположу, что в крупных городах Руси жило до 350 тыс. человек.

Всего на Руси было около двух (?) сотен городов, но население большинства было мизерным – 1–2 тыс. человек. Итого мы получаем еще 350–450 тыс. человек городского населения из которых, правда, как минимум, половина все же вела сельское хозяйство. В совокупности непродуцированное население у нас составит около 550–600 тыс. человек (жители крупных городов + половина жителей малых и средних). Предположим, что это – около 8–10% от общей численности населения Руси.

Получается, что совокупное население Киевской Руси на первую треть XIII века должно составлять порядка 5,5–6,5 млн. человек» [6].

Насколько обоснованны такие построения? По моему мнению – никак не обоснованы.

Во-первых, бросается в глаза очень нестрогая математика подобных «расчетов». Названы восемь «перворанговых» городов, считается почему-то 10–12 по 25–30 тыс. жителей, получают, однако, не 250–360 тыс., как следовало бы, а 250–300 тыс., прибавляют Киев (еще 40–50 тыс.) и выходит максимальная планка не в 400–410 тыс., а всего 350 тыс. Вместо трехсот городов Тихомирова произвольно берется «около двух сотен» по 1–2 тыс. – но в сумме это дает не 200–400 тыс., а почему-то «еще 350–450 тысяч». Ну и итог – 350 тыс. + 350–450 тыс. в сумме – «около 550–600 тысяч». «Гдэ-то пят, шест» как в том анекдоте. А ведь на основании суммы, взяв ее за 8–10 % городского населения (совершенно фантастическая цифра для средневековья) получают общее число возможных жителей Руси. Стоит ли говорить, что ценность подобных «подсчетов» ничтожна?

Можно сказать, что это любительские расчеты, не имеющие отношения к науке. Но любители истории просто берут пример с профессиональных исследователей, применяющих ту же методу. В большинстве случаев мы имеем такой подход: раскопано несколько десятков поселений на Руси (степень раскопанности колеблется от нескольких процентов площади до почти полной зачистки), в 90 % случаев

---

¹ Чернышевский Дмитрий Викторович (Саратов) – кандидат исторических наук, доцент, проректор Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского.

«на глазок» – без тщательной палеоэкономической модели – проведена прикидочная оценка возможного количества жителей «вообще» эти оценки экстраполированы на «всю Русь» и на другие – не раскопанные или не столь раскопанные поселения опять же «на глазок» – на основании сравнения с Европой или Ближним Востоком, где делаются такие же примерные оценки, но чуть более документированные – заявляется, что численность городского населения Руси была 5 % (а может 6 %? или 3 %?). И с торжеством вытаскивают на свет Божий цифры: 5 млн., или 8 млн., или 12 млн. – кому какая больше нравится. Любой математик – и просто знакомый с школьной программой по математике – скажет, что это правильно – «допуски» в расчетах позволяют. Но можно ли опираться на такие оценки?

Во-вторых, в подобные расчеты необоснованны имеющимся историческим материалом. Из упоминаемых Тихомировым крупных древнерусских городов по археологическим разведкам площадь более 12 га имели всего 30–40 городов. В крупных русских городах XVII в., структура и плотность застройки которых не намного отличались от древнерусских, на 1 гектар приходилось от 100 до 150 жителей. При этом Рязань, например, застроена на 50–70 % от площади стен, то же самое Киев и другие города. Русский средневековый город – это не тесное скопище громоздящихся друг на друга домов Западной Европы. Это – сообщество *усадеб*. Русский город представлял из себя небольшую крепость с посадом, а иногда и крепости не было (Ростов, Белоозеро), одним словом – «большая деревня» с усадьбами сельского типа, с огородом, скотным двором и т.д., места занимал много, а населения – мало. «Городского населения» как такового тоже не было, у каждого – надел земли, с которого кормились. Если поднять писцовые книги за XVI–XVII вв., там в городах в основном «осадные дворы» уездных помещиков и дома «служилых людей» – стрельцов, пушкарей, воротников, которые заодно и ремеслом занимались, как таковых «посадских» меньше половины. Ранее тенденция примерно такая же. Деревни очень небольшие (1–3 двора) – практически одна семья. Крупные города – это «дворы» вотчинников, бояр, усадьбы их клиентов и ремесленные посады. Площадь большая, народу мало. Так что 10 городов по 30 тыс. жителей на Руси – очень смелое и необоснованное допущение. Кроме того, малые города Руси, как показывают раскопки Ладоги, Вщижа, Копорья, Серенска и др., насчитывали не 1–2 тыс., а, как правило, несколько сот обитателей. В итоге это, естественно, дает меньшую численность общего населения страны.

Неудивительно, что разброс мнений о численности жителей древней Руси весьма велик. Акад. Толочко считает, что на Руси перед татарским завоеванием жили 12 млн. чел. Б.В.Сапунов – 7–8 млн. [7].

Почему 12 млн.? 6 млн. – в Южной Руси и столько же – в Северной. Но южнорусские земли до монгольского нашествия были населены гораздо плотнее, а по северо-восточной Руси у нас есть результаты переписи, организованной монгольскими сборщиками дани в 1256–1257 гг. – «15 тем», т.е. 1,5 млн. жителей.

Вот расчет П.П.Толочко по хорошо знакомому ему Киеву: «Культурный слой древнего Киева распространяется на площади около 360–380 гектаров. Широкие археологические раскопки Киева, особенно последних десятилетий, позволили определить плотность городской застройки в XII–XIII веках. Взяв за эталонные несколько хорошо исследованных усадеб в Верхнем городе, а также на Подоле, мы получили, что площадь одной усадьбы в среднем была 0,03 гектара. Здесь не учтены размеры больших феодальных дворов. Объясняется это несколькими причинами. Во-первых, ни один из них пока не удалось раскопать. Во-вторых, на каждой такой усадьбе проживала не одна, а несколько семей. Следовательно, для демографических расчетов важнее знать размеры усадьбы одной среднестатистической семьи, в которой в средние века было 6 человек.

Зная площадь всего города и размеры условной усадьбы, мы, тем не менее, еще не можем приступить к расчету числа его жителей. Для этого необходимо получить еще несколько цифр: площадь города, занятую жилой застройкой, и число располагавшихся на ней условных усадеб.

Таким образом, определить коэффициент плотности городской застройки в XI–XIII веках чрезвычайно трудно. «Город Владимира» (детинец древнего Киева), который лучше других районов изучен археологически, был заселен только на 60 – 70 процентов от общей площади. В других районах («город Ярослава», Подол, околица) плотность застройки была меньшей.

В своих расчетах мы исходили из 60 процентного коэффициента плотности, являющегося минимальным для западноевропейских средневековых городов, что, видимо, близко к реальному положению дел и в древнем Киеве. В результате получены следующие данные: городская застройка занимала около 230 гектаров и имела немногим более 8 тысяч условных усадеб. В них могло жить, при условии, что среднестатистическая семья в средневековье состояла из шести человек, около 50 тысяч человек» [8].

Легко заметить, что и здесь присутствует несколько сомнительных допущений. Во-первых, если не удалось раскопать ни одного феодального двора, то, зная роль боярства в Киеве, невозможно на этом основании не учитывать их в расчетах. Во-вторых, можно ли без дополнительных обоснований переносить западноевропейские коэффициенты на иные по структуре города Руси? В-третьих, откуда предположение, что древние киевляне при наличии большого количества незастроенных площадей в городе, предпочитали ютиться по несколько семей в каждой усадьбе? А ведь каждый вопрос может сильно изменить итоговую цифру в оценке.

Другой мой хороший знакомый по этому поводу писал в 2004 г.: «Основная проблема, мешающая более точным оценкам – отсутствие внятной и объяснимой картины хозяйственного и пищевого потенциала территории. Урожайность оценивают на глазок, про почвы вообще не вспоминают – хотя основополагающие работы написаны еще в начале XX века. О климате тысячу лет назад в работах 30–40-х годов, не говоря уж о работах XIX века, говорится всего ничего... И что тут можно оценить?»

Могу для примера привести древнейшую историю Латвии. Население к 1000 году оценивается примерно в 150–300 тыс. человек, т.е. 2.5–5 чел./кв.км. Оценивают и по климату, и по количеству захоронений. Помните процент исследованных городищ? Т.е. примерно знают общее число – и можно даже поехать туда и посмотреть на неисследованную горку.

Пробовал пересчитать для XIV века, исходя из ревизии Кулдигского комтурства. Есть 2300 дворов, количество рыцарей в комтурстве, исходя из 30 коней – максимум 15 всадников. Приняв общее число рыцарей в ордене за 150, получаем примерно 23000 дворов. Добавим территории архиепископа, уберем владения ордена на территории Эстонии. Вычтем уход земгалов в Литву. Двор считают кто 5 человек, а кто и больше. Основания – скандинавские саги про нашествия варягов. В сагах описан быт куршей 8 века. Насколько правомерно экстраполировать куршей на всю Латвию – «ну где-то так, пят, шест...». Получается где-то от 150 до 250 тыс. Т.е. примерно то же самое количество, что и к тысячному году.

Все это – «плюс-минус трамвайная остановка». Точно так же все понимают совершенно сомнительную правомерность такого занятия как экстраполяция писцовых книг конца XV в. на всю Русь хотя бы того же времени, не говоря уж о XII–XIII вв. А другого-то нет..

Нужна подробнейшая модель климата – иначе из этого тупика не выбраться. А источники уже в XIX в. изучены достаточно хорошо и принципиально ничего дать не могут. Потому и работы стариков-«зубров» (и по Римской империи, и по средневековой Европе) принципиально актуальны до сих пор. Мы сами виноваты, что не ввели новый (климатический) материал...».

Подводя итоги – ситуация неутешительная. Имеющиеся источники не позволяют дать сколько-нибудь обоснованную оценку численности населения домонгольской Руси. Нужны специальные исследования, опирающиеся на археологический материал и палеоэкономические модели (учитывающие почвы и климат). Тогда будет можно перейти от спекулятивных «экспертных оценок» к более обоснованным цифрам.

Источники и литература

1. Урланис Б.Ц. Рост народонаселения в Европе. – М., 1941. – С. 86.
2. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. – М., 1937. – Т. 2. – С. 27-29.
3. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. – М., 1982. – С. 472.
4. Сапунов Б.В. Книга в России в XI–XIII вв. – Л., 1978. – С. 59.
5. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. – М., 1956. – С. 42.
6. http://users.livejournal.com/_devol_/168293.html
7. Сапунов Б.В. Основные ориентиры внешней политики Александра Невского / <http://sir35.ru/Sapunov/AN.htm#Beg>
8. Толочко П.П. Демография древнего Киева // Наука и жизнь. – 1982. – № 4.

Переписные книги 1646 года как источник по проблемам демографии населения России: вопрос полноты информации

Переписные книги 1646 г. давно введены в научный оборот и весьма активно используются для изучения динамики народонаселения Московского государства в целом и отдельных его регионов в частности. Невозможно найти работу, посвященную народонаселению России в середине XVII в., где бы не использовались данные переписных книг 1646 г.

У исследователей неоднократно возникал вопрос о репрезентативности данных этого источника при использовании его в указанном направлении. Однако данный вопрос всегда решался в пользу источника. В целом такой подход исследователей, на наш взгляд, правильный и справедливый.

И, все же, существует одна проблема, мешающая безоговорочно принять устоявшуюся точку зрения. Дело в том, что в ходе исследования северных (черносошных) и южных (однодворческих, в основном) регионов выявилась разная информативная составляющая этого источника.

Для анализа были произвольно взяты Вологда и Яренский уезд в регионе Русского Севера и Болховский, Ливенский, Новосильский и Орловский уезды региона Российского Юга. Напомним, что Болховский и Новосильский уезды относятся к числу старопоместных, а Ливенский и Орловский уезды – в то время относились к числу недавно созданных в районе Дикого Поля.

Обратимся к конкретным примерам, сравнивая, по возможности, данные переписной книги 1646 года с информацией, зафиксированной в «смежных» кадастровых документах: писцовых книгах конца 1620-х годов и переписных книгах 1678 г. по каждому выбранному нами региону при наличии возможности по отдельной, существовавшей тогда деревне.

Начнем с северных территорий.

Яренский уезд

Переписная книга 1646 г.: «Погост Ошлапя. Деревня Бабина гора на суходоле, а в ней крестьян:

Во дворе Ермолка Федоров сын Латушев з детьми, з Давыдком да с Ёгнашком, да с Ёвашком, а Ивашко шести лет.

Во дворе Петрушка Александров сын Латушев.

Во дворе Мишка Федоров сын Вепрев з детьми с сыном с Ваською, а Васька осьми лет, у него ж сын Мишка сошел в Сибирь, холост, в нынешнем во 154-м году.

Во дворе Трифанко Микифоров сын Овчинников.

Во дворе Ортюшка Микифоров; во дворе Панфилко Федоров сын Латушев.

Во дворе Осипко Антонов сын з детьми с Тимошкою да с Фомкою, да с Сенькою, а Сенька пяти лет» [1].

Писцовая книга 1628/29 г.: «Погост Ошлапя. Деревня Бабина гора на ручью, а в ней крестьян:

Во дворе Шестачко Ларивонов, средней, да дети ево Панфилко да Ермолко.

Во дворе Киприянко Ларивонов, средней, да сын ево Первушка.

Во дворе Тимошка Иванов, молотчей.

Во дворе Ларька Иванов, молотчей; д. пуст Шестачка Ларивонова» [2].

Переписная книга 1678 г.: «Погост Ошлапя. Деревня Бабина гора, Загарье тож:

Во дворе крестьянин Васька Ярафеев сын Кожевников, у него дети Гришка 15 лет, Ивашко 13 лет.

Во дворе крестьянин Федька Ермолаев сын Латушев, у него сын Кирилко 5 лет.

Во дворе крестьянин Сенька Осипов сын Шевырин, бездетен.

Во дворе крестьянин Васька Петров сын Кутилов, у него брат Конашка 15 лет.

Во дворе крестьянин Ганка Исаков сын Софьин, у него племянники Федька 14 лет, Никишка 13 лет.

Во дворе крестьянин Герасимко Козьмин сын Шевырин, у него брат Мишка 10 лет.

Во дворе крестьянин Прохорко Ермолаев сын Латушев, у него сын Фадейко 5 лет.

Во дворе бобыль Сенька Феодулов сын Коковкин, у него брат Оська 9 лет.

Во дворе крестьянин Серешка Самойлов сын Митькин, у него дети Ерофейко 8 лет, Максимко 4 лет.

Во дворе бобыль Афонька Иванов сын Ермаков, у него сын Ивашко в возрасте.

Во дворе крестьянин Ивашко Иванов сын Веселков, у него сын Пронька в возрасте.

---

¹ Мацук Михаил Александрович (Сыктывкар) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Двор пуст Логинка Козьмина, покиня двор и пашню живет в половниках Ленского погоста у крестьянина у Ивашка Шаньгина в деревне» [3].

Итак, переписная книга Яренского уезда 1646 г. фиксирует всех проживавших в конкретной деревне крестьян, причем отмечая возраст несовершеннолетних детей. Данные этого документа сопоставимы с приведенными данными писцовой книги 1628/29 г. и переписной книги 1678 г. По приводимым данным текст переписной книги 1646 г. почти не отличается от текста переписной книги 1678 г.

Вологда

Переписная книга 1646 г. : «Улица Вознесенская по обе стороны.

Двор архиепископла бобыля Николской владычной слободы Бориска Микифорова сына Дмитриева.

Двор посадцкого человека Ивашки Григорьева Короля. Двор посадцкие вдовы Каптелинки Первушкинские жены Ермолина. Да у ней же жил в соседех посадской бобыль Юрка Аверкиев, сшол безвестно во 154 году.

Двор посадцкого человека Ивашка Сидорова с сыном Ивашком. Двор монастырской осадной Николы Корельского монастыря. А в нем живет посадцкой бобыль Васка Стахеев.

Двор посадцкого человека Дениска Прокофьева. Двор осадной смолянина Исаака Васильева сына Неелова. А в нем живет дворник посадцкой бобыль Якунка Дмитриев с сыном с Колкою.

Двор вознесенского попа Ивана Макарьева.

Двор пушкаря Обросимка Макарьева.

Двор посадцкого человека Андрюшки Жданова сына Боброва.

Двор вдовы Домницы воротника Дмитриевские жены Чюркина.

Двор пуст Троицы Сергиева монастыря бобыля Тихонка Брызгала, умре.

Двор посадцкого человека Васки Иванова сына Миронова с сыном с Кузкою, рыбники.

Двор архиепископла Судного приказу подьячего Киряка Гарасимова» [4].

Переписная книга 1678 г.: «Улица Вознесенская.

Двор стряпчего Бориса Офонасьева сына Зубова. У него на дворе дворник посацкой человек Викулка Мокшеев сын. У Викулки сын Васка семи лет.

Двор Федора Васильева сына Зубова. У него на дворе дворник посадцкой человек Федка Михайлов сын, у него сын Васка Михайлов сын, у него сын Васка десяти лет.

Двор вдовы Ирины съезжей избы подьячего Андреевские жены Софонова. У ней дворник села Турунтаева крестьянин Ивашко Иванов сын. У него сын Ивашко трех лет.

Двор Ферапонтова монастыря. А в нем живет посацкая вдова Федосьица Ларионовская жена. У нее сын Ганка четырнадцати лет.

Двор посацкого человека Пашки Федорова сына. У него сын Стенка дватцати пяти лет.

Двор посацкого человека Анашки Андреева сына. У него два сына – Самошка десяти лет, Мишка пяти лет.

Двор посацкого человека Илюшки Семенова сына Лызлова. На нем живет церкви Вознесения Господня дьякон Михайло Иванов сын.

Двор посадцкие вдовы Каптелинки Ульяновские жены Ермолина. Двор посацкого человека Мишки Семенова сына Кочергина. У него сын Петрушка трех лет.

Двор посацкие вдовы Каптелинки Аверкиевы дочери Первушкины жены Ермолина.

Двор Николы Корельского монастыря. На нем дворница вдова Марьица Флорковская жена, Спаса-Рабенского монастыря крестьянка. У нее два сына – Ивашко тритцати лет, Васка дватцати пяти лет. А по скаске земского старосты и посацких людей Ивашко и Васка торгуют на Вологде с посацкими людьми вместе многие годы.

Двор Лва Иванова сына Монастырева. У него дворник посацкий человек Ивашко Осипов сын, у него сын Ивашко десяти лет.

Двор вознесенского попа Алексея Иванова. У него брат Андрюшка, пономарь.

Двор ямской съезжей. На нем дворник ямщик Мишка Оксенов сын, у него сын Федька пятнадцати лет.

Двор Саввы да Василья Ивановых детей Лихаревых. У них дворник ямщик Данилко Денисов сын, у него два сына – Лучка десяти лет, Ивашко осмии лет.

Место дворовое пустое вознесенского попа Алексея.

Двор Василья Семенова сына Дохтурова. У него дворник вологодской пристав Ивашко Савинов сын Смешков, у него сын Федка трех лет.

Двор гулящего человека Матюшки Минеева сына. У него три сына – Мишка двунатцати лет, Микишка десяти лет, Елфимко пяти лет.

Двор архиепископла бобыля Нефедки Кирьянова сына. У него дворник посацкой бобыль Куземка Федулов сын Колмогоркин.

Место дворовое пустое посадского человека Куземки Меринова. А ныне он, Куземка, в попех служит в селе Фрязинове.

Двор пуст посадского бобыля Плешки Комарова. А у него на дворе живет посацкой бобыль Ивашко Бильков.

Двор князь Бориса княж Васильева сына Горчакова. У него дворник посацкой человек Федка Карпов сын» [5].

Итак, переписная книга Вологды 1646 г. значительно отличается от переписной книги 1678 г., в первую очередь тем, что не фиксирует возраст сыновей взрослых хозяев дворов или других, проживавших во дворах лиц. Возникает подозрение, что переписчики И.И. Бутурлин и подъячий Е. Иванов зафиксировали, по примеру писцовых книг, лишь взрослых сыновей, оставив за скобками переписи малолетних детей.

Переписные книги южных уездов России содержат не одинаковые по полноте сведения о зависимом населении, а также о наличии в уездах помещичьих дворов. Приведем данные переписи 1646 года по четырем соседним уездам.

Болховский уезд

Переписная книга 1646 г.: «Стан Нугурской. Деревня Гавриловское селище на речке на Войской. За помещики: За Васильем Епишевым сыном Сеченово. Крестьян за ним нет. Живет однодворком.

За Григорьем Григорьевым сыном Сеченова, а ныне за сыном ево Федором. А за ним: во дворе крестьянин Володка Яковлев с сыном с Сенком.

За Ермолаем Григорьевым сыном Сеченово. А за ним: во дворе крестьянин Богдашко Осипов з детьми с Лучкою, да с Ывашком, да с Якушком.

За Олексеем Григорьевым сыном Сеченово, а ныне за дочерью ево за девкою за Дарьею. А за нею: во дворе крестьянин Стенка Иванов сын Свасков.

За Иваном да за Гавриилом за Васильевыми детьми Сеченово. Крестьян нет. Живут однодворцами (в тексте – живет однодворцем)» [6].

Итак, в переписной книге Болховского уезда фиксировались все поместья в конкретной деревне. В поместьях указывались крестьянские дворы и в них крестьяне - дворовладельцы и их дети без указания возраста, возможно, только взрослые сыновья.

Ливенский уезд

Переписная книга 1646 г.: «В деревне Зубцове, что был починок Буняевской, Мишустино тож, на речке на Лесной Ливне под Красным лесом против Евланова колодезя:

За Исаем Ивановым сыном Зубцовым на ево земле живет себе двором брат ево двоюродной неверстаной сын боярской Тимофей Дмитриев сын Зубцов.

В деревне Костомарове, что было займище Присада под Красным лесом и под Евлановым рогом на речке на Лесной Ливне:

За Родионом Яковлевым сыном Губановым, живет на ево земле себе двором племянник ево двоюродной Молашка Мяхкой.

За Елисеем Степановым сыном Чюпахиным на ево земле живет себе двором ливенец сын боярской Гаврила Сапрыкин.

За Олферьем Левиным сыном Булгаковым крестьян: во дворе Левка Иванов с сыном с Федком да с пасынком с Фирсиком Терентьевым; во дворе Митка Фефилов, а брат ево Миткин родной Ромашка в нынешнем во 154-м году пошел в солдаты» [7].

Переписная книга 1678 г.: «Деревня Зубцова, что был починок Буняевской, Мишустино тож. За детьми боярскими крестьян и бобылей нет.

За Корнилою Фоминым сыном Ивашовым.

За Молафеем Степановым сыном Красовым.

За Лукьяном Фолимоновым сыном Красовым.

За Фирсом Филимоновым сыном Красовым.

За Степаном Демидовым сыном Красовым.

За Дорофеем Акимовым сыном Красовым.

За Хорламом Аверкиевым сыном Мяхким.

За Матвеем Михайловым сыном Адашевым.

За Филимоном Титовым сыном Зубцовым.

За Сидором Титовым сыном Зубцовым.

За Васильем Семеновым сыном Зубцовым.

За Мелентьем Мелентьевым сыном Зубцовым.

За Торасом Мелентьевым сыном Зубцовым.
За Кузьмою Гарасимовым сыном Зубцовым.
За Тимофеем Автомоновым сыном Зубцовым.
За Петром Понкратьевым сыном Лагутиным.
За Семеном Дементьевым сыном Лагутиным.
За Аникием Григорьевым сыном Зубцовым.
За Меркулою Григорьевым сыном Зубцовым.
За Самоилою Сергеевым сыном Аширкиным.
За Иваном Сергеевым сыном Ескиным.
За Григорьем Зотовым сыном Аширкиным.
Деревня Костомарова, что было займище Присада. А в ней за помещики крестьян и бобылей нет.
За Савином Исаевым сыном Чюпахинным.
За Карпом Родионовым сыном Губановым.
За Семеном Максимовым сыном Губановым.
За Микифором Ивановым сыном Голоцким.
За Иваном Ивановым сыном Голоцким.
За Ларионом Борисовым сыном Селеменевым.
За Тимофеем Артемьевым сыном Бизгиным.
За Ларионом Трофимовым сыном Леоновым.
За Петром Осиповым сыном Булгаковым.
За Васильем Селивановым сыном Жердевым.
За Федотом Селивановым сыном Жердевым.
За Аникием Микитиным сыном Леоновым.
За Лукою Алексеевым сыном Леоновым.
За Савельем Филимоновым сыном Теряевым.
За Обрамом Кузьминым сыном Теряевым.
За Савельем да за Трофимом Алферьевыми детьми Булгаковыми.

Которые де преж сего были за отцы их два двора крестьянских и в прошлых годах в приход крымского хана взяты в полон, а ныне пусто» [8].

Писцовая книга 1628 и 1629 гг.

Приведем итоговые данные по деревне Зубцовой «в Долгой поляне, что был починок Буняевской Мишустина на речке на Лесной Ливне под Красным лесом против Евланова колодезя»:

«И всего в деревне в Зубцове помещиков детей боярских 16 человек, недоросль один человек... В деревне ж в Зубцове тринадцать дворов помещиковых, три двора крестьянских, три двора бобыльских, людей в них тож, двор пуст бобыльской, место дворовое крестьянское...» [9].

Итак, переписчики Ливенского уезда в 1646 г. фиксировали только те поместья, где были зависимые люди. Они пропустили данные, например, по деревне Зубцовой, как минимум о 10 поместьях, находившихся в деревне. Кроме того, они почему-то отмечали не только зависимых людей (крестьяне, бобыли и т.д.), но и детей боярских, построивших дворы на землях своих родственников.

Новосильский уезд

Переписная книга 1646 г.: «Стан Городцкой. За Офремом Ивановым сыном Токмаковым в поместье жеребей села Вежек. За ним: во дворе крестьянин Ульянко Иванов сын, у него три сына: Самошко да Клементейко, да Сенка. Всего за Офремом двор крестьянской, людей в нем четыре человека.

В том же селе Вежек за Иваном Ильиным сыном Руденским в поместье жеребей. За ним: во дворе крестьянин Томилка Данилов сын, у него четыре сына: Ермошка да Ивашко, да Наумко, да Самошка. Всего за Иваном двор крестьянской, людей пять человек.

В том же селе Вежек за Иваном Ивановым сыном Руденским в поместье жеребей. За ним: во дворе крестьянин Петрушка Омелянов сын, у него сын Платонка. Всего за Иваном двор крестьянской, людей в нем два человека.

В том же селе Вежек за Игнатием Прокофьевым сыном Пашковым в поместье жеребей. За ним: во дворе крестьянин Максимко Иванов сын, у него зять Тишка Иванов сын Путивцов. Да за ним же бобыльских дворов: во дворе Федотка Иванов, у него два сына: Минка четырех лет, Стенка двух лет. Во дворе Ивашко Осипов сын, прозвище Солдат. Всего за Игнатием двор крестьянской, людей в нем два человека, да два двора бобыльских, людей в них четыре человека. Обоего крестьянских и бобыльских три двора, людей в них шесть человек.

И всего в селе Вежек за Офремом да за двумя Иваны, да за Игнатъем четыре двора крестьянских, людей в них тринадцать человек, да два двора бобыльских, людей в них четыре человека. Обоего крестьянских и бобыльских шесть дворов, людей в них семнадцать человек.

Тово же села Вежек помещик Еустрат Руденской (сказал): беглой де ево крестьянин Изоска Киреев, бегая от него, живет на Ельце в казачье слободе у казака у Данилка Валуева. Бежал де из-за нево тому девятой год, и челобитья де ево государю о том крестьянине не было» [10].

Итак, переписчики Новосильского уезда, вероятно, зафиксировали все поместья и вотчины в уезде и в них зависимых людей, а также сведения о прежде бывших там крестьянах и бобылях, сбежавших от своих владельцев. Весьма интересной особенностью переписной книги Новосильского уезда 1646 года является указание, в ряде случаев, на возраст малолетних детей крестьян и бобылей. Интересно, что данные факты не оговаривались в преамбуле документа.

Орловский уезд

Переписная книга 1646 года: «Деревня Леднына на речке на Леденке под Корчековым лесом. За помещики:

Двор помещика Степана Безсонова сына Гневушева.

Двор помещика Давыда Безсонова сына Гневушева.

Двор помещика Трофима Михайлова сына Алымова.

Двор помещика Ивана Олфимова сына Ананьина.

Двор помещика Якова Михайлова сына Алымова.

Двор помещика Архипа Маркова сына Переверзева.

А крестьян и бобылей за ними нет.

Починок Худяков на речке на Оцне. За помещики. Поселились вновь тому пять лет.

Двор помещика Мартына Степанова сына Юшюкова.

Двор помещика Офонася Олексеева сына Микулина.

Двор помещика Исаия Тимофеева сына Коньныхина.

Двор помещика Остафья Кондратьева сына Демина.

Двор помещика Потапа Игнатъева сына Онахина. Да за ним: во дворе крестьянин Максимка Степанов, у нево детей: Ерошка триьцати лет, да Ондрюшка, у Ондрюшки детей: Петрушка десяти лет да Гордеика, году» [11].

Итак, переписчики Орловского уезда указывали все дворы в населенном пункте, в том числе и помещичьи. Фиксируя зависимых людей, они указывали возраст крестьянских детей.

Таким образом, в ходе анализа переписных книг 1646 г. случайным образом взятых южных и северных уездов выявилось три редакции этого документа, причем две относятся к типичным: 1. Широкая (Орловский, Новосильский, Яренский уезды), характеризующаяся указанием возраста детей зависимых людей. 2. Узкая (Болховский уезд, Вологда), без указания возраста детей. Третья редакция, которой мы пока не дали названия, относится к переписной книге 1646 г. по Ливенскому уезду. Возможно, мы имеем дело с уникальной трактовкой переписчиками полученной ими инструкции.

Возможно, отличие данных, занесенных в переписные книги разных уездов, вытекает из разных наказов переписчикам? Чтобы проверить эту гипотезу, сравним преамбулы переписных книг.

Болховский уезд

Переписная книга 1646 г.

Преамбула книги: «154-го генваря в 31 день государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси указал Григорью Борисовичю Нашокину да подъячему Богдану Анкидинову описать в Болхове на посаде и в уезде и в своих государевых в дворцовых волостях и в патриарших, и в митрополичьих, и в монастырских вотчинах, и за бояры, и за окольничими, и за думными людьми, и за стольники, и за стряпчими, и за дворяны московскими, и за дьяки, и за жильцы, и за дворяны, и за детьми боярскими из городов, и за отставленными дворяны, и детьми боярскими, и за вдовами, и за недоросльми, сколько за кем в вотчинах их и в поместьях дворов и во дворах крестьян и бобылей, и бобылок, и их детей и братьи, и племянников, и сосед, и подсоседников, и задворных людей поименно с отцы и с прозвищи...» [12].

Ливенский уезд

Переписная книга 1646 г.

Преамбула книги: «Лета 7154-го мая в 20 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу и по наказу за приписью дьяка Микиты Головина князь Федор Петрович Борятинской да подъячей Дмитрий Болотов по скаскам за руками на Ливнах в городе и за городом посадских тяглых

людей и на дворничестве дворников, и на церковных землях, и всяких чинов за людьми бобылей и бобылок досматривали... А что в Ливенском уезде за помещики и за вотчинники по скаскам за руками и по досмотру князя Федора Петровича Борятинского да подьячего Дмитрия Болотова крестьян и бобылей, и их детей и братьи, и племянников, и за кем имяны за помещики и за вотчинники, и в котором стану и в селе, и в деревне, и в починке, и сколько за кем крестьян и бобылей, и их братьи и племянников, и хто имяны с отцы и с прозвищи, и то писано в сей книге подлинно» [13].

Новосильский уезд

Переписная книга 1646 г.

Преамбула книги: «Лета 7154-го году февраля в 28 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу и по наказу из Поместного приказа за приписью дьяка Ивана Зеновьева Петр Семенович Воейков да подьячей Семен Парфеньев переписывали в городе в Навасиле и на посаде и в Навасильском уезде дворы и во дворах людей имяны и с отцы и с прозвищи, и что в Навасиле в городе и на посаде дворников и в Навасильском уезде за помещики и за вотчинники в поместьях и в вотчинах крестьян и бобылей, и у них детей и братьи, и племянников имяны, и то писано в сех книгах по статьям ниже сего» [14].

Орловский уезд

Переписная книга 1646 года

Преамбула книги: «Лета 7154-го по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу, каков дан ис Помесново приказу за приписью дьяка Микиты Головина. Указал государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси на Орле на посаде посадских и ремесленных людей, и бобылей, и захребетников, и сосед, и подсоседников, и их детей и братью, и племянников, и всяких посадских жилецких людей, и весь Орловский уезд в своих государевых дворцовых селах, и за патриархом, и за властями, и за бояры, и за окольными, и за думными людми, и за стольники, и за стряпчими, и за дворяны московскими, и за дьяки, и за приказными людми, и за жильцы, и за дворяны детми боярскими, и за городовыми иноземцы, и за всяких чинов служилых людей и отставленных дворян, и детей боярских, и вдов, и недорослей против своего государева указу переписать дворы крестьянские и бобыльские, и бобылок, и захребетников, и сосед, и подсоседников, и их детей и братью, и племянников по имяном с отцы и с прозвищи князю Данилу Матвеевичу Несвитцкому да подьячему Микифору Ковыршину» [15].

Яренский уезд

Переписная книга 1646 г.

Преамбула книги: «Лета 7154 года по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу и по наказу, каков дан наказ из Новгородской четверти за приписью дьяка Олмаза Иванова Еренского городка и Еренского уезду писцом Петру Александровичю Граевскому да подьячему Феофану Протопопову: что на посаде дворов, а в них людей по имяном с отцы и с прозвищи, и на церковных землях церковных причетников, и бобыльских дворов, и на дворах дворников, и сосед и подсоседников бобылей и бобылок, и в уезде в селех и в погостех, и в волостях, и в погосцах, и в деревнях, и в починках, что дворов крестьянских и на церковных землях церковных причетников, и бобыльских дворов, и во дворах людей по имяном, с отцы и с прозвищи, и их детей и племянников, и внучат, которые в сверстные лета в пятнатцать лет и больши, и те люди с отцы их и с дядями написаны в ряд, а которые меньши пятинатцати лет, и тем людям лета описаны имянно...» [16]

В результате сравнения выявилось, что преамбулы переписных книг в целом одинаковы и не содержат указаний на столь существенные различия, которые характерны для переписной книги Ливенского уезда по сравнению с остальными анализируемыми документами. В то же время в преамбулах переписных книг Новосильского и Орловского уездов не указана норма, регламентирующая указание возраста детей и подростков, а в переписной книге Яренского уезда такая норма есть.

Таким образом, исследователь, пользующийся переписными книгами 1646 г. как источником по истории народонаселения страны в целом и отдельных регионов в частности, может не получить сравнимые данные по соседним уездам, не говоря уже о местностях, отдаленных друг от друга. Выявленная особенность документа заставляет относиться к нему с определенной осторожностью и проводить сравнительный анализ используемого источника с аналогичными документами, относящимися к другим территориям для выяснения степени репрезентативности выбранного для анализа документа.

Источники и литература

1. Документы по истории народа коми. Писцовая и переписные книги Яренского уезда XVII в. / Составители Н.П. Воскобойникова, М.А. Мацук. – Сыктывкар, 1985. – С. 33, 63.

2. Там же. – С. 19.
3. Там же. – С. 230-231.
4. Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века. В двух томах. Т. 1. Писцовые и переписные книги Вологды XVII века / Подготовка к изданию И.В. Пугач, М.С. Черкасова. – М.: «Кругъ», 2008. – С. 3-4.
5. Там же. – С. 79-80.
6. РГАДА. Ф. 1209. Оп. Поместный приказ. Кн. 14. Л. 23 об. – 24 об.
7. РГАДА. Ф. 1209. Оп. Поместный приказ. Кн. 14. Л. 415 об. – 416 об.
8. Там же. Кн. 14258. Л. 29 – 32.
9. Там же. Кн. 233. Л. 112 – 112 об.
10. Там же. Кн. 526. Л. 47 об. – 49.
11. Там же. Кн. 14. Л. 214 – 215, 217 об. - 218 об.
12. Там же. Кн. 14. Л. 1 – 1 об.
13. Там же. Кн. 14. Л. 409, 415.
14. Там же. Кн. 526. Л. 43 – 43 об.
15. Там же. Кн. 14. Л. 212 – 213 об.
16. Документы по истории народа коми. – С. 33

Румянцевская опись 1765–1769 гг. как источник по демографической истории русского купечества в городах Малороссии

Современная историческая урбанистика уделяет значительное внимание изучению населения городов Средневековья и раннего Нового времени. Важную роль в исследованиях особенностей функционирования городского населения выполняет историческая демография, данные которой необходимы для изучения городской повседневности, семьи, специфики менталитета и поведения населения.

Таких работ в русской историографии на сегодня значительное число. Классикой направления является монография Ю. Бессмертного «Жизнь и смерть в средние века», которая изучает развитие демографических процессов во Франции в VIII–XVIII вв. [1]. Примером обобщающего подхода к исследованию городского населения является работа Б. Миронова «Русский город в 1740–1860 годы: демографическое, социальное и экономическое развитие» [2]. Другой подход использовали А. Каменский и О. Кошелева. Работа А. Каменского «Повседневность русских городских обывателей: исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в.» исследует жизнь одного русского провинциального города – Бежецка. Отдельная её глава посвящена демографии населения [3]. О. Кошелева сфокусировала объект исследования еще более крупным планом, её монография «Люди Санкт-Петербургского острова петровского времени» хронологически охватывает 1717–1722 гг., а территориально – только один район города. В третьей части монографии изучаются демографические характеристики населения разных половозрастных и социальных групп [4].

Мы привели только некоторые примеры из известных нам работ русских историков, посвященных демографии городского населения раннего Нового времени. В украинской историографии таких работ всего несколько и практически все они посвящены городу Львову. Из них следует указать статью Я. Кися, в которой исследуется население Львова XVI–XVIII вв., в том числе его рождаемость, смертность, брачность [5]. А также работы М. Капралю «Финансовые книги Львова как источник изучения исторической демографии и социотопографии» и «Национальные общины Львова XVI–XVIII вв.» [6]. При этом демографические характеристики населения городов Малороссии (Левобережной Украины) остаются полностью неизученными, хотя для такого изучения имеются все возможности: наличие значительного массива статистических источников и историко-демографических методик их анализа.

Среди статистических источников XVIII в. (компуты, ревизии, описи) одним из самых важных является Генеральная опись Левобережной Украины 1765–1769 гг. За указом императрицы Екатерины II опись организовал президент Малороссийской коллегии граф. П.А. Румянцев². За своим содержанием и масштабами опись является уникальным источником поскольку её 969 книг содержат данные переписи 3,5 тыс. населённых пунктов Левобережной Украины [7].

Румянцевская опись охватывает большинство социальных и этнических групп городского населения Малороссии, что даёт возможность изучения историко-демографических и этнодемографических процессов в городах Левобережья. Мы считаем, что необходимо изучать все группы населения, которые были представлены в городе. Поэтому на примере городов Нежин, Переяславль и Стародуб исследуем потенциал описи как источника по демографической истории русского купечества в городах Малороссии.

Документы Румянцевской описи хранятся в Центральном государственном историческом архиве Украины в г. Киеве в фонде № 57 «Генеральний опис Лівобережної України 1765–1769 років». Материалы переписи города Нежина находятся в книгах 39, 40, 49, 341, Переяславля – в книгах 223, 278, 279, 280, 282, 288, Стародуба – в книгах 71, 72, 73, 74, 78, 81, 124, 147, 148а. Все книги объёмом 300–1200 листов написаны скорописью второй половины XVIII в. и местами сложны для чтения в связи с механическими повреждениями, угасанием текста, утратой отдельных листов или их фрагментов.

Исследователи источника делят его документы на три группы: к первой относят материалы о проведении и организации описи в полках Гетьманщины: донесения, промемории, рапорты, переписка сотенных правлений и полковых комиссий. Вторую группу составляют документы, которые подтверждают права владельцев на недвижимое имущество, купчие, универсалы гетьманов, царские грамоты, и прочие [8]. Здесь встречаем копии сравнительно давних документов, например, обращение Стародубских мещан к царю Алексею Михайловичу за магдебургским правом (1666 г.) [9]. Основную часть документации этой группы составляют копии купчих на недвижимость датированные как началом XVIII в., так и 1766 г. Третья

¹ Сердюк Игорь Александрович (Полтава, Украина) – аспирант кафедры истории Украины Полтавского государственного педагогического университета им. В.Г. Короленка. E-mail: LugarOK@rambler.ru

² Поэтому в исторической литературе источник чаще называют «Румянцевская опись Малороссии».

группа – ведомости о городах, населении и домохозяйствах – основной источник для изучения демографических характеристик городского населения [10].

Эти материалы составлялись в несколько этапов, проверялись, уточнялись, а поэтому состоят из черновиков и чистовиков. Последние были написаны аккуратней, унифицированы, уточнены и отражают информацию по состоянию на время завершения описи (в нашем случае 1766 г.). Чистовики, названных нами городов, которые находятся в книгах 39, 148а, 278, 341, мы и будем рассматривать.

Они оформлены в виде таблицы на обратной стороне листа и дополнения к ней на лицевой стороне следующего. Например, если таблица переписи двора находится на обороте 9 листа, то дополнение к ней – на лицевой странице 10 листа. С левой стороны таблицы указан номер двора, название улицы, дальше – количество строений (здесь в отдельных графах указаны хозяйские хаты, людские хаты, коморы, конюшни, сараи). В следующей графе «чины и имена» указано имя домохозяина, сословие, место рождения.

Всего в чистовиках описи Нежина. Переяславля и Стародуба мы находим 16 русских купцов и их семьи. Для обозначения их происхождения в источнике употребляется термин «*великоросс*», как это было в случае нежинского торговца пушниной Онуфрия Чепушника [11], или указывается конкретное место: «*Калужской купец Степан Ждановъ*» [12]. Степан Жданов был не единственным выходцем из Калуги, их этого города пришли 12 из 16 купцов. Причём калужских купцов было большинство и в Переяславле, который находился значительно дальше от Калуги в сравнении с Нежином или Стародубом. В Переяславле пять из шести купцов пришли из Калуги, один – из другого русского города, Севска [13]. Помимо их, в источнике встречаем купцов из Тулы [14] и Москвы [15].

Вполне вероятно, что в некоторых случаях указано не место рождения, а город, к магистрату которого приписан купец: «*живет в городе Стародубе по пачпорту Калужского магистрата*» [16]. В таком случае место рождения можно уточнить в дополнении на следующей странице. Там описано имущество и источники прибыли купцов, но опись начинается стандартной фразой с информацией о домохозяине. Например, о уже известном нам Степане Жданове читаем: «*уроженец города Калуги природной купеческой сынъ, перешол в городъ Переясловъ въ 1761 году*» [17].

Дальше в графе «чины и имена» записана жена купца: «*ево жена Анна Васильевна*» [18]. Обратившись к дополнению на следующей странице мы можем узнать место рождения и сословие жены «*откуда (из Калуги – И. С.) вышел с женою тогожъ города Калуги родимицею дочью купецкою*» [19]. Источник сообщает нам и о браках купцов с девушками из украинских городских сословий. Например купец Михаил Калачник, уроженец города Севска, пришёл в Переясловль в 1756 году, и там «*женился на природной переясловского казака сотни третьей полковой Артема Калачника дочери*» [20]. В том случае, если купец был не женат,azole его имени делалась запись «*холост*».

После жён, в графе «чины и имена» записаны купеческие дети. Сначала мальчики – от старшего к младшему, потом в таком же порядке девочки. Запись начинается стандартной формулировкой «*у них дети*», которая позволяет отделить купеческих детей от наёмных работников, которые тоже часто жили во дворе «*у него работница девка Семенова дочь рождена сотни третьей полковой ... звания посполитого*» [21]. В той же графе в описи Переяславля встречаем четырёх сидельцев – парней возрастом 18-22 года, которые пришли вместе с купцами с Калуги и Севска. Трое из них принадлежали к купеческому сословию, а один записан как «*крестьянский сын*» [22].

Дальше в таблице чистовика описи (в отдельных колонках для мужчин и женщин) указаны возраст и состояние здоровья городских жителей. Возраст указан арабскими цифрами разборчиво и чётко, разве, что цифра «1» часто больше похожа на букву «Л». Состояние здоровья указано в отдельной графе. Напротив здоровых делалась запись «*здоров*», напротив больных – указана их болезнь. Что касается русских купцов, то они были здоровы или же слабы за старостью, тогда как у некоторых представителей других городских сословий источник фиксирует болезни.

Дополнение к таблице записано на лицевой странице следующего листа. В его начале сделана запись о происхождении купцов, их жён, часто записана дата их прихода в город. Потом идёт опись движимого и недвижимого имущества, указываются основные товары, которыми ведётся торговля, размеры прибыли и капитала [23].

Перечисленные выше данные источника позволяют изучать основные демографические характеристики и демографическое поведение русского купечества в городах Левобережной Украины. Современному исследователю доступны историко-демографические методики французских учёных Л. Анри и А. Блюма, которые опубликованы в переводе на русский язык. Из них к Генеральной описи следует применять методики работы с «одним переписным листом» (которым опись и является) [24]. В таких методиках очень важной информацией являются записи о возрасте и поле населения, поскольку они используются как базовые данные для демографического анализа. На основании таких данных изучают половую-возрастную структуру населения, его распределение за возрастными группами. Для изучения этого аспекта продуктивным является метод построения половой-возрастных пирамид.

Данные источника необходимы для вычисления отдельных показателей, которые характеризуют демографическое поведение населения: коэффициенты рождаемости, плодovitость, продолжительность репродуктивного периода и его пик у женщин. Также важным аспектом является изучение брачности, например, вычисления среднего брачного возраста купцов и его сравнение с аналогичными показателями местного городского населения разных сословий. Информация о супруге купца даёт представление о распространении межэтнических браков и о брачных стратегиях их участников. За данными одной Румянцевской описи невозможно изучать смертность, поскольку опись является одним переписным листом [25].

Источник чётко указывает родственные связи взятых на учёт людей: «его жена», «дети», «мать», «брат» и т.д. Родственные связи членов домохозяйства указаны с привязкой к хозяину (в нашем случае к купцу), причём такая привязка может быть косвенной: «племянница его жены». Также источник содержит данные и о семейном состоянии взятых на учёт людей: «холост», «вдов», «вдова», «женка», «девка». Такая информация важна для изучения институтов семьи и брака, например, типологии семьи и домохозяйств, их особенности у купеческого сословия. Предполагается, что отличие численности и состава семьи русских купцов от таких же характеристик семьи местных городских сословий окажется довольно значительным. Причиной различий может быть, в первую очередь, то, что купцы были мигрантами, а значит их родители, другие родственники оставались в русских городах и с ними не жили. Также на структуру семьи должны влиять способ жизни, материальный уровень купечества.

Содержание источника даёт возможность проследить судьбы отдельных купцов после их приезда в Украину, как сложилась их семейная жизнь, насколько удачной была торговля, оценить размеры капитала и товарооборота.

Недостатком описи является то, что источник учитывает не всех русских купцов, не записаны те, кто жили в украинских городах непродолжительное время. Но, мы считаем, что это не умаляет значения Румянцевской описи 1765–1769 гг., как источника по изучению демографических характеристик городского населения Левобережной Украины, и отдельных его составляющих, таких, как русское купечество. Для реализации потенциала источника необходимо использование различных исследовательских методик, в том числе и историко-демографических.

Источники и литература

1. Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерки истории Франции. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
2. Миронов Б. Русский город в 1740–1860-е годы: Демографическое, социальное и экономическое развитие. – Л.: Наука, 1990. – 272 с.
3. Каменский А. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006. – 403 с.
4. Кошелева О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. – М.: ОГИ, 2004. – 486, [2] с.: ил., 4 л. ил. – (Нация и культура / Новые исследования).
5. Кись Я.П. Население и социальная структура Львова в период феодализма // Города феодальной России [сборник статей памяти Н. В. Устюгова / Ред. Н. М. Дружинин и др.] – М.: Наука, 1966. – С. 363–370.
6. Капраль М. Національні громади Львова XVI – XVIII ст. (соціально-правові взаємини). – Львів: ЛНУ ім. І. Франка, Львівське відділення Ін-ту укр. археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського. НАН України, 2003. – 440 с.
7. Генеральный опис Лівобережної України 1765 – 1769 р.р. Показчик населених пунктів. – К.: Центр. держ. іст. архів УРСР в м. Києві, 1959. – С.4-12.
8. Литвиненко М. А. Джерела історії України XVIII ст. / М. А. Литвиненко. – Харків: Вид. Харк. ун-ту, 1970. – С.101.
9. Центральный Государственный Исторический Архив Украины в г. Киеве (далее ЦГИАК). – Ф. 57. – Оп. 1. – Кн. 71.
10. Литвиненко М. А. Указ. соч. – С. 101.
11. ЦГИАК. Ф. 57. Оп. 1. Кн. 39. Л. 840об.
12. Там же. Кн. 278. Л. 112об.
13. Там же. Кн. 278.
14. Там же. Кн. 39. Л. 853об.
15. Там же. Л. 789об.
16. Там же. Кн. 148а. Л. 183об.-184.
17. Там же. Кн. 278. Л. 113.
18. Там же. Л. 259об.
19. Там же. Л. 260.
20. Там же. Л. 226.
21. Там же. Л. 259об.
22. Там же. Л. 225об.
23. Там же. Л. 260.
24. Анри Л. Методика анализа в исторической демографии / Пер. с франц. С. Хока и Ю. Егоровой – М.: РГТУ, 1997. – С. 14-51.
25. Там же. – С. 41.

Население уездных городов Московской губернии в середине XIX века: сравнительная характеристика

В качестве источника исследования выступают материалы, собранные военными статистиками в рамках изучения Московской губернии в середине XIX в. Сделанные ими по нашей теме выводы общи, а приводимые цифры практически никак не систематизированы. Нет, например, единых данных по обоим полам населения. Однако полнота и точность собранных первичных материалов, которые даются в приложении, позволяют создать достаточно точную и полную картину.

Целью настоящей работы является не только систематизация и описание социальных слоев городского населения, но выявление закономерностей распределения социальных групп в пространстве: пространстве губернии и пространстве города. Их соотношение между собой.

В середине XIX в. Московская губерния делилась на 13 уездов, во главе с 13 уездными городами, население которых и является объектом нашего рассмотрения. Помимо Москвы (которая также выступала как губернский и столичный город) в их число входило девять «старых» городов (Волоколамск, Звенигород, Дмитров, Коломна, Можайск, Серпухов, Руза, Верея, Клин) и три «новобразованных» (Богородск, Бронницы и Подольск). Общее число проживающих в губернии городских жителей (согласно приведенным статистическим материалам) составляло – 397 177 чел. (244 854 мужчин и 152 323 женщины).

Основные категории населения: их трактовка и систематизация. Все жители городов Московской губернии были разделены военными статистиками на три десятка социальных категорий, представляющих собой (в основном) сословия и внутрисословные группы: дворянство (потомственное и личное), разночинцы, духовенство (черное и белое, а также монастырские и церковные служители, включая во всех случаях членов их семей), лица «иностранного исповедания», почетные граждане, купцы, мещане, цеховые, «вольно-отпущенные», «дворовые люди», крестьянство (в рамках которого указано 13 самостоятельных групп), «отставные солдаты», солдатки, кантонисты, и иностранцы.

В рамках крестьянства были указаны следующие категории: однодворцы, крестьяне государственных имуществ, государственные крестьяне водворенные на собственные земли, ямщики, удельные, дворовые, конюшенные, комиссариатские, приписанные к фабрикам, крестьяне комитета человеколюбивого общества, приписанные к больницам, крестьяне комитета о просящих милостыню, помещичьи крестьяне.

Всего была выделена 31 группа. В том числе пять крупных сословий (дворянство, духовенство, купцы, мещане, крестьяне) и ряд менее четко локализуемых социальных и внесоциальных категорий. Например, вольно-отпущенные, солдатки, иностранцы и т.п. При этом в расстановке групп, в их последовательности неизменно ощущается присутствие жесткой логики. Так, цеховые примыкают к городским слоям, кантонисты следуют за отставными солдатами, солдатками и бессрочно-отпускными.

Особый вопрос вызывает категория «дворовые люди», т.к. она фактически дублируется аналогичной ей по названию группой «дворовые», указанной в разделе «крестьяне». Опираясь на логику составления документа можно с уверенностью сказать, что первая категория (в отличие от второй) не является частью собственно крестьянства в значении «землепашцы». Напротив, она занимает промежуточное положение между сельскими и городскими слоями, располагаясь именно так и в статистической таблице: цеховые – вольно-отпущенные – дворовые люди – крестьяне. Можно предположить, что «дворовые люди» – обслуживающие быт городских усадеб, в отличие от «дворовых крестьян», обеспечивающих быт усадеб сельских. Не случайно, по данным источника, в дворянской Москве число «дворовых людей» составляло огромную величину – 16 % от всего населения! В то же время «дворовые» крестьяне – занимали всего 0,3 %. Численность «дворовых людей» составляла также заметную часть населения дворянского Звенигорода (3,2 % от всех жителей этого небольшого городка). Второй по общему числу дворовых после Москвы стоит Коломна – наиболее дворянский из всех уездных городов губернии (0,8 %).

Интересно соотношение «дворовых людей» по полам. Во всех городах губернии за исключением Москвы эти цифры почти равны, что указывает на возможность существования семейных пар, в отличие от временно приходящих в город из деревень на заработки. В этом случае превалирует одно, как правило, мужское население и разница между полами часто многократна. В «первопрестольной» разница между «дворовыми людьми» «разного полу» составляет чуть больше 20 %, и вызвана, по всей видимости, притоком «новичков» из усадьбы.

Численность населения уездных городов Московской губернии. Москва, которая являлась одним из главных городов страны, имела чрезвычайную силу притяжения. Это особенно заметно на фоне небольших

---

¹ Белов Алексей Викторович (Москва) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

провинциальных городков. В «первопрестольной» концентрировалось более 80 % всего городского населения губернии. По ряду социальных групп эта цифра доходила до 99,9 % (иностранцы) и даже 100 % (лица иностранного исповедания и отдельные категорий крестьян).

Вслед за губернским центром шли по мере убывания: Коломна (3,85 % от городского населения края), Серпухов (3,3 %), Дмитров (1,63 %), Верей (1,3 %), Бронницы (1,1 %), Клин (1,02 %), Можайск (0,74 %), Руза (0,7 %), Подольск (0,5 %), Волоколамск (0,47 %), Звенигород (0,4 %) и Богородск (0,2 %).

В численном отношении все города края можно разбить на 3 явно выраженные группы. Причем отношение к группе того или иного поселения будет заметно совпадать со степенью присущей ему хозяйственной активности и ее особенностями.

Первая группа (Коломна и Серпухов). Численность жителей составляет более 3 % от величины всего городского населения губернии. То есть в нашем варианте это приблизительно от 13.000 чел. Для обоих городов характерна наиболее активная и естественная хозяйственная жизнь. Причем наличие здесь большого числа традиционных городских слоев показателем это не является, т.к. данная черта присутствует у самой широкой группы поселений различного по своему характеру. Дополнительным признаком отношения к первой группе выступает присущий этим уездным городам наибольший (в целом по губернии) процент почетных граждан – 7,3 % (Коломна) и 8,6 % (Серпухов). Данные города – наиболее развитые поселения края наряду с Москвой.

Третья группа (Волоколамск, Звенигород, Можайск, Руза, Клин, Богородск, Бронницы, Подольск). Сюда входят поселения с численностью около 1% и ниже от всех городских жителей губернии. В нашем случае это около 4.000 человек. Данные города – это в первую очередь административные центры своего уезда, узкие местные рынки, поселения которым присуща тихая провинциальная жизнь, не отличающаяся повышенной хозяйственной активностью. Единственным исключением выступает выполнение местным населением определенной, закрепленной за ними по правилам организации сословного общества, функции, которая все больше и больше становится отзовизмом. При этом иных новых функций (помимо указанных) город освоить пока не смог. По сути, эти поселения ближе заштатному типу города, но удерживают свой статус главным образом за счет не утраченной административной составляющей.

Поселения третьей группы могут иметь на своей территории достаточно большое число сословий, весьма престижных для определения статуса города. Например, значительный процент дворян (от всей численности сословия по губернии) был присущ Богородску (1,04 %), Бронницам (0,8 %) и др. Также не менее высока была доля основных городских сословий среди населения городков. Если в Москве их число в целом по городу составляло 26,6 %, в торговой Коломне 65,7%, то в слабо развитом провинциальном Волоколамске оно превышало 60 %, Рузе 75 %, Звенигороде приближалось к 70 %.

Вторая группа (Дмитров, Верей). Это поселения, находящиеся между верхней и нижней категориями провинциальных городов и их численными границами: от 1,3 до 3,3 % от всего городского населения губернии. В нашем случае это 5200-13000 чел. Города средней группы не только по своей численности, но и по характеру хозяйственной жизни выступали как промежуточное звено между первой и третьей категориями. Они, будучи некогда весьма заметными фигурами жизни края в территориальном распределении функций, постепенно утрачивали свое бывшее значение, или, напротив, поднимаются из числа городов третьей группы, найдя применение своим силам. Примеры этого обнаружат себя в пореформенный период, когда набирают силы бывшие «вновьучрежденные» города (Богородск и Подольск). Впрочем, данная тенденция начинает проявлять себя уже в середине XIX в. Так, в Подольске в 1852 г. доля крестьянства – почти 12 % от всего населения. Причем это частновладельческие крестьяне и соотношение мужчин и женщин составляла один к пяти, что указывает на отходничество, а, следовательно, и на участие в хозяйственной деятельности.

Социальный состав населения и его распределение между городами и внутри них. Как в численности населения губернии, так и в «удельном весе» сословий и различных социальных групп Москва занимала абсолютно доминирующие позиции. В ее границах проживали представители практически всех групп населения, причем их доля составляла от 45,5 % (ямщики) до 100 % численности. Только в губернском центре проживали граждане иностранного исповедания (42 чел.), которые не встречаются среди населения ни одного другого города края, а также все крестьяне, относящиеся к «человеколюбивому обществу» (640 чел.) и «приписанные к больницам» (117 чел.).

Позицию чрезвычайно близкую к 100 % занимали: вольноотпущенные (96,5 %) и дворовые (97,6 %), что связано с дворянским характером города, цеховые (99,6 %) и иностранцы (99,9 %), небольшая группка которых присутствовала среди жителей Бронниц.

Также на губернский центр приходилось 90 % всех дворян (причем доля потомственных составляла 92,5 % от своей группы). Это одна из важнейших черт социальной структуры города, дающая наглядное представление об его характере. Чрезвычайно велика была доля разночинцев (87,4 %). В Москве жило более

90 % от группы лиц связанных с военным ведомством. Правда, доля кантонистов среди них была несколько ниже – 41,9 % от всей группы.

Почти на половину (42,2 %) население города состояло крестьянство. Всего в «первопрестольной» зафиксировано 93,7 % крестьян от числа всех проживавших по городам Московской губернии. Большой интерес представляет распределение различных сословных групп этой категории. Например, однодворцы указаны только в Москве (46 %) и Волоколамске; конюшенные – Москве (86,6 %) и Бронницах; ямщики – Москве (45,7 %), Коломне, Клине и Бронницах. Соотношение по полам внутри каждой проживавшей в Москве группы крестьян расходится в два и более раз (за исключением ямщиков и дворовых). Это указывает на промысловый характер посещения города основной частью крестьянства.

Подавляющую долю среди крестьян, населявших Москву, составляют крестьяне государственных имуществ и помещичьи, которые в сумме составляют 88,9 % от всех «московских» крестьян или 37,8 % от всех жителей города. Данное сочетание характерно и для других поселений: Звенигород (100 % от числа «городских» крестьян), Дмитров (100 %), Руза (98,6 %), Коломна (53,5 % при большом числе исконно проживающих здесь ямщиков – 44,5 %) и т.д.

Не смотря на индивидуальность большей части провинциальных городов, а также их принадлежность, по крайней мере, к трем различным группам, для данной категории можно выделить общие характерные черты.

Крестьяне не частые жители малых городов. В отличие от Москвы, в которой собрано 93,7 % крестьян и все имеющиеся категории, в провинциальных уездных поселениях их (как правило) насчитывается всего 2 или 3. Если встречается еще одна группа, то она зачастую крайне мала (например, 0,07 % удельных крестьян в Рузе). Некоторым исключением выступают Бронницы (четыре относительно крупные категории) и Подольск (три категории). Но во втором случае две из них не дотягивают и до 1 %. В Можайске процент крестьян вообще был равен нулю, а в Богородске – абсолютно ничтожной величине 0,003 % (от всего сословия). В большинстве провинциальных городов наблюдается как и в Москве доминирование среди крестьян двух групп – крестьяне государственных имуществ и помещичьих.

Другим важным отличием, типичным для провинции, является неперенное присутствие заметного числа дворянства. Если в Москве доля благородного сословия составляла 5,3 % от всего числа жителей, то в небольшом Звенигороде (всего 0,4 % городского населения губернии) дворяне составляют почти 1/10 часть жителей (9,7 %). Весьма заметно присутствие их в Рузе (5,7 %), Дмитрове (3,6 %). Даже в городе ямщиков, каким являлся Клин, проживало 4,1 % дворян. Однако абсолютным рекордсменом выступает маленький Богородск, в котором на 946 жителей приводится 208 дворян (22 %). По-видимому, провинциальные, но близкие к Москве городки стали удобным приютом для выходцев из бедных дворянских фамилий.

Число традиционных городских сословий в провинциальных городах неизменно велико и составляет в процентном отношении к населению всего города самое малое 56 % (Клин). В основном этот показатель поднимется выше 62 % (Волоколамск) и очень часто исчисляется восемью десятками (Дмитров, Можайск, Верей, Бронницы). Правда, необходимо отметить, что данный показатель складывается в основном за счет аморфного и неопределенного по своим функциям сословия мещан, которые составляют по 60-70 % всего населения (Можайск, Дмитров, Верей и т.д.) Привлечение данных по купечеству также не может помочь выделению активной части торгово-промышленного населения, т.к. большинство из них относятся к третьей гильдии, которая фактически сливается с мещанством. В частности, среди купцов Бронниц (1173 чел.) членов третьей гильдии было 341 чел. мужского пола. Следовательно, вместе с семьями их насчитывалось не менее 1000 чел. или 90 % всего сословия. Помощь в этом вопросе надо искать в анализе категории почетных граждан, о которых речь уже велась выше.

Вне рассмотрения остались индивидуальные черты социальной организации отдельных городов, к которым мы предполагаем обратиться отдельно.

Демографические изменения крестьянского населения Пермской губернии во второй половине XIX века

В современной России происходит становление нового варианта социального развития, в том числе переход от традиционной к современной модели воспроизводства населения, развитие малой семьи, демократизация внутрисемейных отношений, продолжается процесс урбанизации. Результатом этих процессов стали резкое сокращение численности россиян, старение населения и его депопуляция. Сокращение численности населения – один из серьезных вызовов, с которым Россия сталкивается в начале XXI в. Уровень рождаемости в современной России вдвое ниже, чем в самые тяжелые годы Великой Отечественной войны. Кроме того, наблюдается высокий уровень разводов и относительно низкая продолжительность жизни населения, особенно мужского и сельского. Следствием этого процесса является поиск наиболее эффективных способов регулирования демографической ситуации с целью сохранения и увеличения численности населения. Необходимы глубокие целенаправленные изменения в культуре, во всем образе жизни общества с тем, чтобы повысить престиж семейной жизни, престиж семьи с несколькими детьми, который сегодня очень низкий. В данной ситуации актуально изучение демографической ситуации в дореволюционной России, когда наблюдался высокий естественный прирост численности населения, особенно крестьянского, и существовала своеобразная модель демографического поведения.

Важное значение имеет изучение демографических процессов, происходивших в пореформенную эпоху, в частности, изучение вопроса об изменениях в численности крестьянского населения страны (на примере Пермской губернии).

Анализ демографических изменений на региональном уровне имеет большую теоретическую значимость. Продвижение в познании этого процесса позволяет осмыслить демографические изменения в целом, выявить особенности демографических факторов и понять их роль в социальной истории России.

Реформа 19 февраля 1861 г. в России сняла крепостные «наручники» с 23 млн. крестьян и предоставила им целый ряд гражданских прав и свобод, что коренным образом изменило облик целого сословия. Бурное развитие рынка и товарно-денежных отношений, начавшееся после реформы, способствовало модернизации страны. На новом этапе усиливается социальная, профессиональная и географическая мобильность населения, происходят серьезные изменения в численности и размещении различных категорий россиян. Начинается переход от традиционной к современной модели воспроизводства населения, наблюдается развитие малой семьи и демократизация внутрисемейных отношений.

Во второй половине XIX в. Российская империя переживала демографический взлет. Население страны за 37 лет (с 1860 по 1897 г.) выросло на 52 млн. чел. (с 74 до 126 млн.) [1], причем, в основном, за счет естественного прироста, так как в присоединенном Туркестане в 1860-х гг. проживало чуть более миллиона жителей. Если даже сбросить этот миллион как механический прирост, то и тогда за неполных четыре десятилетия рост численности населения составил около 70 % – это примерно по 2 % ежегодного прироста, несмотря на высокую смертность детей, русско-турецкую войну 1877–1878 гг. и голод начала 1890-х гг.

Для сравнения: за это же время в зарубежной Европе население выросло с 205 до 295 млн. чел., или на 44 % [2], т.е. там темпы роста были в 1,5 раза ниже, чем в России.

Россия по-прежнему оставалась крестьянской страной. Сельское население за указанный период выросло в полтора раза, городское – почти удвоилось, тем не менее, его удельный вес в общей численности населения страны не поднялся выше 13 % [3].

Значительную часть численности населения Российской империи составляли жители четырех уральских губерний: Пермской, Вятской, Уфимской и Оренбургской. Прирост населения за пореформенное тридцатилетие составил в них около 50 % [4], что несколько меньше, чем в целом по России. При этом показатели прироста в Оренбургской (74,6 %) и Уфимской (69,5%) губерниях были гораздо выше, чем в Пермской (42 %) и Вятской (36,5 %) [5]. Это объясняется активной колонизацией первых. В среднем по Уралу в пореформенный период крестьянское население составляло 88,3 %, что превышало средние показатели по России (77,2 %) [6].

Пермская губерния в середине XIX в. являлась одной из крупнейших в Российской империи. Разнообразные почвы и природно-климатические условия определили различные севообороты, способы

---

¹ Плотникова Галина Николаевна (Пермь) – кандидат исторических наук, доцент Пермского государственного университета.

агрокультуры и агротехники, системы землевладения и землепользования, опосредованно оказывали влияние на плотность населения и другие демографические процессы в крае.

Своеобразие социально-экономического развития края состояло в том, что в его экономике значительное место занимала горнозаводская промышленность, с которой самым тесным образом было связано крестьянство. Пермская губерния являлась полиэтничной и поликонфессиональной. Наряду с русскими в крае проживали многочисленные представители еще семи народностей.

В пореформенный период в Пермской губернии наблюдался непрерывный рост численности сельского населения, главным образом, за счет естественного прироста. При этом поражают высокие темпы не только рождаемости, но и смертности, особенно детской (более 50 %) [7]. Высокий уровень младенческой смертности был следствием плохого ухода за детьми, частых эпидемий и недоступности медицинского обслуживания.

Высокие коэффициенты рождаемости и смертности были в значительной мере вызваны веками сложившейся демографической моделью поведения (экстенсивной моделью воспроизводства населения), согласно которой чем больше умирало детей, тем больше их рождалось. Уровень естественного прироста крестьянского населения в Пермской губернии отставал от общероссийских показателей (2 % в год), но держался на уровне передовых европейских стран (1 % в год). Однако если в Европе такие темпы прироста были вызваны переходом от традиционного типа воспроизводства населения к современному типу, то в Пермской губернии они являлись следствием высокого уровня брачности, рождаемости и смертности.

Миграции не оказали существенного влияния на рост численности крестьянского населения Пермской губернии. Во второй половине XIX в. в губернии преобладала внутренняя миграция. Особенно много временных переселенцев отмечалось в густонаселенных черноземных уездах Пермской губернии (Камышловском, Ирбитском и Шадринском) по причине их аграрного перенаселения. Временная миграция являлась важным подспорьем для крестьянской семьи. Наряду с мужчинами в отхожих промыслах принимали участие и женщины. Участие в промыслах давало женщинам определенную экономическую самостоятельность и расширяло их кругозор. Однако незначительная доля отходников (по нашим подсчетам, приблизительно 5 % от общего крестьянского населения губернии) едва ли могла существенным образом изменить сложившийся веками традиционный менталитет сельского населения. Изменение традиционных представлений, по всей видимости, происходило довольно медленно. Этому способствовало и сохранение общины, с ее круговой порукой, насильственными пределами земли, общинной психологией.

Пермская губерния оставалась полиэтничной по своему составу. Формирование национальной структуры края происходило в результате нескольких «волн» заселения. Наряду с русскими в Пермской губернии проживали коми-пермяки, коми-зыряне, татары, башкиры, марийцы, удмурты, манси и смешанное население (мещеряки, тептяри и бобыли).

Самой крупной этнической группой в губернии являлись русские (преобладали с XVII в.). Затем в порядке убывания шли коми-пермяки, башкиры, татары, марийцы, удмурты, манси и коми-зыряне.

В пореформенный период наблюдался численный рост представителей всех народностей [8]. Этот факт служит опровержением взглядов некоторых историков на то, что в это время происходило вымирание нерусских народностей. Снижение доли русских в общей численности населения губернии (с 92,08 до 90,35 %) [9] как раз объяснялось более интенсивными темпами прироста нерусских народностей. Снижение доли манси (вогулов) в общей численности населения (с 0,10 до 0,09 %) [10] происходило вследствие их ассимиляции русскими и массовых переселений в Западную Сибирь. Во второй половине XIX в. сложились постоянные ареалы расселения различных народов, границы ареалов приобрели стабильность и почти не менялись. Рост смешанных поселений в пореформенный период свидетельствовал об укреплении хозяйственных и культурных связей между представителями различных народностей. Тем не менее, большинство народов смогли сохранить главные этнические определители: язык, самосознание и психологию.

Ассимиляционные процессы широко развернулись, главным образом, среди близко проживающих тюркских народов: башкир и татар. Активное взаимодействие с русскими способствовало ассимиляции коми – пермяков и манси.

Социальная структура Пермского крестьянства не была монолитной. Выделялись бывшие государственные, бывшие помещичьи и бывшие удельные крестьяне.

В результате реформ 1860-х гг. (1861, 1863, 1866 гг.) началась консолидация различных разрядов крестьян в единое сословие «свободных сельских обывателей». Правда, этот процесс происходил достаточно медленно, так как был опосредован разными условиями освобождения: неодинаковыми размерами земельных наделов и условиями выкупа.

Социальная дифференциация крестьянства (так называемое «раскрестьянивание») не получила широкого и повсеместного распространения в Пермской губернии. Нехватку земли и денег, необходимых для погашения выкупных платежей, крестьяне компенсировали ростом промысловой деятельности. Отсутствие недоимок, невысокий процент арендованной земли, а также более высокие по сравнению с общероссийскими

показателями душевые наделы всех категорий крестьян свидетельствовали о том, что в большинстве уездов Пермской губернии (за исключением черноземных) земли было достаточно, чтобы прокормить семью. Традиционный менталитет, базирующийся на общинных началах, препятствовал стремлению к обогащению отдельных крестьянских семей.

Модернизационные процессы в крестьянском хозяйстве Пермского края происходили, но медленно. Крестьянство в изучаемый период оставалось единым сословием со своим традиционным менталитетом, привычками, отношением друг к другу, семье и т.д. Российское правительство всячески содействовало этому, сознательно консервируя традиционные патриархальные отношения среди крестьян. Это продолжалось еще в начале XX в.

Развитие рыночных отношений и технических средств хозяйствования, нарушение сословной замкнутости, расширение грамотности, безусловно, имели место, но эти процессы не были определяющими вплоть до конца XIX в. Коллективизм и анонимность традиционной крестьянской культуры способствовали сохранению однородности крестьянского сословия.

Ключевыми ценностями в крестьянской культуре по-прежнему оставались община («мир») и земля. Сакрализованные формулы «мать-земля сырая», «землица-матушка» типичны для лексики и мировоззрения крестьянина [11]. Совмещение понятий «общины» и «земли» рождало ощущение отдельного бытия. Община защищала от внешнего, чужого и враждебного для крестьянина мира, но она же максимально сохраняла свободу его проявлений внутри общины. Крестьянский мир в XIX в. оставался хранителем традиционности. Общинная жизнь моделировалась на традициях большой патриархальной семьи, трудовых началах, глубокой религиозности.

В формировании религиозно-духовной основы крестьянской культуры несомненна ведущая роль православной церкви и православной догматики. Именно православие определяло систему ценностных ориентаций русского человека, строй общественной, семейной и личной жизни. Церковная служба и сам облик церкви, ее убранство служили источником эстетических чувств и воспитания нравственности. Русская Православная Церковь сохранила административный контроль над всеми своими структурами. Об этом, в частности, свидетельствовало массовое открытие церковно-приходских школ в Пермской губернии в последней четверти XIX в.

Вплоть до 1917 г. общинный строй оставался силен. Две трети российских крестьян продолжали жить по традиционному общинному праву.

Источники и литература

1. Литвак Б.Г. Переворот 1861 в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива? – М., 1991. – С. 261.
2. Народонаселение стран мира. – М., 1978. – С. 8, 15, 16.
3. Литвак Б.Г. Указ. соч. – С. 261.
4. История Урала в период капитализма. – М., 1990. – С. 104.
5. Там же.
6. Черныш М.И. Место и роль крестьянства Урала в социально-экономическом развитии общества в период капитализма // Вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера, Верхнего Поволжья и Приуралья до Великой Октябрьской социалистической революции. – Киров, 1979.
7. Материалы по изучению Пермского края. Вып. 2. – Пермь, 1905. – С. 194-195.
8. Плотникова Г.Н. Демографические изменения крестьянского населения Пермской губернии во второй половине XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. – Пермь, 2006. – С. 109-110.
9. Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Пермская губерния. – СПб., 1864. – Ч. I. – С. 295; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XXXI: Пермская губеония. – СПб., 1905. – С. 94-98.
10. Там же.
11. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.). – СПб., 2000. – Т. I. – С. 330-331.

Вопросы миграции в Хабаровском уезде и Николаевском районе Удского уезда (середина XIX – начало XX в.)

В данной статье речь пойдет о процессе миграции русских крестьян из Центральной России в район Нижнего Амура и местного населения в период заселения Дальнего Востока.

Хабаровский и Удский уезды являлись административными единицами Приморской области в начале XX в. Первый из них просуществовал до 1920 г. (до создания Дальневосточной республики и реформирования административного деления), второй – до 1914 г. (создания Сахалинской области). В состав Хабаровского уезда входили Нижне-Тамбовская, Троицкая и Некрасовская волости, в состав Удского уезда – Николаевский и другие районы. Интерес представляет именно Николаевский район, так как его территория частично соответствует современному району Нижнего Амура.

Ключевыми демографическими характеристиками уездов на момент заселения русскими (середина XIX в.) были:

1) очень низкая плотность населения, характерная для всего Дальнего Востока как только начинающего осваиваться региона;

2) крайняя неравномерность размещения населения (на береговой зоне р. Амур изначально концентрировалась основная масса туземного населения).

В Хабаровском и Удском уездах были образованы первые селения русских крестьян на Дальнем Востоке (480 чел. [1], 20 селений в течение 1855–1861 гг.) и несколько казачьих станиц. Русские переселенцы приехали преимущественно из Иркутской и Забайкальской областей.

Преимущественное первичное заселение этой территории, в первую очередь, было обусловлено центральным положением района по отношению к остальным. Но относительная легкодоступность стала также предпосылкой большой «мобильности» селений. Уже на следующий год чиновники Переселенческого комитета и исследователи отмечают образование новых селений теми же переселенческими семьями.

Крестьяне, свободные в выборе места жительства, селились на более удобных, плодородных участках, вытесняя местное население (в большей степени нанайцев – самой крупной группой коренного населения Нижнего Амура). Примером может служить село Пермское, на месте которого ранее находилось стойбище Чирахнин.

Строящиеся рядом русские селения вынуждали нанайцев, ульчей, нивхов селиться на новых местах (не таких удобных, находящихся далеко от рыбных участков). Так, нанайцы стойбищ селений Нижней и Верхней Мари оставили эти места. Вынужденные миграции сказались на численности местного населения. Процесс вымирания нанайцев показан И. Лопатыным, составившим в 1922 г. сравнительную таблицу (табл. 1).

Таблица 1

Численность голдского населения в Хабаровском уезде с 1897 по 1915 г. [2]

Названия волостей Хабаровского уезда	Наличное население в 1897 г. / Наличное население в 1915 г.		Убыль	Процент вымирания за 18 лет
	Мужчины	Женщины		
Нижне-Тамбовская	963/385	908/343	М. 578 Ж. 565	61%
Троицкая	1293/1278	1187/1174	М. 15 Ж. 13	1,13%
Тунгусская	101	96	197	–
ИТОГО:	2321/1764	2150/1613	М. 557 Ж. 537	24,4%

По Николаевскому району Удского уезда цифры таковы (табл. 2).

Таблица 2

Численность населения Николаевского района Удского уезда [3]

Названия уездов и районов	Наличное население в 1897 г. / Наличное население в 1915 г.		Убыль	Процент вымирания за 18 лет
	Мужчин	Женщин		
Николаевский район	122/13	95/6	М. 89 Ж. 89	91,2%

¹ **Брянцева Светлана Олеговна** (Владивосток) – аспирант Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. E-mail: kolokolchik3@yandex.ru

Данные по всей территории расселения нанайцев свидетельствуют о ежегодной убыли численности данной национальной группы населения на 1,4 %.

В дальнейшем в обоих районах наметилась тенденция к уменьшению количества переселяющихся на Дальний Восток крестьян; миграции между селениями уже поселившихся семей продолжались. С 1864 г. поток переселенцев изменил свое направление. С 1896 по 1905 г. в год сюда переселялось не более пяти семейств в год; с 1905 по 1917 г. – не более 16 семейств.

Согласно материалам Кизи-Малмыжской экспедиции, осуществлявшей Всероссийскую сельскохозяйственную поземельную и городскую перепись, образование селений в этот период характеризуется следующими цифрами (табл. 3).

Таблица 3

Население и населенные пункты во второй половине XIX – начале XX в. [4]

Число хозяйств							Насе- ление	Число селений				
Всего хо- зяйств	Приписных						Посто- рон- них	Всего душ обоего пола	Возникших			
	Число семейств переселенцев водворившихся									1855– 1865	1861– 1905	1905– 1916
	Ранее 1896 г.	1896– 1900 гг.	1901– 1905 гг.	1906– 1910 гг.	1911– 1916 гг.	Старо- жилов	Всего					
597	49	20	30	78	83	228	109	3713	17	–	4	5

Вкупе с миграциями местных жителей к началу XX в. население районов представляло собой смешанную, не однородную по конфессиональному, этническому, социальному признакам, массу.

Конфессиональная неоднородность проявилась в переселении на Амур раскольников, прыгунов, старообрядцев (из Пермской губернии), духоборов (из Енисейской губернии), молокан (из Воронежской, Тамбовской, Астраханской губерний). В 1862 г. ими были образованы селения Литвинцевское, Шелехово, Орловское, в 1864 г. – Зеленый бор, Вознесенское.

Крайняя пестрота национального состава выразилась в наличии на территории уездов русских, нанайцев, корейцев, китайцев, орочей, удэ, тунгусов и якутов. Непрерывающиеся внутренние миграции (между селениями) способствовали смешиванию между собой отдельных народностей.

Кроме того, этнические общности переселявшихся восточных славян были представлены преимущественно русскими, украинцами, белорусами.

В результате столыпинской реформы, после 1905 г. характер миграций несколько меняется. Усиливается поток переселенцев из России, для которых недостаточно оставшегося колонизационного фонда других районов Дальнего Востока. Неоднородность населения сохраняется: в 1908 г. сектанты-духоборы образуют селение Ново-Ильиновку, вотяки и татары Вятской губернии – Елабугу и Челны, белорусы из Минской губернии – Синду, в 1909 г. появляется селение Славянка.

В результате миграционных процессов середины XIX – начала XX в. на территории Хабаровского уезда и Николаевского района Удского уезда продолжал формироваться основной район заселения Нижнего Амура – береговая зона реки Амур и притоки реки – Хунгари, Анюй, Горин. За это время размещение населения стало еще более неравномерным, что связано с оседлым образом жизни восточных славян, в то время как местное население еще не оставило окончательно традицию кочевать/проводить зимнее время не в селении.

Источники и литература

1. ГАХК. Ф. 353. Оп. 9. Д. 14. Л. 141.
2. Лопатин И. Гольды Амурские, Уссурийские и Сунгарийские. – Владивосток, 1922. – С. 34.
3. Там же. – С. 36.
4. ГАХК. Ф. 353. Оп. 9. Д. 14. Л. 144.

Работа выполнена при поддержке Фонда содействия отечественной науке.

Миграционная политика российского правительства в южной Украине XVI–XVIII вв.: либеральная историография (вторая половина XIX – начало XX в.)

Сегодня чрезвычайно важную роль имеет этнополитическая ситуация, которая сложилась в процессе заселения территории России и Украины. Особенно остро стоит проблема в Южной Украине, где в ходе освоения территории вместе с украинским этносом принимали участие россияне, греки и другие народы, которые сформировали современное население региона. Миграционная политика российского правительства, равно как и народная колонизация, в Южной Украине в XVI–XVIII вв. сыграла решающую роль, поскольку в XVIII в. интенсивность заселения региона достигла наивысших показателей.

В связи с этим цель данной статьи – показать, что привнесли в изучение истории миграционной политики российского правительства в Южной Украине в XVI–XVIII вв. представители либерального направления историографии (вторая половина XIX – начало XX в.) и выяснить, в какой мере их исследования отражали прогрессивные тенденции исторического процесса.

Историография второй половины XIX – начала XX в. отличается утверждением научных основ исторической мысли, плюрализмом методологических подходов, проблематикой и численностью исследований. Следует отметить, что даже в обобщающих работах, Южной Украине уделено значительно больше внимания, чем в предыдущий период [1].

Указанный этап характеризуется публикацией материалов многочисленных путешествий и экспедиций XVI–XVIII вв. территорией южноукраинских земель, которые не утратили научной ценности для современного изучения проблемы [2].

Заслуживает внимания деятельность Одесского общества истории и древностей, часть материалов которого была опубликована в «Записках императорского Одесского общества истории и древностей» (ЗООИД). Основателем «Общества» М. Мурзакевичем в III томе «Записок» (1853 г.) опубликовано «Описание границ и городов Азовской губернии (1775–1783 гг.)» из рукописи, найденной А. Скальковским в 1830-х гг. в Екатеринославских архивах [3, 4]. Учитывая то, что первые тома «Записок» уже в конце XIX в. составляли библиографическую редкость, Я. Новицкий в первом выпуске «Летописи Екатеринославской Ученой Архивной Комиссии» (ЛЕУАК), (1904 г.) опубликовал «Описание границ...» [5], а в 1910 г. отдельным оттиском вышло третье издание, исправленное и дополненное примечаниями [6].

«Описание границ...» содержит сведения относительно Левобережной территории Екатеринославской губернии и пограничных частей Полтавщины, Харьковщины, Земель Войска Донского и Таврии. Описаны крепости, города, села, хутора. В описании городов отмечены время их учреждения и количество населения. Тем не менее, документ содержит ряд существенных погрешностей. Так, замечено, что «уездный город Мариуполь построен в 1780 году» [6, с. 21]. Ошибочно определено время сооружения г. Тора (Славянска) – 1684 г., поскольку это год возведения Торской линии, а острожек был выстроен раньше, в 1676 г. Не установлено и года образования г. Бахмута (Артемовска), охарактеризовано лишь, что «в городе находятся соляные заводы, найденные в 1701 г.» [6, с. 28–30].

В 1884 г. опубликовано историко-этнографическое исследование И. Житецкого «Смена народностей в южной России» [7]. Исследователем рассмотрено южное направление колонизации и сделана попытка изложить основные теоретические положения процесса. Так, отметив милитаризацию социального положения переселенцев, как характерную особенность в период с XIII по XVI в., И. Житецкий указывает, что с расширением политических границ на юг к Черному морю в начале XV в. в регионе не увеличивается количество населения [7, т. 10, кн. 9, с. 5–8]. Автор выделяет три типа колонизации: дворянско-крестьянскую, государственную (или замковую) и вольно-крестьянскую. Последнюю отмечает как определяющую в степной полосе.

Среди специальных исследований, которые затрагивали военную историю региона, следует вспомнить, прежде всего, работу Н. Гербея «Изюмский слободской казачий полк (1651–1765)» [8]. Поскольку территория, занятая переселенцами от Чугуева до Бахмута, граничила с землями Запорожья, исследование содержит немало фактов про отношения слободских, запорожских и донских казаков. В произведении также описаны условия жизни и занятия населения, которое из Слободской Украины двигалось на юг в район среднего течения Северского Донца и Северного Приазовья.

¹ **Стешенко Наталия Леонидовна** (Краматорск, Украина) – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры украиноведения и гуманитарного образования Донбасской государственной машиностроительной академии. E-mail: steshenco_n@land.ru

Необходимо также отметить многотомную работу Ф. Ласковского «Материалы для истории инженерного искусства в России», изданную в 1858–1865 гг. в трех томах [9]. Это первое исследование по истории инженерного искусства в России, в котором уделено надлежащее внимание сооружению широкого спектра оборонительных объектов на юге Украины, начиная от сторожевых линий середины XVI в. до оборонительных в XVII–XVIII вв. Произведение базируется на довольно репрезентативной документальной базе, в том числе и материалах картографии фондов картографического отдела Генерального штаба русской армии, поэтому к его выводам можно относиться более доверительно, чем к информации А. Скальковского относительно возведения военных сооружений в регионе.

Совместно с исследованиями Н. Гербеля и Ф. Ласковского необходимо назвать работу А. Баиова [10]. Отличительной чертой этих работ является то, что в них имеются сведения про ранние этапы колонизации края, которые обходили вниманием предыдущие исследователи. Вместе с тем, Ф. Ласковский и А. Баиов переоценивали роль оборонительных мероприятий России в заселении региона.

Продолжил изучение истории военных поселений на южных рубежах России П. Головинский [11]. Вступительная часть «Слободских казацких полков» содержит информацию касательно заселения Степной Украины с середины XVII в. казаками и крестьянами-беглецами. Автор подал краткий исторический очерк обо всех слободских полках, обратил внимание на условия их поселения на русско-крымской границе и их значение в защите земель от нападений крымских орд.

Близки по характеру к работе П. Головинского исследования В. Сухорукова, А. Лишина, В. Пудавова и Е. Савельева, которые рассматривают взаимоотношения запорожцев и донцов относительно заселения пограничных территорий, а также их совместные действия против Крымского ханства. Заслуживает внимания вывод Е. Савельева, который утверждал, что запорожцы в 1512 г. (при Лясковском) уже владели низовьем Днепра и имели там свои зимовники [12–16].

Во второй половине XIX в. исследователями церковной истории был собран значительный фактический материал по истории заселения Екатеринославской, Харьковской епархий. Среди других следует назвать, прежде всего, Феодосия (А. Макаревского), автора исчерпывающей церковной истории Екатеринославщины, который пользовался главным образом документами местной церковной администрации [17–18]. Его исследование охватило Екатеринославский, Верхнеднепровский, Новомосковский, Павлоградский (вып. 1), Бахмутский, Славяносербский, Мариупольский, Ростовский и Александровский уезды (вып. 2).

Примененные им уникальные, в дальнейшем утраченные, материалы епархиальных архивов сделали его работу, чуть ли не единственной, из которой можно почерпнуть конкретные данные начального этапа казацкой колонизации края. Согласно замечаниям автора, хотя метрические книги и были заведены с 1726 г., тем не менее, этим часто пренебрегали. Значительная часть церковной документации была утрачена во время последнего набега на территорию крымской орды в 1768–1769 гг., немало поселений прекратили существование.

Истории Слобожанщины посвящено многотомное издание Харьковского архиепископа Филарета (Д. Гумилевского) [19–21]. Изучив церковное строительство во второй половине XVII – первой половине XIX в., автор привел конкретные сведения об учреждении местных поселений, церквей, монастырей, их численность. Бесспорную значимость составляют приведенные в тексте, ссылках и приложениях полные фрагменты документов. Учитывая то, что Филарет большей частью использовал материалы церковных архивов, которые в подавляющем большинстве были уничтожены на протяжении XX в., то собранный им фактический материал сегодня имеет особую ценность.

Территорию, что входила в состав Новой Сербии, т.е. Александрийский уезд, охватило исследование В. Никифорова [23]. Автор прослеживает историю заселения уезда и учреждение церквей, а также фиксирует количество населения на каждом этапе.

Проблемам заселения Новороссийского края посвящено исследование А. Маркевича [24] и Д. Миллера [25–26]. А. Маркевич исследовал процесс конца XVII в., описав народную колонизацию, тем не менее, показав отношения запорожцев с сербами-колонистами, малороссийскими и донскими казаками, он старался доказать, что «запорожцам принадлежали в Новороссии обширные земли, эксплуатировать которые они были не в состоянии» и Запорожье пережило себя [24, с. 5–7]. Также автором необъективно выведены размеры иностранной колонизации Новороссии.

Д. Миллер обозначил масштабы владений Сечи на 1745 г. – 1 770 верст и, вслед за А. Скальковским, на 1775 г. усматривал численность в 100 тыс. чел. Произведение содержит информацию об учреждении городов Херсона, Екатеринослава, Николаева и др. Показан рост населения Новороссии [25, с. 25, 28, 47].

Анализируя развитие исследований по проблеме, следует обратить внимание на работу А. Стороженко «Стефан Баторий и днепровские казаки», опубликованную 1904 г. в Киеве [27]. Произведение содержит ряд существенных положений по проблеме. Так, автор очертил территорию Степи в конце XV – в начале XVI в.,

выделил три социальных группы, которые заселяли и осваивали территорию и описал использование ими степных путей [27, с. 8–15].

А. Стороженко заметил, что в свободное от набегов на татар время приднепровские (низовые) казаки занимались промыслами, сбывали и обменивали продукты на деньги. Автор проанализировал, из какой местности продвигалось казачество в приднепровскую степь [27, с. 24–25]. Историк обозначил заинтересованность в казацких промыслах старост южных уездов. Им названы известные администраторы пограничья, которые имели вооруженные отряды и нередко лично принимали участие в походах против татар. В исследовании рассмотрены отношения между реестровым и запорожским казачеством относительно пограничных территорий [27, с. 13, 26–27, 30, 72, 80]. На основании источников Варшавского архива древних актов автор проследил рост численности низового казачества во времена С. Батория. В 1576–1578 гг. казаков собиралось не менее 3 000 чел., в 1584 г. – от 4 000 до 6 000 чел. [27, с. 31, 11, 119].

Численность запорожцев в 1654 г. – 60 тыс. чел. – отмечена в «Очерке из истории малороссийских казаков...» [28].

Во второй половине XIX в. с созданием губернских археографических комиссий активизировались краеведческие поиски, которые внесли заметный вклад в исследование истории края. Необходимо отметить очерки Ф. Николайчика [29], Г. Ге [30], Я. Новицкого [31]. Хотя они посвящены отдельным населенным пунктам, имеющийся в них материал выходит далеко за границы этих поселений и позволяет сделать определенные выводы относительно процесса заселения края в целом.

В 1882 г. была издана краеведческая работа К. Щелкова [32], которая построена по хронологическому принципу преимущественно на исследованиях предыдущих авторов, в частности на многотомной работе Филарета.

Как отдельная проблема во второй половине XIX – в начале XX в. рассматривался вопрос роли иностранных поселенцев в заселении и освоении юга России О. Клаусом [33], В. Ястребовым [34], В. Лобачевским [35]. Истории заселения Мариупольского уезда посвященная работа Александровича, который воспользовался архивными материалами бывшего греческого суда и упраздненной палаты госимущества [36, с. 40–67]. Как более основательную следует рассматривать работу Д. Хараджаева «Мариуполь и его окрестности», выпущенную 1892 г., в которой процесс иностранной колонизации рассматривается в общем контексте заселения региона [37, с. 5–43].

Г. Писаревский подает детальную характеристику условий поселения на юге шведов, греков, выходцев из других стран, описывает мероприятия царского правительства относительно поощрения иностранцев к переселению на территорию России [38]. Впрочем, Г. Писаревский и О. Клаус преувеличивали роль выходцев из других стран в заселении края.

Е. Загоровский чрезвычайно широко использовал законодательные акты иностранной и военной колонизации территории в середине и второй половине XVIII в., тем не менее, в отличие от Г. Писаревского и О. Клауса, довольно критически оценивал эффективность политики как центральной, так и местной администрации в этом деле. Также им было подробно рассмотрено законодательство относительно ограничения территории Новой Сечи [39–41].

В общем массиве литературы, изданной в Русской империи во второй половине XIX – в начале XX вв., весомое место занимают произведения энциклопедического и справочного характера [42–48]. Среди них информационными возможностями выделяются многотомные издания: «Городские поселения в Российской империи» и «Россия. Полное географическое описание нашего отечества».

Таким образом, представители либерального взгляда осветили значительный круг вопросов из истории Южной Украины, прежде всего вопросы заселения и освоения края. Более всего проблема представлена в работах Феодосия (А. Макаревского), Филарета (Д. Гумилевского), Ф. Ласковского, А. Стороженко, Е. Загоровского, К. Щелкова и др. Исследователями сделана попытка выделить колонизационные этапы заселения региона, показать роль военно-земледельческих поселений и иностранной колонизации. Изучение заселения региона более всего прослеживается во второй половине XVIII в. Что касается более ранних этапов (XVI – первой половины XVIII вв.), то тут еще предстоит работа по восстановлению объективного процесса заселения Южной Украины.

Источники и литература

1. Соловьев С. М. История России с древнейших времен: в 29 т. – М.: Тип. университета, 1851–1879. – Т. 5–15.
2. Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова / Предисловие Н. Н. Мурзакевича. – Одесса: Гор. типография, 1850. – 284 с.
3. Описание городов и уездов Азовской губернии / публ. Н. Мурзакевича // ЗООИД. – Одесса, 1853. – Т. 3. – С. 289–305.
4. Описание Маяцкому городку, 1666 года // ЗООИД. – Одесса, 1858. – Т. 4. – Отд. 2. – С. 310–316.
5. Описание границ и городов Азовской губернии Я. Новицкого. // ЛЕУАК. – Екатеринослав: Тип. губ. земства, 1904. – Вып. 1. – С. 62–93.

6. Новицкий Я. П. Описание границ и городов бывшей Азовской губернии (1775–1783). – Александровск: Тип. при училище глухонемых, 1910. – 38 с.
7. Житецкий И. Смена народностей в южной России (историко-этнографические заметки) // Киевская Старина (КС). – 1884. – Т. 9. – Кн. 8. – С. 561–579; – Т. 10. – Кн. 9. – С. 1–26; Т. 10. – Кн. 10. – С. 371–418.
8. Гербель Н. Изюмский слободской казачий полк. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1852. – 164 с.
9. Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. – СПб.: Тип. Воен. министерства, 1858–1865. – Ч. 1–3.
10. Баиов А. К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. – СПб.: Электро-Типография Н. Я. Стойковой, 1906. – 556 с.
11. Головинский П. Слободские казачьи полки. – СПб.: Тип. Н. Тиблина и К°, 1864. – 247 с.
12. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные А. А. Лишиным. – Новочеркасск: Тип. стат. ком., 1891–1894. – Т. 1–3.
13. Пудавов В. М. История Войска Донского и старобытность начал казачества. – Новочеркасск: Областная тип., 1898. – Ч. 2. – 243 с.
14. Савельев Е. П. Древняя история казачества. – Изд. 3-е, дораб. – М.: Вече, 2008. – 474 с.
15. Савельев Е. П. История Дона и донского казачества. – Новочеркасск: Областная тип., 1915. – Ч. 1–4.
16. Сухоруков В. Д. Историческое описание Земли Войска Донского. – Новочеркасск: Областная тип., 1869. – Т. 1. – 290 с.; – 1872. – Т. 2. – 598 с.
17. Феодосий (Макарьевский А. Г.). Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. – Екатеринослав: Типография Я. М. Чаусского, 1880. – Ч. 1. – 575 с.; – Ч. 2. – 373 с.
18. Феодосій (Макаре́вський О. Г.). Матеріали для історико-статистичного опису Катеринославської єпархії. Церкви та приходи минулого XVIII століття. Репринт. Катеринослав, 1880 г. – Дніпропетровськ: Дніпрокнига, 2000. – 1080 с.
19. Филарет (Гумилевский Д. Г.). Историко-статистическое описание Харьковской епархии. – Харьков: Тип. ун-та, 1852–1859. – Отд. 1–5.
20. Филарет (Гумилевский Д. Г.). Историко-статистическое описание Харьковской епархии. В 3 т. – Харьков: Райдер-Сага, 2004. – Т. 1. – 328 с.; 2005. – Т. 2. – 430 с.; 2006. – Т. 3. – 360 с.
21. Филарет (Гумилевский Д. Г.). Святогорская общежительная Успенская пустынь // Историко-статистическое описание Харьковской епархии. – Харьков: Тип. ун-та, 1859. – Отд. 1. – С. 143–190.
22. Пірко В. О. До питання про адміністративний устрій східних окраїн Нової Січі // Козацька спадщина: альманах Нікопольського регіонального відділення НДІ козацтва Інституту історії України НАНУ. – Вип. 2. – Нікополь–Дніпропетровськ: Пороги, 2005. – С. 85–88.
23. Никифоров В. П. Материалы для истории возникновения церквей в Александрийском уезде Херсонской губернии // ЗООИД. – Одесса, 1901. – Т. 23. – Отд. 2. – С. 49–69; 1906. – Т. 26. – С. 1–40; 1907. – Т. 27. – С. 1–56.
24. Маркевич А. И. Южная Русь при Екатерине II. – Одесса: Тип. В. В. Кирхнера, 1893. – 31 с.
25. Миллер Д. П. Заселение Новороссийского края и Потемкин. – Харьков: Тип. Губ. правления, 1895. – 48 с.
26. Миллер Д. П. Пикенерия // КС. – 1897. – Т. LXVII. – Кн. 12. – С. 301–322.
27. Стороженко А. В. Стефан Баторий и днепровские козаки. – К.: Тип. Г. Л. Фронцкевича, 1904. – 327 с.
28. Н. С. Очерк из истории малороссийских козаков в конце XVIII и в начале XIX ст. – К.: Тип. ун-та, 1898. – 104 с.
29. Николайчик Ф. Д. Город Кременчуг: Исторический очерк. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1891. – 218 с.
30. Ге Г. Н. Исторический очерк столетнего существования города Николаева при устье Ингула (1790–1890). – Николаев: [Б. и.], 1890. – 122 с.
31. Новицкий Я. П. История города Александровска (Екатеринославской губернии) в связи с историей возникновения крепостей Днепровской линии 1770–1806 гг. – Екатеринослав: Тип. губернского земства, 1905. – 176 с.
32. Щелков К. П. Историческая хронология Харьковской губернии. – Харьков: Тип. ун-та, 1882. – 365 с.
33. Клаус А. Наши колонии. Опыт и материалы по статистике иностранной колонизации в России. – СПб.: Тип. В. В. Нусвальта, 1869. – Вып. 1. – 569 с.
34. Ястребов В. Греки в Елисаветграде (отрывок из истории колонизации 1754–1774 гг.) // КС. – 1884. – Т. 8. – Кн. 4. – С. 673–683.
35. Лобачевский В. Бугское казачество и военные поселения. // КС. – 1887. – Т. 19. – Кн. 12. – С. 591–627.
36. Краткий обзор Мариупольского уезда / Сост. Александрович. – Мариуполь: Изд. Мариупольской земской упр., 1884. – 116 с.
37. Мариуполь и его окрестности. – Репринт изд. 1892 г. / изд. Д. А. Хараджаева. – Мариуполь: Тип. А. А. Франтова, 1892. – 461 с.
38. Писаревский Г. Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. – М.: Тип. А. И. Снегиревой, 1909. – 340; 84 с.
39. Загоровский Е. А. Взаимоотношения Запорожья и русской правительственной власти во времена Новой Сечи. – Одесса: Экономическая типография, 1912. – 44 с.
40. Загоровский Е. А. Иностранная колонизация Новороссии в XVIII веке. – Одесса: Гор. типография, 1913. – 16 с.
41. Загоровский Е. А. Очерки по истории славянской колонизации в Новороссии в XVIII веке // Военно-исторический вестник. – 1912. – Кн. 1. – С. 87–99; Кн. 4. – С. 125–148; 1913. – Кн. 1. – С. 63–85.
42. Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон: современная версия / репринт 1914 г. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 672 с.

43. Городские поселения в Российской империи / Под ред. А. И. Артемьева. – СПб.: Тип. К. Вольфа, 1861–1865. – Т. 2, 5.
44. Живописная Россия / Под общ. ред. П. П. Семенова. – СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1898. – Т. 5. – Ч. 2. – 298 с.
45. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба / А. Шмидт. Херсонская губерния. – СПб.: Военная типография, 1863. – Ч. 1–2.
46. Реклю Э. Земля и люди: всеобщая география. – СПб.: Общественная польза и К°, 1898. – Т. 5. – Кн. 3. – С. 793–857.
47. Россия: полное географическое описание нашего отечества / Под ред. В.П. Семенова. – СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1903. – Т. 7. – 518 с.; 1913. – Т. 14. – 983 с.
48. Семенов Д. Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников. – СПб.: Тип. Глазуновых, 1871. – Т. 2. – 298 с.

Проблемы изучения терминологии родства, брачно-семейных отношений и социальной организации финно-угорских народов России на рубеже XIX–XX вв.: краткий историографический обзор²

Изучение терминологии родства/свойства, истории брачно-семейных отношений и социальной организации является одним из традиционных направлений в этнографической науке. Особую актуальность данная проблематика приобрела на рубеже XIX–XX вв., в связи с появлением трудов И.Я. Бахофена, Л.Г. Моргана, Дж.Ф. Мак Леннана, К. Старке, Э. Вестермарка и других классиков западной этнологии³. Модернизационные процессы, связанные с изменениями поселенческой структуры, трудовой занятости и отношениями полов, оказывали воздействие на работу ученых, стремящихся зафиксировать уходящие элементы патриархального быта и, по возможности, заглянуть в социальную реальность предшествующих эпох. Финно-угроведы тех лет сделали свой существенный вклад в дело сохранения и обобщения сведений по традиционным социальным системам.

Терминология родства, как известно, фиксирует не только сам факт биологического родства, а также социальное положение, имущественные права и обязанности индивидуума по отношению к родственникам⁴. Как показали специальные исследования, устойчивость подобной терминологии была связана с тем, что в общинно-родовую эпоху у каждой группы родственников была своя строго определенная территория природопользования⁵. Вместе с тем, терминология родства, являясь консервативной по своей природе языковой категорией, пытается порой отразить инновационные элементы в системе родства терминами, сложившимися на более ранних этапах развития общества⁶, что, по-видимому, и привлекает к ней внимание этнографов.

Первым ученым, специально занимавшимся собиранием терминов родства финно-угорских народов России, был М.А. Кастрен⁷. В ходе Сибирской экспедиции 1845–1849 гг. он интересовался взаимоотношениями членов родового коллектива у обско-угорских и самодийских народов, одновременно отмечая лексические заимствования (коми, тюркские и славянские слова) в местной терминологии родства. Но, еще раньше А.И. Шёгрэн в работе, посвященной финскому языку и литературе (первая публикация в 1821 г.), привел несколько финских наименований родственников, по его мнению, заимствованных из русского языка (taatta<отец, sisar<сестра,

¹ Загребин Алексей Егорович (Ижевск) – доктор исторических наук, директор Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН.

² Публикация подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ РОССИИ». Направление 8. Музейные и архивные фонды: изучение, введение в научный оборот, обеспечение нового качества доступа к культурному наследию. ПРОЕКТ: Новые источники по истории и культуре финно-угорских народов Среднего Поволжья и Приуралья.

³ Bachofen J. Das Mutterrecht. – Stuttgart, 1861; Morgan L.H. Die Urgesellschaft. – Stuttgart, 1891; Mac Lennan J.F. Studies in Ancient History. Comprising a Report of Primitive Marriage, an Inquiry into the Origin of the Form of Capture in Marriage Ceremonies. – L., 1876; Starcke C.T. Die primitive Familie in ihrer Entstehung und Entwicklung. – Leipzig, 1888; Westermarck E. The History of Human Marriage. – L., 1894.

⁴ Ольдерогге Д.А. Основные черты развития систем родства // Советская этнография. – 1960. – № 6. – С. 25.

⁵ «Термин родства во многих отношениях схож с географическим названием: он локализует (в человеческой среде), отнесен, имеет высокую степень ассоциативности (его упоминание дает информацию не только о названном лице или объекте, но и об окружении и связях этого лица или объекта). Типологизируя, он одновременно и индивидуализирует». Цит. по: Сий Э. Термины родства и свойства в удмуртском языке. – Будапешт, 1998. – С. 155.

⁶ Гиренко Н.М. Система терминов родства и система социальных категорий // Советская этнография. – 1974. – № 6. – С. 49.

⁷ По мнению Л.Я. Штернберга, М.А. Кастрен задолго до Дж.Ф. Мак-Леннана, сформулировал понятие «род» (нем. Stamm) и приблизился к пониманию феномена экзогамии, в отличие от шотландского ученого подчеркивая, что: «...запрет внутреннего брака распространяется только на членов рода, а не племени». В переписке с академиком А.И. Шёгреном, Кастрен настаивал на том, что «семейство» ни в коем случае нельзя смешивать с «родом», так как последний является союзом многих семей, объединенных целым рядом учреждений, превращающих этот родственный союз в союз политический. Кроме того, анализируя текст «Калевалы», Кастрен убедительно показал обычай экзогамии у древних финнов, путем добывания героями себе жен из соседнего/враждебного племени. См.: Штернберг Л.Я. Кастрен – алтаист и этнограф // Памяти М.А. Кастрена: К 70-летию со дня смерти. Очерки по истории знаний. – Л., 1927. – Вып. 2. – С. 51–53.

setä<зять)¹. Начальную попытку обобщения собранного полевого материала, характеризующего финно-угорскую терминологию родства, предпринял в 70-х гг. XIX в. финский лингвист и этнограф А. Алквист, сделав вывод о ее типологической близости, несмотря на обилие заимствованных иноязычных терминов². В частности, Алквист писал: «Мы можем прийти к заключению, что порядок семейного устройства у финских народов сформировался без постороннего влияния и что семейная жизнь в этом роде уже существовала у древних финнов еще до их разделения»³. Говоря о единстве семейного (общественного) устройства у финских народов, он стимулировал интерес к этой проблематике со стороны нового поколения финно-угроведов.

Последователи А. Алквиста, занимаясь сбором этнографической информации среди родственных финнам народов, обращали приоритетное внимание на пополнение словарного фонда, характеризующего взаимоотношения родства/свойства, постепенно выходя на уровень первичного обобщения собранного⁴. Значительно продвинулись в этом отношении Х. Паасонен, Ю. Вихманн и А. Каннисто, неоднократно указывавшие на функционирование терминов родства, отраженных в устном народном творчестве обско-угорских и восточно-финских народов. Оригинальный опыт исследования терминологии родства хантов представил финский лингвист и этнограф К.Ф. Карьялайнен, опиравшийся как на свои экспедиционные материалы, так на теоретические модели, предложенные британскими социальными антропологами и немецкими этнологами. Первоначально фиксируя и этимологизируя хантыйские термины родства, происходящие из разных диалектов, он переходит на втором этапе к анализу структуры родства, выделяя восемь основных линий родственных отношений: линию брата и сестры, линию отца, линию матери, линию мужа, линию жены, линию приемных родственников, линию дальних родственников, через супружество. Автором специально подчеркивается, что наряду с поздними тюркскими и русскими заимствованиями, у хантов имеется собственная древняя система наименования родственников, а также оригинальные неологизмы, существующие параллельно с вновь приобретенными и адаптированными терминами⁵. Данное предположение впоследствии было поддержано многими исследователями истории брака и семьи у финно-угорских народов.

История брака и семьи: С другой стороны, интерес к изучению терминологии родства и брачно-семейных традиций у финно-угорских народов России был подготовлен появлением на рубеже XIX–XX вв. ряда публикаций русских этнографов-эволюционистов.

Немало споров в ученой среде вызывал вопрос о развитии ранних форм брачных отношений у восточно-финских народов⁶. Особо следует выделить позицию, занятую профессором Императорского Казанского

¹ Sjögren A.J. Ueber die finnische Sprache und ihre Literatur // A.J. Sjögren's Gesammelte Schriften. – St. Petersburg, 1861. – Bd. 1. – S. 25–27.

В дальнейшем опыты выявления иноязычных заимствований, касавшихся в том числе, терминов родства в финно-угорских языках, предпринимали И.И. Миккола, Ю. Вихман, Б. Мункачи, М. Веске, Н. Андерсон и др. См.: Веске М.П. Славяно-финские культурные отношения по данным языка // Известия ОАИЭ. – 1890. – Т. 8. – Вып. 1; Mikkola J.J. *Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen* // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. – 1894. – Vol. 8; Wichmann J. *Tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen* // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. – 1903. – Vol. 21; Munkácsi B. *Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben*. Budapest, 1901; Anderson N. *Studien zur Vergleichung der indogermanischen und finno-ugrischen Sprachen*. – Dorpat, 1979.

² В то время собирательская работа еще не могла опираться на специально разработанную методологию, используя лишь лингвистические методы фиксации и систематики терминологии родства, поскольку «генеалогический метод» собирания номенклатур родства был разработан У. Риверсом лишь в начале XX в. См.: Токарев С.А. К вопросу о методике изучения терминологии родства // Вестник МГУ. Серия: История. – 1958. – Вып. 4. – С. 189.

³ Ahlqvist A. *Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen. Ein Beiträge zu der älteren kulturgeschichte der finnen*. – Helsingfors, 1875. – S. 21. См. также: Ahlqvist A. *Über Kulturwörter der obisch-ugrischen Sprachen* // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – 1890. – Vol. 7. – S. 1–22.

⁴ Собрание финно-угорских терминов родства/свойства в полевых условиях продолжилось по инициативе ученика А. Алквиста, финского лингвиста и фольклориста Т.Г. Аминоффа, привлеченного к этой работе учащихся Казанской инородческой учительской семинарии. Так, например, семинарист-удмурт И. Васильев предложил способ отображения системы ближайшего родства, используя графический метод. Предваряя выстроенную им схему, он писал в сентябре 1879 г.: «Для примера я взял 5 семейств, у каждого семейства есть дети, дети женятся, выходят замуж, и образуется родство. Все это я изобразил прямыми линиями и кругами, длинные линии означают, кто старший, потом есть еще линии, проведенные точками, они означают родство, то есть кто кому родня. Круг, на котором – NB, я представил отца, для облегчения себе, что советую и Вам». Выбрав отправным пунктом представленной схемы положение, занимаемое старшим сыном в первой семье (помечен значком NB), И. Васильев показал систему ближнего родства удмуртов, функционировавшую в конце XIX – начале XX в. См.: SUSA 1.106. T.G. Aminoffin käsikirjoitus.

⁵ Karjalainen K.F. *Wie Ego im ostjakischen die Verwandten benennt* // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. – 1913. – Bd. 13. – S. 207–295.

⁶ В частности, русский этнограф А.Н. Максимов, предваряя свою статью, касавшуюся разбора теорий эволюции брака и семьи, писал: «Я хочу коснуться некоторых брачных обрядов и обычаев, существующих у русских инородцев и наводящих на мысль, что прежде семья у русских инородцев была организована совершенно иначе, чем в настоящее время. ...я хочу указать на некоторые основания, позволяющие думать, что и у русских инородцев современная патриархальная семья не существовала испокон века, а была продуктом исторического развития...». Цит. по: Максимов А.Н. Из истории семьи у русских инородцев // А.Н. Максимов. Избранные труды. – М., 1997. – С. 113–114.

университета И.Н. Смирновым. В серии монографических работ, посвященных истории и культуре марийцев, мордвы, коми-пермяков и удмуртов¹, он отмечал, что на начальных ступенях общественного развития у восточных финнов близкое кровное родство не являлось препятствием к браку, причем пережитки данной системы отношений можно зафиксировать в современном быту этих народов. Пытаясь подкрепить свои идею конкретикой, он опирался, прежде всего, на данные языкового характера, используя лингвистическую (компаративную) методологию². Означенные архаические явления были, по его мнению, следствием длительного сохранения пережитков безбрачной стадии (или, так называемого «коммунального брака») и изначальной эндогамии финноязычных народов³. Слабым звеном в этой, безусловно, достойной рассмотрения цепи умозаключений, оказалась выдвинутая И.Н. Смирновым теория «гетеризма» (термин заимствован у И.Я. Бахофена) у финноязычного населения Среднего Поволжья и Приуралья. Внимание ученого привлекло то, что лексика, используемая для обозначения родственных отношений у местных финнов, по его мнению, группируется скорее по возрастному принципу, нежели подчеркивает степень кровного родства⁴. Из этого обстоятельства он делает вывод, что эндогамная «финская система родства» сформировалась в тот период, когда для женщины каждый мужчина ее рода был мужем, когда каждая дочь могла находиться в брачном сожительстве со своими братьями-мужьями, когда каждый ребенок был сыном или дочерью любого взрослого в родственном коллективе.

В 1893 г. появляется новая работа И.Н. Смирнова, во многом отразившая ранее сложившуюся у него точку зрения, на специфику брачно-семейной организации финно-угорских народов⁵. Выделяя в отдельный параграф проблему матриархата в истории финской семьи, Смирнов вновь возвращается к вопросу о «гетеризме» и, следуя за британским социологом Г. Спенсером, соединяет его с понятием «коммунальный брак», что, кстати говоря, нарушает предложенную И.Я. Бахофеном хронологию⁶. Однако теперь его внимание более всего привлекают сюжеты, связанные с мифологическими следами бывшего матриархата. В образах финно-угорских богиней-матерей (хозяек), олицетворявших самую тесную родственную связь между матерью и ребенком, он видит наследие допатриархальной эпохи с доминированием материнского «рождающего» мифа⁷. Становление мужского права, Смирнов трактует с биолого-эволюционной точки зрения, ибо, по его мнению: «В матриархальном периоде принадлежность детей определяется актом рождения, в патриархальном – преставлением о господствующем влиянии мужчины в деле возникновения дитяти»⁸.

В 1896 г. руководство Императорской Санкт-Петербургской Академии наук обратилось к профессору финского языка и литературы Гельсингфорсского университета Э.Н. Сетяля, с просьбой подготовить рецензию на «восточно-финские труды» И.Н. Смирнова, выдвинутых на соискание Уваровской премии. В основном,

¹ Смирнов И.Н. Черемисы. Историко-этнографический очерк // Известия ОАИЭ. – 1889. – Т. 7. – 255 с.; Его же. Вотяки. Историко-этнографический очерк // Известия ИОАИЭ. – 1890. – Т. 8. – Вып. 2. – 308 с.; Его же. Пермяки. Историко-этнографический очерк // Известия ИОАИЭ. – 1891. – Т. 9. – Вып. 2. – 286 с.; Его же. Мордва. Историко-этнографический очерк // Известия ИОАИЭ. – 1892. – Т. 10. – Вып. 1–3. – 291 с.

² И.Н. Смирнов, в частности, писал: «Язык является свидетелем тех изменений, которые происходили в понятиях народа относительно тех или иных. В очерке «Черемисы» мы на основании названий различных степеней родства пришли к заключению, что семья восточных (т.е. волжско-камских и сибирских) Финнов развивалась путем перехода от коммунального брака через левират и снохачество к полигамии и моногамии. Настоящая глава имеет свою цель показать, что вотская семья пережила так же, как и черемисская, все эти стадии развития». Цит. по: Смирнов И.Н. Вотяки. Историко-этнографический очерк. – С. 128.

³ И.Н. Смирнов утверждал: «Вотская терминология родства вводит нас в такой мир, где лицо, пытающееся определить свои отношения к окружающим мужчинам и женщинам, видит только различие в возрастах и не выделяет из среды их таких, с которыми чувствовало-бы себя связанным ближайшим образом, в силу происхождения от одних родителей, мало того – не в состоянии даже выделить из числа мужчин старшего себя такого, которого могло бы назвать родителем. Оно видит вокруг себя группу самцов, мужчин, способных к деторождению (аи) и среди этих самцов несколько старейших (пӧрес-аи)». Цит. по: Смирнов И.Н. Вотяки. Историко-этнографический очерк. – С. 130–131.

⁴ Вместе с тем, И.Н. Смирнов делал вполне уместную оговорку, что: «Было бы громадной ошибкой думать, что Вотяки находятся в таком состоянии теперь. Современный семейный строй вотский ничем не отличается от русского, но терминология родства находится в коренном противоречии с ним и это противоречие в высшей степени интересно для историка. Оно говорит нам, что вотский язык отразил в себе совокупность условий, среди которых создавалась терминология родства, или точнее общественных отношений, и сохранил эту картину в течение длинного ряда веков, не смотря на медленные изменения, которые совершались в жизни. Бытовая картина, которая поднимается пред исследователем после ознакомления с вотскими терминами родства хорошо знакома антропологам и этнографам. Она носит в науке название коммунального брака или гетеризма». Цит. по: Смирнов И.Н. Вотяки. Историко-этнографический очерк. – С. 131.

⁵ Смирнов И.Н. Наброски из истории финской культуры. – Казань, 1893.

⁶ См. подробнее: Косвен М.О. Матриархат. История проблемы. – М.: Л., 1948. – С. 172–173.

⁷ Ившина М.В. Гендерные дискурсы И.Н. Смирнова в русле современных исследований // Этнография восточно-финских народов. – Ижевск, 2007. – С. 61.

⁸ Смирнов И.Н. Наброски из истории финской культуры. – С. 69.

положительно оценивая результаты работы Смирнова-этнографа, финский ученый в корректной, но жесткой форме критики дал разбор построений Смирнова-филолога¹. Удивляясь несколько вольным обращением коллеги с общепризнанными лингвистическими законами, рецензент не без юмора замечал: «Исходя из выводов, сделанных автором, применявшим свой метод, можно понять следующее: что карелы поняли разницу между своими детьми и чужими только после соприкосновения с русскими, а так как финны до сих пор не имеют подходящего термина для обозначения этого понятия, то, значит, они и сегодня не различают их»². Э.Н. Сетяля старался показать несостоятельность предположений И.Н. Смирнова о длительном сохранении пережитков «гетеризма» у восточных финнов, базировавшегося на том, что в местных языках нет специальных терминов, обозначающих кровное родство между двумя лицами, произошедшими от одних родителей³. На проверку же оказывалось, что все приведенные Смирновым в качестве примеров финно-угорские термины родства, были поздними тюркскими и индоевропейскими заимствованиями⁴. Рецензент отмечал, что: «... автор пришел к выводу о существовании гетеризма основываясь не на языковых фактах, а на убеждении в том, что «коммунальный брак» был основой семьи у всех известных народов, и в этом ключе он рассматривал языковые явления»⁵. Э.Н. Сетяля дает понять, что основной причиной недостаточно корректного подхода к интерпретации языковых материалов стала излишняя зависимость казанского коллеги от идей британских социологов⁶.

Кроме того, в противоречие с «эндогамной» брачной теорией вступали приводимые самим И.Н. Смирновым описания свадебных ритуалов, в частности те моменты, когда он рассматривал обряды «умыкания» невест, еще живо представленные во второй половине XIX в. в культурах восточно-финских народов⁷. В этой связи, уместно будет указать на «обско-угорские наблюдения», в разное время сделанные Г.И. Новицким, М.А. Кастреном и С.К. Паткановым, единодушно указывавшие на дуально-экзогамные традиции брачного поведения родственных финнам народов Северного Урала и Западной Сибири⁸. Также нельзя не вспомнить об эпических произведениях финно-угорского фольклора, содержащих прямые указания о «войнах за невест» между представителями разных родов.

Между тем, вскоре, проблема добрачного общения восточно-финской молодежи нашла отражение в заочной полемике двух сотрудников Казанского Общества археологии, истории и этнографии – С.К. Кузнецова и В.М. Васильева⁹. Первый из них, признанный поволжский этнограф и библиофил, опубликовал в центральной научной печати очерк о религиозно-мифологических представлениях луговых марийцев, в рамках которого коснулся известных ему фактов добрачного половой свободы, встречающейся в среде местных мари и удмуртов¹⁰. Второй – начинающий марийский лингвист и этнограф, решился на поиск аргументов, опровергающих мнение маститого коллеги¹¹. Точка зрения русского ученого базировалась на тех же теоретико-методологических принципах, что и воззрения И.Н. Смирнова, а именно на желании увидеть в «инородческом быту» пережитки, свидетельствующие о

¹ Setälä E.N. I.N. Smirnow's Untersuchungen über die Ostfinnen // Journal de la Société Finno-Ougrienne. – 1900. – Vol. 17. – S. 1–52.

² Setälä E.N. I.N. Smirnow's Untersuchungen über die Ostfinnen. – S. 20–21.

³ В своей книге о мордве, И.Н. Смирнов недвусмысленно указывал на то, что мордовская система родства с ее своеобразной терминологией «является памятником первобытных семейно-общественных отношений, отразившим отголоски группового брака». Цит. по: Смирнов И.Н. Мордва. Историко-этнографический очерк. – Саранск, 2002. – С. 136.

⁴ Здесь будет уместно заметить, что сравнительное изучение терминов родства/свойства в различных языках показало первичность групповых терминов, называемых, обычно, классификационными, по отношению к индивидуальным терминам, поскольку индивидуализация явление типологически более позднее, что демонстрирует общинный принцип социальной организации, долгое время превалявавшийся в традиционном обществе. См., например: Решетов А.М. Некоторые наблюдения над системами родства // Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе. – Л., 1972. – С. 229.

⁵ Setälä E.N. I.N. Smirnow's Untersuchungen über die Ostfinnen. – S. 26.

⁶ Примечательно, что о зависимости исследователя от модных теорий предупреждал в эти же годы А.Н. Максимов, критиковавший за догматизм методологию Э. Вестермарка: «Самый простой способ не запутаться в массе фактов – это стать на готовую уже точку зрения и освещать уже данным принципом разрозненные факты. Такой путь, конечно, самый легкий, но против него то обстоятельство, что выбор той или иной точки зрения всегда подлежит оспариванию». Цит. по: Максимов А.Н. К вопросу о методах изучения истории семьи // А.Н. Максимов. Избранные труды. – М., 1997. – С. 14–15.

⁷ См.: Державин Н.С. Обычай «умыкания» невест в древнейшее время и его переживания в свадебных обрядах у современных народов // Сборник статей, посвященных почитателями академику и заслуженному профессору В.И. Ламанскому, по случаю 50-летия его ученой деятельности. – СПб., 1907. – Ч. 1. – С. 275.

⁸ См. подробнее: Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв.: Проблемы фратрии и рода. – М., 1983.

⁹ Попов Н.С. Вклад С.К. Кузнецова в изучение традиций марийцев и удмуртов // Финно-угроведение. – 2005. – № 1. – С. 74.

¹⁰ Кузнецов С.К. Культ умерших и загробные верования луговых черемис // Этнографическое обозрение. – 1905. – Кн. 60–61. – С. 1–76.

¹¹ Васильев В.М. Отношение черемис к половой распущенности. – Казань, 1915. – С. 1–24.

сохранении древних устоев брачно-семейных отношений¹. Его оппонент, не углубляясь в глубокое теоретизирование, строит свою линию на многочисленных примерах из брачной жизни различных групп марийцев, опровергающих случаи, приводимые в тексте С.К. Кузнецова, делая упор на негативном воздействии социально-экономических и ассимиляционных процессов на нравственность коренного населения края². Примечательно, что И.Н. Смирнов также отмечал более высокий процент незаконнорожденных детей в местах контактного проживания коми и русских, нежели в гомогенных поселениях: «...неохотно вводя зырянок в семью, русские широко пользуются вне-брачной любовью соседок и оставляют о себе память в типе потомства»³. Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. намечаются две новые линии в этнографическом финно-угроведении, представленные работами русских ученых, представляющих внешний (соседствующий) взгляд на культуры местных инородцев и публикациями представителей нарождающейся национальной интеллигенции⁴. Неслучайно, особое значение в те годы приобрел вопрос о соотношении категорий морали и нравственности во взаимозависимых, но остающихся самостоятельными общностях.

Система родства и социальная организация: Знание этнографической конкретики (терминология, запреты и предпочтения) и историографических сюжетов (гипотезы и дискуссии), а также свободное ориентирование в теоретических позициях, рано или поздно должно было подвинуть исследователей к реконструкции системы социальной организации финно-угорского традиционного общества, учитывая тот факт, что значительное подспорье здесь мог оказать все возрастающий в те годы объем фольклорно-лингвистического и археологического материала. Тем не менее, в полевых условиях было довольно сложно собрать информацию о внутренних и внешних связях между группами родственников и ассоциациями, входящими в изучаемое общество. Дополнительная трудность состояла в слабой методической разработке данной проблематики, когда приходилось, буквально на ходу, изыскивать возможности для получения сведений такого рода.

Одним из удачных примеров решения поставленной задачи стал опыт изучения У.Т. Сирелиусом в 1899–1900 гг. социальной организации и системы родственных отношений одной из локальных групп хантов. Остановившись в волостном и приходском центре с. Ларьятское, он за четыре недели скопировал записи из всех имевшихся там метрических книг, начинавшиеся со второй половины XVIII в., когда, по

¹ С.К. Кузнецов, в частности, писал: «У наших инородцев, до знакомства с христианством, совсем не стояло в кодексе морали запрета против половой свободы: у черемис, как у вотяков и чуваш, как и у всех некультурных народов, половая свобода не есть порча чистых нравов, а остаток, пережиток прежней формы быта, когда девушка до замужества составляла собственность всего рода-племени и не могла выйти замуж в другой род, пока вся своя молодежь ее не облюбует и не убедится – сначала в ее способности к брачному сожителю, а потом – к деторождению». Цит. по: Кузнецов С.К. Культ умерших и загробные верования луговых черемис. – С. 57.

² В.М. Васильев отмечает: «Не хотим мы также утверждать на основании изложенного, что у черемис совсем нет половой распущенности. Вопрос не об отрицании, а об определении степени ее и мы имеем все данные для последней цели. Сообщения г. Кузнецова на этот счет также положительно не верны. Утверждение его, что «половая распущенность всего сильнее сказывается в чисто черемисских деревнях, где нет примеси иноплеменного населения» (стр. 60), есть ошибка и очень смелая. Как раз наоборот: где распущенности больше, так именно в деревнях со смешанным населением, и мы могли бы назвать десятки таких селений». Цит. по: Васильев В.М. Отношение черемис к половой распущенности. – С. 7.

³ Цит. по: Смирнов И.Н. Значение урало-алтайских племен в образовании и истории русской народности // Вестник и библиотека самообразования. – 1903. – № 35. – С. 1456.

⁴ Один из первых критиков теории «гетеризма» И.Н. Смирнова, коми-этнограф В.П. Налимов пишет по этому поводу: «Вероятно, ни один из современных ученых не будет утверждать о существовании общественных браков в форме гетеризма как у пермяков, так и других народов на ранней стадии их развития. Но многие утверждают и сегодня, что наряду с той или иной формой семьи у зырян и пермяков существовала и отчасти продолжает существовать большая свобода половых отношений; что зырянами и пермяками не принимались при этом в расчет родственные связи. Они подчинялись только своим инстинктам, и ничто не могло обуздать их дику, безобразную страсть. Это утверждение требует более веских аргументов, чем почти безосновательные обобщения и данные о числе внебрачных детей, приведенные К. Поповым.... Существование сексуальной морали, разумеется, не исключает возможностей ее нарушения отдельными лицами. Но здесь мы должны говорить о народе, а не об отдельных личностях, в то время как Смирнов и попов приводят отдельные случаи и распространяют их на весь народ. Существующая сексуальная мораль у зырян, насколько наблюдения и опросы позволяют мне сделать вывод, оказывает влияние на регулирование половых отношений.... При каких условиях возникла эта своеобразная мораль, как она развивалась и какое влияние оказывали на нее другие народы, – все это предварительно сложно решить. Для этого необходимо более углубленное и обширное исследование религиозного мировоззрения самих зырян и других финских народов, и только тогда этот вопрос можно поставить на повестку дня....». Цит. по: Nalimov V. Zur Frage nach den ursprünglichen Beziehungen der Geschlechter bei den Syrjänen // Journal de la Société Finno-Ougrienne. – 1908. – Vol. 25. – S. 1–2; Налимов В.П. К вопросу о первоначальных отношениях полов у зырян // Труды ИИЯЛИ Коми НЦ УрО АН СССР. – Сыктывкар, 1991. – Вып. 49. – С. 5–23.

всей видимости, была создана местная церковная община¹. Следует заметить, что источниковый потенциал церковных записей еще неоднократно будет использоваться в этнографическом финно-угроведении, указывая на перспективы изучения текущей документации религиозной и светской общин².

Общинная проблематика стала профилирующим направлением в работах ряда этнографов, затрагивавших проблему функционирования корпоративных институтов в финно-угорской этнической среде³. Так, наблюдения над общинным бытом российских саамов, сделанные А.Я. Ефименко и Н.Н. Харузиным, позволили обратиться к вопросу о соотносимости понятий «община» (социальное измерение), «род» (коллектив родственников) и «погост» (территориальное объединение), в контексте дискуссии об экзогамности/эндогамности местных общин-сыййтов⁴. Обычное право крестьянской общины стало своего рода зеркалом, в котором отражались социальные и экономические основания сельской жизни⁵. Неслучайно, в отличие от финских и венгерских коллег, пытавшихся выявить общие архаические элементы в современном быте родственных народов, русских этнографов больше занимала архаика в крестьянском мироустройстве и мировоззрении. Таким образом, социальная организация и входящая в нее система родственных связей у финно-угорских народов, рассматривалась, как бы с разных сторон – этногенетической и социально-экономической.

Общее этнографическое осмысление системы родственных отношений финно-угорских народов было предпринято финскими этнографами А. Хямяляйненом и У. (Хольмбергом-) Харва, в основном оперировавших материалами, собранными среди родственных народов в начале XX в. Оба ученых, столь по-разному порой смотревшие на проблемы, относящиеся к сфере духовной культуры финно-угорских народов, были вполне солидарны в критике выводов русских этнографов-эволюционистов. Например, А. Хямяляйнен путем прочтения приведенных русскими авторами источников, использованных ими в качестве аргументов, приходит к совершенно противоположному выводу о том, что у финноязычных народов Среднего Поволжья существует четко обозначенная традиция, согласно которой лица, состоящие в известной степени родства, не могут вступать в брак друг с другом⁶. Так, у мордвы бывшей Симбирской губернии запрещалось вступать в брак родственникам до седьмого поколения включительно, между тем встречавшиеся в виде исключения из правил, браки между двоюродными братьями и сестрами считались большим грехом⁷. Удмурты Елабужского уезда Вятской губернии, пишет Хямяляйнен, ныне следуют предписаниям православия относительно браков между родственниками, а прежде, когда влияние церкви было еще не так сильно, браки запрещались в трех первых поколениях родственников⁸. У. Хольмберг писал по этому поводу: «Различие родов отца и матери особенно бросается в глаза при заключении браков, так даже, если предположить, что браки между двоюродными

¹ Работая с церковными записями, наряду с количественными данными, У.Т. Сирелиус отмечал фамилии хантов, расселенных по отдельным населенным пунктам (юртам), классифицируя их по десятилетиям (начиная с 1799 по 1898 г.). Также он фиксировал сведения о половом составе населения, одновременно составляя таблицу численности хантыйского населения в Ларьятском округе с 1805 по 1897 г. Таким образом, возникала определенная ясность с движением коренного населения, его численностью и расширением или угасанием тех или иных родов (фамилий) в изучаемом локальном сообществе. См.: Сирелиус У.Т. Путешествие к хантам. – Томск, 2001. – С. 218–227.

² См., напр.: Куликов К.И. Церковные книги как источник для изучения брачного поведения // Традиционное поведение и общение удмуртов. – Ижевск, 1992. – С. 183–190.

³ Ефименко А.Я. Народные юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии. – СПб., 1877; Харузин М.Н. Очерки юридического быта народностей Сарапульского уезда Вятской губернии // Юридический вестник. – 1883. – № 2. – С. 257–291.

⁴ Н.Н. Харузин, отмечая заимствованный характер саамского слова «род/рōдт», пишет: «Среди лопарей под словом родство (роотъ) подразумеваются все решительно лица, соединенные друг с другом родственными связями, без различия, будет ли это родство кровное или молочное». Цит. по: Харузин Н.Н. Русские лопари. – М., 1890. – С. 246; См. подробнее: Куропятник М.С. Формы социальной организации саамов Кольского полуострова в конце XIX – начале XX в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Л., 1989.

⁵ См.: Хомяков М.М. О влиянии экономического фактора на крестьянскую семью. (Обычай примачества). – Казань, 1901.

⁶ Hämäläinen A. Über Verbote gegen Ehen zwischen nahen Verwandten bei den ostfinnischen Völker und den Russen // Suomalainen Tiedekatemia toimituksia. – 1932. – Seria B. – Tom. 27. – S. 33–44.

⁷ Ibid. – S. 39–40.

Как отмечает Ю.Н. Мокшина, предположение И.Н. Смирнова о существовании у мордвы инбридинга, то есть близкородственного кровосмешения, представляется несостоятельным, чему противоречит бытовавший у мордвы обычай умыкания девушек, в соответствии с которым юноша обретал себе жену из другого рода, из другой деревни. Степень родства при заключении браков между родственниками допускалась только в четвертом и более далеких коленах, и ни в коем случае не разрешались в первом, втором и третьем коленах. Цит. по: Мокшина Ю.Н. Брак и семья в обычном праве мордвы. – Саранск, 2005. – С. 61–62.

⁸ Hämäläinen A. Über Verbote gegen Ehen zwischen nahen Verwandten bei den ostfinnischen Völker und den Russen. – S. 40.

братьями и сестрами могли иметь место, но лишь те браки считались законными, если отцы жениха и невесты происходили из разных родов»¹.

Попробуем проанализировать обе представленные точки зрения. В истории института брака и семьи, очевидно, существовали ранние этапы. Так, например, британский социолог Дж. Леббок называл раннюю стадию брачной жизни «коммунальным браком»². Быть может, в глубокой древности это явление могло иметь место, но ошибка И.Н. Смирнова и последовавших за ним этнографов заключалась в том, что они попытались «продлить жизнь» ранних форм брака и увидеть их пережитки в современном им обществе, опираясь на некоторые факты, так называемой добрачной половой свободы. С другой стороны, наибольшее влияние на финских ученых оказали идеи датского ученого К. Старке и их соотечественника Э. Вестермарка³. Первый доказывал, что первобытная семья была патриархальной, где счет родства и наследование имущества велся исключительно по отцовской линии. В свою очередь, Э. Вестермарк писал: «Не было такой стадии в развитии человека, когда не существовало брака, и отец всегда был, как правило, защитником и покровителем семьи»⁴. Финляндские ученики профессора Вестермарка также, в большинстве своем, придерживались мнения об изначальном «экзогамном инстинкте» человечества.

Так, пытаясь реконструировать систему родства финно-угров, У. (Хольмберг-) Харва с уверенностью пишет, что родство у них считалось только по мужской линии, подвергая критике предположения ряда русских исследователей о длительности «финского матриархата», в частности Н.Г. Первухина, видевшего в удмуртских родовых названиях наследие имен женщин-прародительниц⁵. Ценной самостоятельной разработкой финского этнографа следует признать концепцию семейно-родового устройства традиционного социума финно-угорских народов, основанную, по большей части, на личных полевых наблюдениях, сделанных в начале XX в. Устойчивость родового порядка, по его мнению, была обусловлена религиозным фактором, когда все общество делилось на родовые группы, имеющие свое святилище⁶. Каждый род представлял собой группу индивидуумов, произошедших от одного предка и приносящих жертвы общему духу-хранителю. При этом каждый род имеет свое особое родовое имя. Даже если со временем род сильно разрастался и его представители жили в разных губерниях, утвержденная ранее экзогамия строго сохранялась. Стержнем финно-угорской патронимии У. Хольмберг считал традиционную религию, а именно культ предков, когда старший в роде или в семье мужчина-наследник являлся одновременно и жрецом, ответственным за поминовение умерших предков.

Что же происходило в коллективе родственников, где не было наследника мужского пола? Следовало за этим «угасание семейного очага» и связанных с ним духовных традиций? Данный вопрос финский ученый рассмотрел в специальной работе, в которой писал, что если брак, несмотря на все ожидания, не приносил сына, то могли прибегнуть к известному еще с библейских времен обычаю левирата или сорората, но чаще всего использовали другой путь, а именно: усыновление чужого ребенка. Однако у финно-угорских народов круг детей, которых могли усыновить, изначально ограничивался рамками одного родственного коллектива, при этом предпочтение отдавалось обычно сыну младшего брата главы семьи⁷. Важную роль в семейной организации

¹ (Holmberg-) Harva U. Der Bau des Verwandtschaftsnamensystems und die Verwandtschaftsverhältnisse bei den Finno-Ugriern // Finnisch-Ugrische Forschungen. – 1939. – Bd. 26. – S. 120.

² Леббок Дж. Начало цивилизации. – СПб., 1875. – С. 60, 64, 70.

³ См., напр.: Вольфсон С.Я. Социология брака и семьи. – Минск, 1928. – С. 75, 112–113.

⁴ С.А. Токарев отмечает: «Очень резко, даже с каким-то раздражением, отвергает Вестермарк теорию «первобытного промискуитета», уделяя много места разбору и опровержению аргументов защитников этой гипотезы». Цит. по: Токарев С.А. История зарубежной этнологии. М., 1978. С. 99, 102–103.

⁵ Harva U. The Finno-Ugric System of Relationship // Transaction of the Westermarck Society. – Copenhagen-Göteborg, 1947. – Vol. 1. – P. 71–74.

⁶ Следует отметить, что предки-основатели родов и семей пользовались у финно-угорских народов особым почетом. Например, Ю. Вихманн работая среди удмуртов Елабужского уезда, записал в следующее народное предание: «В Бусурман-Можге и еще в 11 близлежащих деревнях жители чтят память основателя их рода Мардана. Храбрый Мардан пришел в эти края с севера и определил их новым местом жительства. Каждый три года приносят ему в жертву коня, а его жене – козлу». Кроме того, ему ежегодно жертвовали овцу. Во время обряда к нему обращались с такими словами: «Собравшись вместе, мы приносим тебе коня (овцу). За хороших детей и богатый урожай, что ты дал нам, мы благодарим тебя, отец Мардан». Цит. по: Wichmann Y. Tietoja votjakkien mytologiasta. –Helsingissä, 1892. – S. 16.

⁷ У. (Хольмберг-) Харва пишет: «Вотьяки устраивали среди родственников пиршество, когда принимаемого в сыновья мальчика трижды обводили вокруг очага святилища, произнося молитву и умоляя духа-хранителя и предков семьи о счастье входящего». Близкие к этому обряды сопровождали женщину в начале замужества. Прежде чем получить право молиться в куале своей новой семьи, она (сноха) должна была совершить умиловительные жертвоприношения в родном святилище. Обычно жертвуя глухаря, она благодарила свой воршуд и прощалась с ним, а отец жениха умиловивлял свой воршуд и молился за введенную в семью сноху. Затем сноха должна была принести жертву воршуду новой семьи, и только после этого она могла молиться в святилище семьи мужа. Цит. по: (Holmberg-) Harva U. Der Adoptivsohn und der Hausschwiegerson bei den finnisch-ugrischen Völker // Finnisch-Ugrische Forschungen. – 1944. – Bd. 28. – S. 60–61.

финно-угорских народов имел младший брат/младший сын, в силу распространенности у них обычаев левирата и минората. У. (Хольмберг-) Харва приводит в качестве одного из аргументов своей позиции то, что у большинства финно-угорских народов распространены семейные знаки-тамги (знамена, пасы, пусы и т.д.) и только один из сыновей-наследников наследует семейный знак в неизменном виде. Интересные сведения, в этой связи, были собраны в 1880–1890-х гг. венгерскими учеными среди обско-угорских народов. В частности, Б. Мункачи на фольклорном материале показал систему знаковой фиксации военно-политических отношений средневекового мансийского общества. В свою очередь лингвист Й. Папай зафиксировал современную ему систему знаковой идентификации обдорских хантов, приложивших свои тамги к документу, регламентировавшему их взаимоотношения с местным начальством. Их коллега, этнограф Я. Янко также собрал значительное число хантыйских тамг на Большом и Малом Югане, сопоставляя которые с ранее известными образцами, он выдвинул предположение о возможных путях миграции отдельных групп этноса¹. Как правило, таким наследником становится младший сын, поскольку с ним оставался престарелый отец, ранее выделивший из семьи старших сыновей, получивших право на создание собственного семейного знака².

Иное положение в семье занимали приемный сын и зять, взятые в дом и происходящие из другого рода. Они так и не приобретали полноценного статуса и должны были участвовать в молениях своего рода, поскольку в большинстве случаев их «усыновление» было вызвано хозяйственно-экономическими или патронажными причинами³. Впрочем, как говорит У. Хольмберг, есть у финно-угорских народов примеры, когда приемный зять теряет свою фамилию, принимая фамилию жены, то есть ее отца, а дети от такого брака будут уже относиться к роду тестя. Так, внебрачный сын дочери хозяина, усыновленный последним, имеет право молиться в их святилище. Тем не менее, финский ученый был твердо уверен, что древняя родовая сущность, унаследованная от отцов вместе с семейными и родовыми святынями, остается незыблемой⁴. Здесь можно вспомнить еще тот известный факт, что, если на молении присутствовал кто-то из чужих, он не допускался к совместной ритуальной трапезе, которая была показателем единства происхождения ее участников, их принадлежности к одному родовому коллективу, имеющему общий культ божества-покровителя.

У. (Хольмберг-) Харва показал, что, объединенные общим культом и ритуалами, родовые группы составляли финно-угорский традиционный социум. Важнейшей функцией религиозных обрядов и учреждений была защита общественного порядка, основанного на родовых, позднее на семейных отношениях. Распределение по родовым группам было незыблемым, что обуславливало закрытость религиозных собраний от чужаков. Применение такого рода табу отводило угрозу того, что люди забудут свою генеалогию, а это было наибольшей опасностью для существующего порядка. По мере увеличения числа членов рода, вокруг городища возникали неукрепленные поселения. Самое старое селение – родовой центр, откуда отпочковались починки, выселки, обычно давало наименование или часть его вновь возникающим родственным поселениям. В свою очередь, многочисленные примеры показывают, что переехавшие на новое место члены рода бережно хранили память о родовом центре, как об основе принятого ими общественного устройства.

Представленная в историографии рассматриваемого периода картина социальной жизни финно-угорских народов России местами идеализирована, особенно, когда авторы, словно намеренно, архаизируют некоторые стороны жизни родственного коллектива, но рациональное зерно, явно превалирует над романтическими моментами, при этом многие предположения тех лет подтверждаются данными современных финно-угорских исследований.

¹ См. подробнее: Вандор А. Венгерские ученые XIX века о знаковой системе обских угров // Музеи в социокультурном пространстве. – Салехард, 2007. – С. 76–84.

² (Holmberg-) Harva U. Der Bau des Verwandtschaftsnamensystems und die Verwandtschaftsverhältnisse bei den Fenno-Ugriern. – S. 115–117.

Обобщающей материалы по этому вопросу: Симченко Ю.Б. «Тамги народов Сибири XVII века». – М., 1965.

³ В.Н. Харузина отмечает, что: «Если берут в дом зятя, он не может молиться в моленном шалаше своего тестя, потому что по крови он не приходится ему родным. Приемный зять должен выстроить себе свой собственный моленный шалаш». Цит. по: Харузина В.Н. Народы России: Вотяки. – М., 1898. – С. 33.

⁴ (Holmberg-) Harva U. Der Adoptivsohn und der Hausschwiegersonn bei den finnisch-ugrischen Völker. – S. 72.

**Освещение переселенческого движения из Харьковской губернии
в конце XIX – начале XX в. на страницах местных изданий**

Одним из важных направлений отечественной исторической науки является изучение условий жизни украинцев за пределами этнической родины. В связи с этим среди актуальных проблем важное место занимают переселенческие процессы, которые происходили в Украине в разные исторические периоды. Для России эта тема также является актуальной, так как после распада СССР здесь переселенческое движение активизировалось и данное обстоятельство заставляет ученых обращаться к изучению данной проблемы. Одно из таких массовых движений происходило на рубеже XIX–XX вв. и стало результатом крестьянской реформы 1861 г. Эта реформа привела к уменьшению земельных наделов и заставила огромное количество крестьян к переселению за Урал, на малозаселенные территории Российской империи. Массовое переселение и появившиеся вследствие этого социальные проблемы вынудили местную администрацию и органы самоуправления, а со временем и центральные органы власти обратить на него пристальное внимание.

Одним из важных аспектов такого внимания стало освещение переселенческого движения на страницах местной печати – как прессы, так и специально подготовленных очерково-статистических изданий.

Целью данной статьи является показать, как освещалось переселенческое движение на страницах местной печати на рубеже XIX–XX вв. Под местной печатью подразумеваются выходившие в то время в Харьковской губернии газеты «Южный край» и «Харьковские губернские ведомости», а также издания Харьковского губернского статистического комитета и Харьковской губернской земской управы, в той или иной степени посвященные данной теме.

В научной литературе эта тема в некоторой степени освещалась, как в украинской, так и в российской историографии. В 1990-х гг. в Украине данная проблема рассматривалась в основном в контексте столыпинской реформы². Сегодня в отечественной историографии данной проблемой занимаются такие историка, как А.М.Шпорт³, М.А. Якименко⁴ и др. Их работы посвящены переселению украинцев соответственно в Тоболо-Иртышское междуречье и на Дальний Восток. В своей статье исследовательница А.М. Шпорт прежде всего прослеживает формы оседания украинских колонизаторов в Западной Сибири, а также особенности этнического самосознания на современном этапе.

В российской историографии при изучении украинской диаспоры рассматриваются в основном этнографические проблемы⁵. В большей степени поднятая в статье тема освещалась в публикации омского ученого Ю.П. Родионов «Переселенческое движение в Сибири в начале XX века»⁶. В своей публикации историк показал какие вопросы освещались в ежегодных выпусках Харьковской губернской земской управы 1908–1911 гг., какие проблемы для переселенцев были важными, как они вообще относились к переезду на новое место жительства.

Вообще переезды в восточные регионы Российской империи происходили и ранее, но до 1881 г. они не регулировались законодательными актами и считались проявлением «вредной подвижности и бродяжничества в сельском населении»⁷. Однако со временем этот процесс заставил «считаться с собой»⁸. В 1881 г. появились

¹ Дмитриева Елена Николаевна (Харьков, Украина) – главный библиотекарь отдела «Украиника» Харьковской государственной научной библиотеки им. В.Г. Короленко; Дьякова Елена Васильевна (Харьков, Украина) – преподаватель кафедры истории Украины Харьковского национального педагогического университета им. Г.С. Сковороды.

² Майстренко В. С. Переселення селян Харківської губернії до Сибіру в роки століпінської аграрної реформи // Історія: Зб. наук. пр. – Х., 1997. – № 29. – С. 79-87.

³ Шпорт А.М. Украинцы в Западной Сибири (Тоболо-Иртышское междуречье) // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. № 594: Історія. – Х., 2003. – Вип. 35. – С. 234-243.

⁴ Якименко М. А. Переселення селян з України на Далекий Схід в епоху ринкових реформ кінця XIX – початку XX ст. – Полтава: Інтер Графіка, 2003. – 129 с.

⁵ История заселения, быт, обычаи и обряды украинских переселенцев на Оренбургской земле / Оренбург. обл. гос. метод. Центр нар. творчества; А.И. Рублев (ред.), Т.Ю. Скопинцева (сост.). – Оренбург, 1997. – 54 с.; Фурсова Е.Ф., Васеха Л. И. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев Сибири XIX века – первой трети XX века (по материалам Новосибирской области). Ч. 1 / Новосибир. гос. пед. ун-т. – Новосибирск: АГРО-СИБИРЬ, 2004. – 190 с.

⁶ Родионов Ю.П. Переселенческое движение с Сибирь в начале XX века (по материалам Харьковской губернской земской управы) // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества (история и современность): Межвуз. сб. науч. тр. – Омск, 2003. – Вип. 2. – С. 40-48.

⁷ Переселение крестьян из Харьковской губернии. Вып. III. Переселение за 1904–1908 гг. по данным Челябинской губернии. – Харьков, 1910. – С. 4.

⁸ Там же.

правила, узаконивающие переезд на казенные земли в Сибирь и «ставили каждый случай переселения в зависимость от соглашения двух министров: внутренних дел и государственных имущества»¹. 13 июля 1889 г. был принят закон, облегчающий передвижение и устройство на новом месте. Появление этих документов признавало сам факт существования переселенческого процесса и повлияло на его дальнейшее развитие.

Первая заметка, посвященная переселению, появилась в газете «Южный край» 16 декабря 1881 г.². В ней освещался ход губернского земского собрания, на котором рассматривался переселенческий вопрос, и в связи с этим обсуждалось предложение преобразований в системе местного управления. В последующие годы в газете «Южный край» периодически печатались сведения о количестве семей, выехавших на постоянное местожительство в другие области и губернии Российской империи³. Так, в газете было зафиксировано, что с 1892 по 1896 год 600 семей выехало в Закаспийскую область⁴; 6 – в Томскую губернию⁵ и «несколько крестьянских семей переселилось в Южно-Уссурийский край»⁶.

Особенностью первых публикаций было то, что это были заметки информационного характера, которые указывали из каких населенных пунктов и в каком направлении переселяются харьковцы. С годами переселенческий процесс увеличивался, о чем также сообщалось в еще одной газете – «Харьковские губернские ведомости». О том, что переселение набирало масштабов, говорит тот факт, что в 1897–1906 гг. из губернии в Сибирь и другие регионы Российской империи выехало 43 651 чел.⁷.

Важное значение для увеличения публикаций в местной прессе о переездах крестьян в восточные районы страны имела столыпинская аграрная реформа. Одним из ее направлений была поддержка переселения крестьян за Урал. Переселенцы получали ссуды для переезда и обустройства на новом месте, для них проводились консультации по новшествам в аграрном производстве, создавались казенные склады для сельхозтехники.

3-6 октября 1907 года в Харькове проходил первый областной переселенческий съезд. В его работе приняли участие 40 человек из Харьковской, Полтавской, Черниговской, Херсонской, Екатеринославской, Орловской губерний. Среди делегатов были также начальник Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия и представитель от Тургайско-Уральского района⁸. Состоялось 6 заседаний (3-5 октября по два в день – утреннее и вечернее). Основным вопросом съезда было обсуждение современной постановки переселенческого дела, ее недочеты и меры по их устранению⁹.

В постановлении съезда говорится о необходимости разделения переселенческой работы между тремя органами: «подлежащую исключительному ведению земства, подлежащую ведению переселенческого управления совместно с земством и подлежащую исключительному ведению центрального правительства»¹⁰.

Разделение деятельности в переселенческой работе основывалось на решении, прежде всего, финансовых и социальных проблем. По мнению делегатов, земства должны организовывать работу на местах, т.е. производить выселение людей (помочь в продаже земли и имущества), оказать продовольственно-санитарную помощь в пути¹¹; местные земства и переселенческие управления должны помогать выезжающим в пути следования и в их устройстве на новых местах¹²; центральная власть должна следить за согласованностью работы различных ведомств, а также за тем, чтобы переселенцы на новых местах не испытывали финансовых трудностей и не встречали противодействия со стороны местной администрации и местного населения¹³.

Здесь же оговаривались функции ходатаешеских партий и земских переселенческих агентов¹⁴, которые должны были следить за условиями передвижения людей до нового местожительства и их обустройством на новом месте, а также в случае необходимости оказывать им помощь в приобретении земли, получении кредитов и т. п.

¹ Переселение крестьян из Харьковской губернии. Вып. III. Переселение за 1904–1908 гг. по данным Челябинской регистрации. – Харьков, 1910. – С. 4.

² Южный край (далее – ЮК). – 1892. – 22 дек.; 1893. – 5 июля; 1894. – 5 авг.; 1896. – 28 апр.

³ ЮК. – 1892. – 22 дек.; 1894. – 5 авг.

⁴ ЮК. – 1892. – 22 дек.; 1894. – 5 авг.

⁵ ЮК. – 1893. – 5 июля.

⁶ ЮК. – 1896. – 28 апр.; Харьковские губернские ведомости (далее – ХГВ). – 1893. – 8 марта.

⁷ ЮК. – 1893. – 5 июля. Там же. – С. 3.

⁸ Постановления и краткие журналы первого областного переселенческого съезда с 3 по 6 октября 1907 года. – Харьков, 1907. – С. 11-12.

⁹ Там же. – С. 3.

¹⁰ Там же. – С. 5.

¹¹ Там же. – С. 5-6.

¹² Там же. – С. 6.

¹³ Там же. – С. 7.

¹⁴ Там же. – С. 5, 7.

Работа съезда широко освещалась в газете «Харьковские губернские ведомости»¹, и вскоре Харьковской губернской земской управой были изданы его материалы².

С этого времени кроме заметок и статей в местных газетах переселенческим отделом Харьковской губернской земской управы издаются отдельные брошюры, посвященные их деятельности. Только за 1908–1910 гг. увидели свет 12 таких изданий, которые и сегодня не утратили своей научной ценности для исследования экономических, статистических, демографических, этнографических аспектов переселенческого движения.

За три года вышло четыре выпуска сборника «Переселение крестьян из Харьковской губернии»³, отчеты переселенческих агентов А.Е. Каджая, А.В. Бабецкого, М.Я. Шенфогеля, бонитера И.М. Морозова, члена Харьковской губернской земской управы В.М. Купчинова⁴, очерки об условиях жизни в Сибири, написанные на основании сведений, собранных у добровольных корреспондентов⁵.

Выпуски «Переселение крестьян из Харьковской губернии» носят информационный характер и имеют своей целью осветить, прежде всего, бытовые проблемы, возникающие у переселенцев при переезде и обустройстве на новом месте.

Первый выпуск посвящен изучению переселенчества на основании полученных от выехавших сообщений. Для этого была составлена анкета, на которую ответил 431 респондент⁶. Хронологически выпуск охватывает 1898–1907 годы и освещает следующие вопросы: причины переселения, экономическое положение крестьян до отъезда, сведения о размерах и ходе переселения (прямого и обратного), отзывы об условиях жизни на новых местах и предложения по улучшению переселенческого дела.

Во втором выпуске исследуется переселенческое движение в 1898–1904 гг. по архивным материалам Харьковского губернского присутствия.

Третий и четвертый выпуски вмещают в себя материалы, полученные от Челябинской и Сызранской регистраций. Третий выпуск посвящен семейному переселению и содержит данные об имущественном состоянии переселенцев и их распределении по районам колонизации. Интересными являются таблицы, показывающие количественный и качественный состав отъезжающих и возвращающихся по уездам Харьковской губернии. Также важными для понимания переселенческого процесса являются диаграммы и картограммы, отражающие взаимосвязь между отъездами крестьян и урожайностью в том или ином году, развитием агропромышленности.

На основании приведенных здесь данных видно, что к 1908 году увеличивается количество семей, «двинувшихся за ходоком от семьи или от партии, и уменьшается число вышедших на основании писем и просто слухов, ... на удачу»⁷. В том же 1908 году в «Харьковских губернских ведомостях» дается информация о создании в губернии земельного фонда для переселенцев⁸.

Четвертый выпуск «Переселения крестьян из Харьковской губернии» составляют данные о переселенцах-одиночках, их ходачестве и причинах возвращения на родную землю. Ценным в этом сборнике является публикация законодательных актов и правительственных мероприятий по переселению крестьян⁹. Также сделан анализ экономических условий, подталкивающих людей к смене места жительства.

¹ ХГВ. – 1907. – 4, 5, 6, 7 окт.

² Постановления и краткие журналы первого областного переселенческого съезда с 3 по 6 октября 1907 года. – Харьков, 1907.

³ Переселение крестьян из Харьковской губернии. – Харьков, 1908. – Вып. I; Переселение крестьян из Харьковской губернии. Вып. II. Переселение за 1898–1904 гг. по данным Харьковского губернского присутствия. – Харьков, 1910; Переселение крестьян из Харьковской губернии. Вып. III. Переселение за 1904–1908 гг. по данным Челябинской регистрации. – Харьков, 1910; Переселение крестьян из Харьковской губернии. Вып. IV. Обратное переселение и ходачество в 1904–1908 гг. по данным Челябинской регистрации. – Харьков, 1910.

⁴ Отчет переселенческих агентов Харьковского губернского земства А.Е. Каджая и А.В. Бабецкого по сопровождению ходаческих партий весной 1909 г. – Харьков, 1909; Отчеты переселенческих агентов Харьковского губернского земства М.Я. Шенфогеля и А.В. Бабецкого по сопровождению ходаческих партий весной 1910 г. – Харьков, 1910; Отчет о поездке в Сибирь для изучения переселенческого дела по поручению Харьковского губернского земства бонитера И.М. Морозова. – Харьков, 1909; Краткий отчет по командировке в места колонизации Сибири члена Харьковской губернской земской управы В.М. Купчинова в 1909 г. – Харьков, 1909.

⁵ Краткий очерк условий жизни в Сибири переселенцев из Харьковской губернии (по сообщениям сибирских добровольных корреспондентов). – Харьков, 1909; Переселенческое движение из Харьковской губернии в 1909 г. (по сообщениям добровольных корреспондентов текущей сел.-хоз. статистики). – Харьков, 1910.

⁶ Переселение крестьян из Харьковской губернии. – Харьков, 1908. – Вып. I. – С. 2.

⁷ Переселение крестьян из Харьковской губернии. Вып. III. Переселение за 1904–1908 гг. по данным Челябинской регистрации. – Харьков, 1910. – С. 102.

⁸ ХГВ. – 1908. – 8 окт.

⁹ Переселение крестьян из Харьковской губернии. Вып. IV. Обратное переселение и ходачество в 1904–1908 гг. по данным Челябинской регистрации. – Харьков, 1910. – С. 42–62.

Еще один, пятый (и последний) выпуск из этой серии вышел в 1911 г.¹. Он также был посвящен анализу данных сибирских корреспондентов. Анкета содержала 29 вопросов, связанных с пребыванием на новом месте жительства², проведен детальный анализ благосостояния в местах колонизации, имущественному состоянию, условиям проживания в районах большого оседания харьковцев³.

Увеличение количества выехавших из Харьковской губернии крестьян (а только за 1906–1908 гг. родину покинули 57 093 чел.⁴), заставило Губернское земство «обратить серьезное внимание не только на условия выхода переселенцев с родины и передвижения их по железным и грунтовым дорогам за тысячи верст, но и на условия, способствующие или мешающие проживанию на новых местах»⁵.

Для этого в 1909 и 1910 гг. были разработаны и разосланы сибирским корреспондентам анкеты. Анкета 1909 г. включала до 50 вопросов, относящихся к бытовой и хозяйственной жизни⁶, составленная в 1910 г. анкета, содержала уже 24 вопроса⁷. Ответы на анкеты являлись добровольными, и после их обработки вышли издания, в которых были обобщены полученные сведения.

В опроснике 1909 г. земство больше интересовало вопросы расселения харьковцев за Уралом и то, как они обосновались на новом месте. В ответах на вопросы анкеты, предложенной в 1910 г., респонденты освещали, прежде всего, моменты, связанные с ликвидацией имущества на старом месте, сбором в дорогу и местом нового расположения. В пожеланиях относительно улучшения переселенческого процесса корреспонденты в 1909 г. ставили на первое место материальную помощь, на второе – борьбу с вредителями, на третье – качество дорог, на четвертое – помощь в «более выгодном ликвидации переселенцем своего имущества»⁸. А в 1910 г. корреспонденты на первое место поставили осведомленность о новом месте жительства, на второе – облегчение ходачества и включение земских агентов в ходаческие партии и сопровождение переселенческих групп, на третье – устранение задержек в пути, на четвертое – упорядочение способов и условий ликвидации земли на родине и на пятое – материальное пособие на первоначальное обустройство⁹. Таким образом, в течение года пребывания на новом месте у переселенцев поменялись приоритеты. Если в 1909 г. они главным считали материальную помощь, то уже через год – знания о новом месте жительства. Из четырех более распространенных пожеланий 1909 г. на следующий год осталось только два – материальная помощь (отошедшая на последний план) и помощь в ликвидации имущества (что также можно отнести к материальным проблемам).

В 1912 г. вышел еще один сборник, посвященный переселению в 1910 г.¹⁰, в котором детально рассмотрен вопрос о ликвидации имущества переселенцев, а также результаты переселения и возвращения на родину некоторых семей. Опросник в этом случае состоял из 58 вопросов (ответы на некоторые из них не вошли в публикацию). Однако в этой анкете наряду с традиционными ставились вопросы о переселении за границу¹¹, что говорит о новом явлении в переселенческом процессе за Урал.

В 1909–1910 годах были также опубликованы отчеты представителей Харьковской Губернской Земской Управы, командированных за Урал для сбора информации об условиях жизни земляков на новых местах. В своих описаниях командированные подробно описывали график следования поездов, пункты остановки, условия поездки (наличие питания и воды, доступ к ним, возможность принятия душа, получения медицинской помощи и т.п.), поведение и разговоры переселенцев, занятия в пути, общение с обратными переселенцами. По прибытии в населенные пункты командированные описывали местность, быт и нравы поселян, их впечатления от жизни на новом месте. Особо обращалось внимание на жизнь и быт харьковцев¹². Большое

¹ Переселения крестьян Харьковской губернии. Вып. V. Переселенцы Харьковской губернии в местах колонизации по данным сибирских добровольных корреспондентов. – Харьков, 1911.

² Там же. – С. 108–111.

³ Там же. – С. 65–80, 96–97, 102–107.

⁴ Краткий очерк условий жизни в Сибири переселенцев из Харьковской губернии (по сообщениям сибирских добровольных корреспондентов). – Харьков, 1909. – С. 3.

⁵ Там же.

⁶ Краткий очерк условий жизни в Сибири переселенцев из Харьковской губернии (по сообщениям сибирских добровольных корреспондентов). – Харьков, 1909.

⁷ Переселенческое движение из Харьковской губернии в 1909 г. (по сообщениям добровольных корреспондентов текущей сел.-хоз. статистики). – Харьков, 1910. – С. 25–28

⁸ Краткий очерк условий жизни в Сибири переселенцев из Харьковской губернии (по сообщениям сибирских добровольных корреспондентов). – Харьков, 1909. – С. 34.

⁹ Переселенческое движение из Харьковской губернии в 1909 г. (по сообщениям добровольных корреспондентов текущей сел.-хоз. статистики). – Харьков, 1910. – С. 63–64.

¹⁰ Переселенческое движение из Харьковской губернии в 1910 г.: По сообщениям добровольных корреспондентов текущей сел.-хоз. статистики. – Харьков, 1912.

¹¹ Там же. – С. 66–67.

¹² Отчет о поездке в Сибирь для изучения переселенческого дела по поручению Харьковского губернского земства бонитера И.М. Морозова. – Харьков, 1909. – С. 46–47.

внимание в отчетах также уделено природным особенностям и хозяйственному развитию тех областей, где селились украинские колонизаторы.

В конце отчетов, как правило, делались выводы и предлагались мероприятия по улучшению переселенческого дела¹. Красной нитью через все отчеты проходила необходимость оказания материальной и социальной поддержки переселенцев. Большое беспокойство у представителей харьковского земства вызывали условия, в которых приходилось находиться ходокам, совершавшим поездки за свой счет и часто преодолевавшим пешком значительные расстояния². Вызывало беспокойство и питание переселенцев по пути следования. Среди предложений и рекомендаций авторов отчетов значились предоставление ходокам максимально полной информации о местности, в которую они едут³, и выделение местных проводников для сопровождения к местам поселения⁴.

В Статистическом справочнике, изданном Харьковской губернской земской управой в 1914 г.⁵, анализировался переселенческий процесс по Харьковской губернии за 1885–1911 гг. Авторы так охарактеризовали изменения этого процесса в течение 1885–1905 гг.: переселение было «незначительное в самом начале (с 1885 по 1895 г.), переселение оживляется в 1896 году, замирает в следующие два года (1897 и 1898), в 1899 и 1900 гг. снова испытывает подъем ... значительно падает в 1901 году, в последующие годы (1902, 1903 и 1904) понижается все больше и больше, достигая в 1905 году», за последние три года (1909–1911 – *Авт.*) переселение резко сократилось⁶. Пик переселений приходится на 1908 год⁷. Относительно возвращения уехавших, то наибольшее их число припадает на 1901 г., когда вернулось 64,1% переселенцев, а наименьшее – в 1907 г. – 6,1%⁸.

По дефициту земли Харьковская губерния в Российской империи занимала 12-е место⁹, однако довольно часто входила в десятку губерний с наиболее высоким процентом выехавших. Так, в 1907 г. из 10 губерний, давших наибольших процент переселенцев, Харьковская заняла 8-е место, в 1908 г. – 7-е¹⁰, а в 1911 г. по данным Общеземской переселенческой организации губерния заняла 4-е место¹¹.

Кроме Губернской Земской Управы данные о переселенческом движении печатал Губернский Статистический комитет в «Харьковских календарях», в рубрике о движении местного населения. Рядом с показателями о смертности и рождаемости за 1892 г. публиковались данные о количестве выехавших семей и в какие губернии. Так, в Харьковском календаре 1895 г. отмечено, что из губернии «выселилось 270 семейств, имеющих 1845 душ обоего пола, преимущественно в Уфимскую и Томскую губернии»¹².

Таким образом, можно сделать вывод, что издания органов местной власти и самоуправления Харьковской губернии, а также местные периодические издания являются важным источником для изучения переселенческого движения в восточные регионы России, развернувшегося во второй половине XIX – начале XX вв.

¹ Отчет переселенческих агентов Харьковского губернского земства А.Е. Каджая и А.В. Бабецкого по сопровождению ходаческих партий весной 1909 г. – Харьков, 1909. – С. 43-44, 79-80; Отчеты переселенческих агентов Харьковского губернского земства М.Я. Шенфогеля и А.В. Бабецкого по сопровождению ходаческих партий весной 1910 г. – Харьков, 1910. – С. 24-25, 67-68; Отчет о поездке в Сибирь для изучения переселенческого дела по поручению Харьковского губернского земства бонитера И.М. Морозова. – Харьков, 1909. – С. 109; Краткий отчет по командировке в места колонизации Сибири члена Харьковской губернской земской управы В.М. Купчинова в 1909 г. – Харьков, 1909. – С. 49-52.

² Отчет переселенческих агентов Харьковского губернского земства А.Е. Каджая и А.В. Бабецкого по сопровождению ходаческих партий весной 1909 г. – Харьков, 1909. – С. 43.

³ Там же. – С. 41.

⁴ Там же. – С. 43.

⁵ Переселение // Статистический справочник по Харьковской губернии. – 2-е изд. – Харьков, 1914. – С. 21-30.

⁶ Там же. – С. 23.

⁷ Там же. – С. 25.

⁸ Там же. – С. 29.

⁹ Переселение крестьян из Харьковской губернии. Вып. III. Переселение за 1904–1908 гг. по данным Челябинской регистрации. – Харьков, 1910. – С. 14.

¹⁰ Там же. – С. 13.

¹¹ Переселение // Статистический справочник по Харьковской губернии. – 2-е изд. – Харьков, 1914. – С. 23.

¹² Харьковский календарь на 1895 год: В 2-х кн. / Харьк. Губерн. Стат. Комитет; Под ред. В.В. Иванова. – Харьков, [1894]. – Кн. 1. – С. 27.

**Смертность и рождаемость спецпереселенцев-«бывших кулаков»
в Северном крае в 1930-е гг.**

Проблема статистического учета в период массовых репрессий является сложной, несмотря на то, что источниковый корпус достаточно широкий. Основная проблема состоит в том, что статистика как демонстрация итогов деятельности государства в рассматриваемый период находилась в зависимости от власти и зачастую желаемое выдавала за действительное. Эта зависимость подробно рассмотрена исследователями А. Блюм и М. Меспуле [1]. Усложняет ситуацию также тот факт, что учетом репрессированных граждан, в частности, спецпереселенцев, занимались различные учреждения, не пересекающиеся по направлению деятельности, – органы ЗАГС, Управление народно-хозяйственного учета, Статистическое управление, НКВД.

Самые спорные вопросы возникают при анализе учета смертности и рождаемости. Здесь наблюдается наибольшее расхождение в данных. При этом следует отметить, что производственная статистика по спецпереселенцам наиболее полная из всех пунктов учета в спецпоселках. Предмет наибольшей заинтересованности властей, то есть использование труда спецпереселенцев, а не их смертность, рождаемость, заболеваемость и т.д., нашел отражение и в учетных документах. Исследователь В.А. Исупов рассматривая демографическую ситуацию первой половины XX в. отмечает: «Несмотря на стремление тоталитарного государства поставить под контроль не только жизнь, но и смерть каждого члена общества, значительная часть летальных исходов не регистрировалась. При чем недоучет смертей был значительно выше, чем недоучет рождений» [2].

Северный край, в состав которого в 1929–1936 гг. входили Коми автономная (в 1936–1991 гг. – Коми АССР), Архангельская и Вологодская области, был самым крупным и первым районом выселения раскулаченных крестьян. Первые эшелоны с высланными стали прибывать в конце февраля, к началу мая 1930 г. в Северный край было выселено 230 065 чел. [3]. К 1931 г. численность спецпереселенцев составила 285 609 [4].

Общую динамику процесса спецпереселения во многом определял высокий уровень смертности спецпереселенцев. Так как рабочая сила в ссылке, как указывалось в документах, «приходила в негодность», необходимо было заменять их новыми партиями высланных. Смертность спецпереселенцев всегда превышала рождаемость. Естественного прироста населения в ссылке не происходило. Причиной такой ситуации послужили, прежде всего, условия жизни в спецпоселках, то есть отсутствие нормального жилья, крайний недостаток продуктов питания и высокий уровень заболеваемости.

Отсутствие должного снабжения спецпереселенцев привело к голоду в спецпоселках. В отчетах по «освоению спецпереселенцев» в Коми АССР в 1932 г. констатировалось: «В поселковом разрезе дело обстоит ужасно скверно. В отдельных поселках обеспеченность на несколько дней...» (февраль 1932 г.) [5]. Заведующим облздравотделом Коми АССР в Отдел переселений ОГПУ 22 апреля 1933 г. была направлена докладная записка: «Спецпереселенцы находятся в тяжелом положении. Отпускаемая норма 175 гр. муки и 10 гр. сахару далеко недостаточно, вследствие чего спецпереселенцы потребляют в пищу разные суррогаты, древесную кору, мох, травы. На почве недоедания наблюдаются массовые голодные отеки и, наконец, смерть от истощения. Хлебные лимиты поступают с большим опозданием» [6].

Ситуация усугублялась распространением эпидемий сыпного и брюшного тифа, цинги и различных заболеваний на фоне истощения и отсутствием должного медицинского обслуживания. Комендант спецпоселка Лесной Чер Усть-Куломского района Коми АССР в 1933 г. о заболеваемости спецпереселенцев докладывал: «Имеется повышенная смертность населения, вследствие употребления в пищу различных суррогатов. Заболевания характеризуются следующими признаками: исхудание, отеки конечностей и лица, с последующими отеками живота, в конце болезни развивается расстройство желудочно-кишечного тракта с сильными поносами, после чего больные погибают. За май имеем 71 случай смерти. В основном гибнут трудоспособные и дети школьного возраста. На 15 июня по всему поселку числится в среднем 120 человек лежащих и слабоходячих. Имеются от 150 до 200 человек с отеками и истощениями. Цинготных на 15 июня – 22 человека» [7].

Медико-санитарных учреждений в районах массовых поселений спецпереселенцев было крайне недостаточно. В 1931 г. в Северном крае на 130 тыс. спецпереселенцев имелось четыре больницы и 115 медпунктов [8]. В Коми АССР к 1933 г. было организовано шесть больниц (на 238 коек [9]) для 24 тыс. спецпереселенцев, одна больница обслуживала в 1933 г. около 4 тыс., а в 1935 г. около 3 тыс. (к 1935 г. численность спецпереселенцев снизилась до 16 тыс. чел.) спецпереселенцев. Однако эти цифры в регио-

---

¹ Игнатова Надежда Максимовна (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и этнографии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

нальном аспекте были не равномерны, так как больницы для спецпереселенцев были организованы не во всех районах [10].

В 1930–1931 гг. в СССР было выселено и расселено в спецпоселки около 1,8 млн. чел., к началу 1932 г. там находилось около 1,4–1,3 млн. За два года численность спецпереселенцев уменьшилась на 400–500 тыс. чел. Часть из них бежали из ссылки, но большая часть умерла в спецпоселках. В 1932 г. умерло почти 90 тыс. чел., за четыре года (1932–1935 гг.) – более 300 тыс. спецпереселенцев. Смертность во много раз превышала рождаемость (в 1932 г. – в 5 раз, в 1933 г. – в 9 раз) [11]. Аналогичная ситуация сложилась во многих спецпереселенческих регионах. Так, по данным Сиблага ОГПУ, с июня 1931 г. по июнь 1932 г. в Нарыме у спецпереселенцев родилось 3 841 чел., а умерло 25 213 чел. [12].

В целом по стране и по Северному краю в первой половине 1930-х гг. резко выделялся 1933 г. По краю было зафиксировано 15 355 случая смерти в спецпоселках. Наибольший уровень рождаемости также приходится на 1933 г. – 1606 случаев, но уровень смертности превосходит уровень рождаемости в 9,5 раз. В СССР на 151 601 чел. умерших приходилось в 1933 г. 17082 родившихся, уровень смертности превышал уровень рождаемости в 8,8 раз. В целом по СССР количество умерших от общего числа спецпереселенцев составило 13 %, по Северному краю – 19 %. (табл. 1, 2).

Таблица 1

Данные по смертности и рождаемости в спецпоселках Северного края в 1932–35 гг.

Показатели	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.
Населения на 1.01.	112266	79537	71923	70774
Умерло	4664	15355	2192	1194
%	4,15	19,3	3,04	1,68
Родилось	1594	1606	403	1156
%	1,49	2,03	0,56	1,63

Составлено по: Архив МВД РК. Ф. 31. оп. 1. Д. 6. Л. 6, 99.

Таблица 2

Динамика движения трудпереселенцев* в СССР

Год	СССР			Северный край**		
	Наличие	Родилось	Умерло	Наличие	Родилось	Умерло
1932	1 317 022	18 053	89 754	112 266	1 594	4 664
1933	1 142 084	17 082	151 601	79 537	1 606	15 355
1934	1 072 546	14 033	40 012	71 923	403	2 192
1935	973 693	26 122	22 173	67 161	1 156	1 194
1936	1 017 133	27 617	19 891	68 809	1 700	1 443
1937	916 787	29 036	17 037	Не ук.	1 844	1 018
1938	877 651	31 867	15 961	Не ук.	1 974	1 036
1939	938 552	33 716	16 691	67 517	2 542	1 031

* С 1933 г. спецпереселенцы-«бывшие кулаки» стали именоваться «трудпереселенцы», а спецпоселки, в которых они были размещены – трудпоселки.

** За 1937–1939 гг. приведены суммарные данные по Архангельской и Вологодской областям, Коми АССР.

Составлено по: Земсков В.Н. Спецпереселенцы в СССР, 1930–1960. – М., 2005. – С. 20–42.

По данным В.Б. Жиромской в РСФСР смертность населения в 1933 г. превысила рождаемость на 215 тыс. чел. Исследователь отмечает, что «даже по неполным данным текущего учета умерло около 3 млн. человек» [13] (табл. 3).

В Северном крае общая численность высланных раскулаченных в спецпоселках уменьшился с 280 тыс. в 1931 г. до 79 тыс. чел. в 1933 г. как за счет смертности, так и за счет побегов. Исследователь Н.А. Ивницкий считает, что основной причиной сокращения численности спецпереселенцев в 1930-е гг. было бегство из спецпоселков и утверждает, что бегство кулаков с мест расселения в 1930-е гг. достигло 72 % от их общего числа [14]. На наш взгляд, эта цифра выглядит спорной, несмотря на то, что побег действительно имели место. Например, за 1934–1935 гг. с поселков Усть-Куломского района Коми АССР бежало 615 чел. или 19 % взрослого населения [15]. Не следует также забывать о такой особенности отчетности комендантов о численности спецпереселенцев, когда определенное количество умерших фиксировались, как сбежавшие, чтобы ситуация не выглядела катастрофической. Кроме того, неучтенные по какой-либо причине также записывались в сбежавшие. Например, в одном из отчетов по Северному краю за 1934 г. указывалось, что в Архангельской и Вологодской областях в 1934 г. было выявлено 6922 трудпереселенца, проживающих вне

спецпоселков. В том числе указывалось, что 1176 чел. убыло, в том числе 1104 чел. было восстановлено в гражданских правах, а «умерло, убежало, осуждено и проч. – 72 человека» [16].

Таблица 3

Демографический баланс в РСФСР, тыс. чел.

Годы	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1929	4164,7	2111,1	2053,6
1930	3598,5	1887,1	1711,4
1931	3591,6	2031,6	1560,5
1932	3359,1	2051,1	1308,0
1933	2721,3	2927,1	-215,2
1934	2646,2	2004,4	641,9
1935	3365,5	1874,9	1490,6
1936	3676,3	2273,7	1402,7
1937	4243,2	2193,6	2049,6
1938	4159,8	2106,7	2053,1
1940	4154,7	2142,0	2012,7

Источники: Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. – М., 2001. – С. 12.

«Побеги» и «возвращение из побегов» были пунктами поквартальных отчетов по наличию и движению спецконтингентов. В целом следует сказать, что наибольшее число побегов фиксировалось в первый год выселения для любых категорий высланных, независимо от того, в какой период они были высланы. По Северному краю в 1934 г. было зафиксировано около 16 % бежавших от общего количества спецпереселенцев (табл. 4).

Таблица 4

Данные по побегам в спецпоселках Северного края в 1934 и 1935 гг.

Показатели	1934 г.	1935 г.
Всего спецпереселенцев на 1 января	79534	71923
Бежало, чел.	12696	8003
Бежало, %	16	11
Возвращено из бегов, задержано и вселено в спецпоселки	3028	2556
Вернулось добровольно	1355	1814

Составлено по: Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 6. Л. 1, 96.

Если говорить об особенностях учета, то необходимо обращать внимание и на относительные данные, которые также имеют большое значение. Следует согласиться с исследователем В.И. Кортаевым, который говорит, что «статистические данные о спецпереселенцах ненадежны, особенно зафиксировавшие информацию об их ввозе и обустройстве, ввиду высокого уровня побегов и высокого уровня смертности. Поэтому следует акцентировать внимание не только на абсолютных числах, но и на относительных (процентных соотношениях). Последние позволяют выявить тенденции в изменении численности и составе принудительных мигрантов, так они нейтрализуют неточность абсолютных данных и акцентируют внимание на самой динамике демографических процессов и облегчают применение сравнительно-исторического метода» [17].

К таким данным относятся данные органов ЗАГС. Они не являются полными, так как по некоторым спецпоселкам за определенные годы данные отсутствуют. Тем не менее, они отражают общую демографическую картину среди спецпереселенцев. По учету органов ЗАГС самый высокий уровень смертности в спецпоселках Коми области также, как и по данным НКВД, приходится на 1933 г. (2857 чел.), в 1934 г. уровень смертности снизился более чем в три раза (884 чел.) [18]. Основными причинами смерти в спецпоселках были заболевания, вызванные истощением организма. В актах о смерти чаще всего упоминались в качестве причин смерти рахит, порок сердца, грипп, туберкулез, понос, «воспаление мозговых оболочек мозга». За 1933–1940 гг., по данным органов ЗАГС, в спецпоселках Коми АССР родилось 4567 чел. Минимальный уровень рождаемости пришелся на 1933 г. – 139 чел. С 1936 г. сохраняется стабильное число рождений – около 700 чел. С 1936 по 1940 г. всего в спецпоселках Коми АССР было зарегистрировано 3637 рождений. С 1933 по 1940 г. в спецпоселках было зарегистрировано 988 браков и расторгнуто всего 56. При этом за восемь лет в 25 спецпоселках из 46 не было зарегистрировано ни одного развода (табл. 5).

Таблица 5

**Данные о рождаемости, смертности, регистрации и расторжении брака в трудпоселках
Коми области (Коми АССР) в 1933–1940 гг. по данным ЗАГС**

Показатели	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г.	Всего
Рождаемость	293	139	498	696	760	730	766	685	4567
Смертность	2857	884	529	410	378	372	315	446	6191
Браки/ разводы	16/ 2	64/ 7	176/ 13	188/ 15	199/ 3	144/ 7	132/ 4	69/ 5	988/ 56

Составлено по: Управление ЗАГСа Республики Коми. Отдел учета, обработки и хранения документов. Дело № 06-23. Книга учета архивного фонда (о регистрации и расторжении брака); Книга учета архивного фонда (о рождении); Книга учета архивного фонда (о смерти).

Виду того, что учет смертности спецпереселенцев имел много особенностей, при том, что общий учет в первые годы был не налажен, и чрезвычайно большое количество спецпереселенцев в некоторых регионах также усугубляли ведение точного статистического учета, на сегодняшний день нельзя назвать точных данных о том, сколько человек спецпереселенцев умерло в определенных регионах в определенный год в течение 1930-х гг. Эта ситуация характерна и для страны в целом. Исследователь В.Б. Жиромская отмечает, что потери населения были большими, поскольку, учет смертей как среди постоянного населения, так и прежде всего среди беженцев был неполным, особенно в сельской местности. Для сокрытия сильной убыли переписные листы перераспределялись между регионами [19]. Исследователи А. Блюм и М. Меспуле указывают на документы, включающие информацию о недоучете смертей до 80 % [20]. Исследователь В.А. Исупов отмечает, что недоучет демографических событий был скорее правилом, чем исключением, и приводит данные исходя из которых погрешности в учете общего населения СССР доходили до 55 % [21] (табл. 6).

Таблица 6

Динамика рождаемости и смертности населения СССР (в границах до 17.09.1939 г.) в 1934–1938 гг.

Год	Родилось, тыс. чел		Поправка на недоучет, %	Умерло, тыс. чел.		Поправка на недоучет, %
	По оценке ЦУНХУ	По современной оценке		По оценке ЦУНХУ	По современной оценке	
1934	3411	4780	40,1	2594	3410	31,4
1935	4742	5249	10,7	2501	3882	55,2
1936	5350	5589	4,5	2994	3223	7,6
1937	6405	6549	2,2	2977	3557	19,5
1938	6323	6516	3,1	2961	3483	17,6

Источники: Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. – Новосибирск, 2000. – С. 102, 112.

Данные по смертности в спецпоселках различных учреждений, ведущих учет спецпереселенцев в Коми области, разнятся в показателях за 1933 г. до 1,5 тыс. чел. При этом, по общим данным Коми обкома (отчет о медико-санитарном обслуживании спецпереселенцев) в 1933 г. в спецпоселках умерло 1356 чел., по другим документам обкома за первое полугодие 1933 г. среди спецпереселенцев Коми области умерло только детей 2563 чел. [22] (цифры, которые ставят под сомнение все данные учета, указанные в таблице). Также в отчетах обкома указывается, что за два месяца май-июнь 1933 г. только в спецпоселках Усть-Куломского района умерло 667 чел., смертность составила 10 % к общему количеству спецпереселенцев в районе [23]. Учитывая все факты, можно сказать, что максимальное число, 3095 чел., выглядит наиболее реальным. По данным Облисполкома, среди всех 10509 чел. умерших в Коми АССР в 1933 г. спецпереселенцы составили 29 % (3095 чел.) (табл. 7).

Таблица 7

**Данные о смертности спецпереселенцев-«бывших кулаков»
в Коми автономной области в 1933 г.**

Учреждения, ведущие учет	Умерло спецпереселенцев в 1933 г.
ЗАГС	2857
Облисполком	3095
Коми Обком	1356

Составлено по: Архив Управления ЗАГСа Республики Коми. Дело № 06-23. Книга учета архивного фонда (о смерти); Спецпоселки Коми области. Сборник документов. С 253; НАРК. Ф.Р-1. Оп. 2. Д. 461. Л. 35.

Следует обратить внимание и на тот факт, что в дальнейшем, в 1940-е гг. уровень смертности оставался чрезвычайно высоким не только для вновь прибывших на спецпоселения категорий репрессированных, но и для «бывших кулаков», которые прожили к этому времени в спецпоселках более 10 лет (табл. 8).

Таблица 8

Статистика по рождениям и смертности среди спецпереселенцев в Коми АССР за 1945 г.

Спецпереселенцы	Родилось	Умерло
«Бывшие кулаки»	48	301
Члены семей ОУНовцев	23	650
Ссыльнопоселенцы из Прибалтийских ССР	–	67
Спецпереселенцы-немцы	2	281
Итого	73	1299

Составлено по: Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 50. Л. 3-14; Д. 57. Л. 9-25.

В целом следует сказать, что в период спецпереселения, в 1930–1950-е гг., уровень смертности всегда был выше, чем уровень рождаемости. Наиболее кризисная ситуация для каждой высланной партии спецпереселенцев складывалась в первые годы высылки. Вследствие отсутствия налаженной инфраструктуры спецпоселков, спецпереселенцы испытывали недостаток продуктов питания, одежды, обуви, медикаментов. Такая ситуация вела к голоду и эпидемиям в спецпоселках, и в итоге к высокому уровню смертности. Самый высокий уровень смертности в спецпоселках наблюдался в 1932–1933 гг., когда численность спецпереселенцев в Северном крае снизилась более, чем в три раза. Состояние статистического учета в 1930-е гг. на местах и в целом по стране на сегодняшний день не позволяет говорить о точных данных по рождаемости и смертности, однако данные различных ведомств, отвечающих за учет спецпереселенцев, позволяют делать общие выводы о демографической ситуации в спецпереселенческих регионах. В 1940-е гг. учет в рамках НКВД налажился, вследствие чего показатели рождаемости и смертности за последующие периоды выглядят менее спорными.

Источники и литература

1. Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине. – М., 2006. – 328 с.
2. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. – Новосибирск, 2000. – С. 112.
3. Спецпоселки в Коми области. Сборник документов. – Сыктывкар, 1997. – С. 233, 234.
4. Коротаев В.И. На пороге демографической катастрофы: принудительная колонизация и демографический кризис в Северном Крае в 1930-е годы XX век. – Архангельск, 2004. – С. 37
5. НАРК (Национальный архив Республики Коми). Ф.Р-3. Оп. 1. Д. 2330.
6. НАРК. Ф.Р-3. Оп. 1 том 2. Д. 2428. Л. 26.
7. НАРК. Ф.Р-3. Оп. 1. Д. 2428. Л. 29.
8. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 1930-х годов). – М., 1996. – С. 269-270.
9. НАРК.Ф.Р-3. Оп. 1. Д. 2412. Л. 35.
10. НАРК. Ф.Р-3. Оп. 1. Д. 2422. Л. 92.
11. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 1930-х годов). – М., 1996. – С. 270-271.
12. Гушин Н.Я. Раскулачивание в Сибири (1928–33 гг.): социально-экономические и демографические последствия // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. – М., 1996. – С. 51.
13. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. – М., 2001. – С. 13.
14. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 1930-х годов). – М., 1996. – С. 240.
15. НАРК.Ф.Р-3. Оп. 1. Д. 2508. Л. 4.
16. Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-21.
17. Коротаев В.И. На пороге демографической катастрофы: принудительная колонизация и демографический кризис в Северном Крае в 1930-е годы XX век. – Архангельск, 2004. – С. 7.
18. НАРК.Ф.Р-140. Оп. 2. Д. 279. Л. 1, 3
19. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. – М., 2001. – С. 13.
20. Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине. – М., 2006. – С. 94.
21. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. – Новосибирск, 2000. – С. 102.
22. НАРК. Ф.Р-3. Оп. 1. Д. 2432. Л. 1.
23. НАРК. Ф.П-1. Оп. 2. Д. 970. Л. 40.

Население Краснодарского края накануне и в годы Великой Отечественной войны: состояние и развитие

Среди различных направлений исторических исследований важное место принадлежит изучению социально-демографических процессов: описание облика страны или отдельного региона не может быть действительно полным без всестороннего анализа народонаселения. Однако лишь в последние годы, как образно подметили Д. Шелестов и В. Минаев: «демография, пережив метаморфозу Золушки, переместилась на авансцену науки...» [1, с. 86].

Наша страна переживает сейчас непростой период: с 1992 г. в результате превышения смертности над рождаемостью численность россиян сокращается. Чтобы понять происходящее сегодня, необходимо проанализировать историческую ретроспективу процесса. Между тем, без вовлечения в научный оборот и анализа региональных материалов наши представления о процессе остаются весьма ограниченными. Данная статья пополняет именно это направление в исторической демографии России.

Актуальность выбранной темы в том, что до сих пор нет комплексного исследования, рассматривающего демографические процессы на Кубани накануне и в годы Великой Отечественной войны. Одна из причин – разработка темы объективно сложна в источниковедческом плане.

Цель данной статьи – проанализировать изменения, происшедшие в структуре населения Краснодарского края за военные годы.

Инерционность развития демографических процессов, а также сохраняющаяся дискуссионность оценок переписи 1939 г. предполагает обращение к материалам предшествующей ей переписи 1926 г. Мы использовали данные по тем территориям, которые в 1937 г. послужили основой для образования Краснодарского края. Это четыре округа Северо-Кавказского края – Кубанский, Армавирский, Майкопский и Черноморский.

На Кубани в 1930-е гг. наблюдаем общество с высокой рождаемостью и смертностью, с большим удельным весом молодежи и детей в возрастной пирамиде, то есть социум с преимущественно традиционным способом воспроизводства населения; развитие демографического перехода ощущается достаточно слабо. Это подтверждается следующими данными: преобладающая возрастная группа населения по переписи 1939 г. – группа лиц в возрасте от 0 до 30 лет (62,5 %); если сравнить эти данные с данными переписи 1926 г., то там самый многочисленный возраст также от 0 до 30 лет. Однако относительный его вес значительно выше – 69,2 % [2, с. 14]. Таким образом, происходит постепенное замещение расширенного воспроизводства экономным.

К концу 1930-х гг. среди городского населения, чаще среди служащих, имело место распространение искусственного прерывания беременности – черта, свойственная переходу к современному типу репродукции.

Соотношение городского и сельского населения в 1939 г. составляло 24,7 % и 75,3 % [3, с. 23]. В 1926 г. эти показатели соответственно – 7,5 % и 82,5 % [4, с. 139, 145]. Из анализа приведенных данных следует: процент городского населения в Краснодарском крае к 1939 г. постепенно увеличивался, но еще оставался на низком уровне, по сравнению с показателями в целом по СССР – 32,9 % [5, с. 20].

В 1926 г. основной массив населения Кубани составляли русские и украинцы. Причем в Кубанском и Черноморском округах украинцы преобладали и составляли 61,48 % и 35,66 % соответственно [6, с. 163, 209]. В целом же по четырем округам относительный вес русских в составе населения – 44,7 %, они были самой многочисленной национальностью в Армавирском (59,54 %) и Майкопском (64,38 %) округах [7, с. 139, 171].

По данным переписи 1939 г., в Краснодарском крае русские преобладают уже с очень значительным перевесом, составляя 86,8 %; на втором месте украинцы – 4,7 % [8, с. 59]. Одна из причин повышения численности русского населения – масштабный приток переселенцев, направленных сюда административными решениями из Центральной России, с Урала и прочих регионов СССР.

Переходя к рассмотрению военного периода, следует отметить, что богатые продовольственные ресурсы и нефть были главными целями германского руководства при захвате Кавказа. В «Зеленой папке» Геринга об этом прямо и говорилось: «Использование подлежащих оккупации районов должно проводиться в первую очередь в области продовольственного и нефтяного хозяйства. Получить для Германии как можно больше продовольствия и нефти – такова главная экономическая цель кампании.... Среди мероприятий, не

¹ Вшивцева Ю.В. (Краснодар) – аспирантка кафедры новейшей отечественной истории Кубанского государственного университета.

относящихся к продовольственному снабжению, все вопросы, связанные с добычей и вывозом нефти, должны во всех случаях стоять на первом месте» [9, Д. 1711. Л. 3].

В годы Великой Отечественной войны практически вся Кубань находилась в оккупации. На большинстве территорий края она длилась 6 месяцев – с лета 1942 г. по зиму 1943 г. [10, Д. 6. Л. 10.]. Именно в этот период здесь проходили процессы, которые сильнее всего образом ухудшили демографическую ситуацию в крае.

В первую очередь – снижение рождаемости, повышение смертности, а впоследствии – и превышение смертности над рождаемостью – развитие депопуляционного процесса, который наиболее активно проходил в городах.

4 августа 1942 г. крайком партии принял специальное решение о начале перевозки в южные порты эвакуируемых жителей Кубани. Как свидетельствуют материалы ЦДНИКК: предусматривалось отправлять в сутки пароходами 500 чел. и еще столько же по железной дороге. И уже к началу сентября 1942 г. из Краснодарского края было эвакуировано свыше 100 тыс. чел. [11, Д. 391. Л. 12].

Доктор исторических наук С.И. Линец отмечает, что эвакуированы, в первую очередь, были члены семей командного состава Красной Армии, партийного и советского актива края, квалифицированные рабочие, специалисты и служащие, работники НКВД. Помимо этого от приближающегося фронта люди выезжали и уходили самостоятельно [12, с. 85].

Население Кубани в период Великой Отечественной Войны сократилось почти на 480 тыс. чел., составляя на 1 января 1945 г. – 2 823 000 чел. [13, Д. 407. Л. 4.].

В условиях военной повседневности особенно своевременными оказались социально-демографические меры (усложнение процедуры развода, признание того, что только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов и т. д.), принятые правительством, чтобы, защитив супругу и женщину-мать, повысить рождаемость, частично компенсируя тем самым огромные людские потери.

Для обозначенного периода характерно резкое сокращение брачности. Это связано со снижением численности мужчин репродуктивных возрастов, практически полностью совпадающих с призывным. И с тем, что во время войны люди по понятным причинам гораздо реже задумываются о том, чтобы вступить в брак или развестись; особенно, это касается официального оформления процедур бракосочетания и развода.

После войны большому количеству одиноких женщин противостоит ограниченное число способных вступить в брак мужчин. На Кубани женщины (в возрастах социальной репродукции) преобладали немногим более чем в 3 раза [14, с. 59]. Война нарушила многие существующие браки и обрекла уже бывших замужем женщин на долгие годы одиночества. Она послужила причиной столь негативных изменений в строение населения (главные из них – деформация возрастной и половой структуры населения), которые не только затруднили процесс послевоенной компенсации рождаемости и брачности, но и еще продолжительное время отрицательно влияли на процессы естественного воспроизводства.

Сами войны длились по несколько лет... Их демографическое эхо сохранялось на десятилетия.

Источники и литература

1. Шелестов Д., Минаев В. Взрыв или катастрофа? // Родина. – 1996. – № 10.
2. Население и хозяйство Кубанского округа. Статистический сборник за 1924–1926 гг. (в двух томах). – Краснодар, 1928. – Т. 2.
3. Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / Под. ред. Ю. А. Полякова. – М., 1992.
4. Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 5.
5. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / Под. ред. Ю. А. Полякова. – М., 1992.
6. Всесоюзная перепись населения 1926 года. – М., 1928. – Т. 5.
7. Всесоюзная перепись населения 1926 года. – М., 1928. – Т. 5.
8. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / Под. ред. Ю. А. Полякова. – М., 1992.
9. ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 1.
10. Ф. – Р. 1246. Оп. 1.
11. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2.
12. Линец С. И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития, июль 1942 – окт. 1943 гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Пятигорск, 2007.
13. ГАКК. Ф. – Р. 1246. Оп. 1.
14. Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. / Т. 2. 1940–1959. – М., 2001.

Война и демография: население Адыгеи в 1941–1945 гг.

Этнодемографические процессы в годы Великой Отечественной войны относятся к числу недостаточно разработанных вопросов, обращение к которым позволяет прояснить проблемы не только прошлого, но и современности России. Война привела к серьезным изменениям в численности и составе, демографическом поведении и мобильности населения, однако ее последствия для многих регионов страны все еще не изучены. В данном отношении не является исключением и Адыгейская автономная область.

Главным источником для изучения рассматриваемой проблемы являются документы Статистического управления ААО и другие материалы из фондов Государственного учреждения «Национальный архив Республики Адыгея» (далее – ГУНАРА) и входящего в его состав Хранилища документации новейшей истории (далее – ХДНИ ГУНАРА). В настоящее время они доступны исследователям, однако содержащаяся информация носит неполный и фрагментарный характер. Хуже представлена в указанных материалах демографическая ситуация первых военных лет, что объясняется уничтожением документов во время эвакуации и немецкой оккупации региона, крайне немногочисленны сведения о самой оккупации, более полное отражение получил период после освобождения области советскими войсками.

Необходимо учитывать, что территории современной Республики Адыгеи и ААО, входившей в годы Великой Отечественной войны в состав Краснодарского края, отличаются. Тульский район с административным центром в станице Тульской (в настоящее время – поселок Тульский) был присоединен к Майкопскому району в 1962 г., а в военные годы входил в состав Краснодарского края, не раз менялись в послевоенное время границы и других районов. На 1 апреля 1941 г. в состав Адыгейской автономной области входили один город, семь районов, один поселковый и 58 сельских советов.²

Следует также отметить, что данные советской статистики нередко искажались и фальсифицировались. Характеризуя материалы Всесоюзной переписи населения 1939 г., В.Б. Жиромская указывает на то, что население Адыгеи составляло не 241 799 чел., как это было зафиксировано в ее официальных итогах, а 237 711 чел.³ В свою очередь, О.М. Вербицкая отмечает, что статистические сведения о численности населения и его движении в годы войны по сравнению с довоенным периодом еще менее точны, поскольку «текущий учет населения находился на крайне низком уровне, прежде всего из-за неразберихи военного времени». Свою роль сыграло и «порочное стремление властей скрыть нежелательные и излишние, с их точки зрения, потери», особенно плохо учет населения складывался в сельской местности.⁴ Указанные обстоятельства не позволяют пока представить картину этнодемографических процессов в Адыгее в 1941–1945 гг. в полном объеме.

Одной из первых мер, предпринятых советским правительством с началом войны, стала мобилизация военнообязанных граждан. 23 июня 1941 г. начался призыв сразу 14 возрастов, военнообязанных 1905–1918 годов рождения (военнообязанные 1919–1922 годов рождения в это время находились на военной службе). В дальнейшем продолжались мобилизации призывников соответствующих возрастов. Уже в первые 3–4 месяца на фронт по призыву и добровольно из ААО ушли свыше 20 тыс. чел. Всего за годы войны в Вооруженных силах СССР находилось около 80 тыс. наиболее трудоспособных жителей Адыгеи или более 31 % от численности населения области, накануне войны составлявшего 257 тыс. чел. Высокий процент призывников объясняется тем, что область носила преимущественно аграрный характер, и большинство населения не имело отсрочек от призыва.

Прорыв войск вермахта на Северный Кавказ летом 1942 г. вызвал необходимость эвакуации советских граждан. Но решение о ней было принято слишком поздно, когда железнодорожные узлы находились под непрерывной бомбардировкой с воздуха, а войска Северо-Кавказского фронта отступали под натиском значительно превосходивших их сил противника. В результате многие граждане, даже коммунисты,

---

¹ Кринко Евгений Федорович (Ростов-на-Дону) – доктор исторических наук, заместитель директора Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН.

² Чирг А.Ю., Денисова Н.Н., Хлынина Т.П. Государственность Республики Адыгеи: этапы становления и развития. – Майкоп, 2002. – С. 133.

³ Жиромская В.В. Людские потери в годы Великой Отечественной войны: точка отсчета // Людские потери СССР в период Второй мировой войны. Сб. ст. – СПб., 1995. – С. 29.

⁴ Вербицкая О.М. О некоторых особенностях демографического развития городского и сельского населения в годы Великой Отечественной войны // Людские потери СССР в период Второй мировой войны. – С. 148.

руководящие работники и члены их семей не успели выехать. Так, из 900 членов и кандидатов Майкопской городской организации ВКП(б) на оккупированной территории осталась четверть – 228 чел.¹

Оккупация территории Адыгеи продолжалась менее полугода, с начала августа 1942 г. до середины февраля 1943 г., но оказала значительное влияние на демографическую ситуацию в области. После освобождения масштаб ущерба подсчитывала специально созданная государственная комиссия, члены которой составляли акты о злодеяниях захватчиков. Согласно данным документам, за время оккупации было уничтожено около 4 тыс. жителей Адыгеи: более 2 тыс. – в Майкопе, более 400 чел. – в Кошехабльском районе, более 300 – в Гиагинском, около 200 – в Красногвардейском. В Майкопском районе каратели расстреляли 77 чел. и отравили 40 детей. Сотни жителей погибли в Теучежском и Шовгеновском районах.² В Тахтамукайском районе были убиты 46 чел., в том числе 12 женщин, 34 мужчин.³ Немало советских граждан было вывезено на работу в Германию и другие страны, с отступающими немецкими войсками ушла и часть коллаборационистов. В результате численность населения Адыгеи сократилась более чем на 10 %: 1 января 1942 г. в области проживало 226 422 чел., а 21 августа 1943 г. – лишь 201 829 чел.

При этом в наибольшей степени, примерно, на треть, в результате эвакуации и оккупации уменьшилась численность жителей Майкопа. Если 1 января 1942 г. в городе проживало 61 917 чел., то 21 августа 1943 г., через полгода после освобождения – лишь 42 643 чел. В сельских районах Адыгеи резкого спада численности населения не произошло: в Гиагинском районе 1 января 1942 г. проживало 27 193, а 21 августа 1943 г. – 26 593 чел., в Кошехабльском – 26 261 и 25 648 чел., в Шовгеновском – 20 774 и 17 046 чел., в Тахтамукайском – 21 502 и 19 512 чел., в Теучежском – 22 464 и 19 905 чел.⁴ В двух районах было даже зафиксировано увеличение численности жителей: в Майкопском районе – с 20 878 до 21 682 чел., в Красногвардейском – с 25 433 до 28 800 чел.⁵ Это объясняется, прежде всего, оттоком населения из города, так как в условиях развала системы государственного снабжения в период оккупации выжить оказывалось легче в сельской местности.

После освобождения Адыгеи численность ее населения медленно, но неуклонно возрастала. 1 октября 1943 г. она составила 205 263 чел., 1 января 1944 г. – 206 111 чел., а 1 января 1945 г. – 206 923 чел.⁶ Основной прирост складывался благодаря прибытию граждан из эвакуации, численность которых к концу 1943 г. составила 2 152 чел.: в Майкопе – 301 чел., в Гиагинском районе – 750 чел., в Красногвардейском – 391 чел., в Кошехабльском – 353 чел., в Майкопском – 312 чел., в Тахтамукайском – 296 чел., в Теучежском – 87 чел., в Шовгеновском – 27 чел.⁷

На завершающем этапе войны и в первые послевоенные месяцы на демографическую ситуацию в ААО, помимо реэвакуации, оказывали влияние демобилизация и репатриация. Благодаря этим процессам сохранялись высокие темпы мобильности населения, о чем свидетельствуют карты его передвижения, основанные на сведениях по поступившим отрывным талонам адресных листов. В 1944 г. в Майкоп прибыли 12 528 чел., убыли 8 427 чел., механический прирост составил 4 101 чел. Сопоставление данных по отдельным кварталам свидетельствует о постепенном увеличении прироста: в первом квартале он составил 766, во втором – 892, в третьем – 974, в четвертом – 1469 чел.⁸

Обращает на себя внимание изменение направления миграции между городом и селом: значительная часть граждан прибыла в Майкоп из сельских районов Адыгеи – 623 чел. (в то время как убыли в них всего 91 чел.) и других населенных пунктов Краснодарского края – 1027 чел. (убыли 160 чел.). Кроме того, 66 чел. прибыли из соседнего Ставропольского края, 1 767 чел. – из других областей РСФСР, 245 – из республик Закавказья, 89 – из Средней Азии.⁹ В 1945 г. в Майкоп прибыли 13 422 чел., убыли 7 613 чел., механический прирост населения составил 5 809 чел.¹⁰

Этнический состав населения Адыгеи за время войны изменился незначительно, большинство жителей составляли русские и адыгейцы. Подробные сведения по данному вопросу содержат сводные ведомости численности населения сельских районов автономной области (в городе Майкопе большинство населения составляли русские). Из 161 366 жителей сельских районов Адыгеи к 1 января 1945 г. русские составляли 107 884 чел. или 66,9 %, адыгейцы – 47 333 чел. или 29,3 %. Русские преобладали не только в считавшихся

¹ ХДНИ ГУНАРА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1. Л. 9.

² Адыгейская автономная область. Посвящается 25-летию автономии Советской Адыгеи. 1922–1947. – Майкоп, 1947. – С. 195–197.

³ Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 11. Л. 153.

⁴ ГУНАРА. Ф. Р-4. Оп. 2. Д. 7. Л. 1–3.

⁵ ГУНАРА. Ф. Р-4. Оп. 2. Д. 7. Л. 1–3.

⁶ Там же. Д. 7. Л. 1, 2. Д. 17. Л. 29об.

⁷ Там же. Д. 7. Л. 2.

⁸ Там же. Д. 11. Л. 10.

⁹ Там же. Д. 7. Л. 11–12.

¹⁰ Там же. Д. 17. Л. 36об.

традиционно «славянскими» Гиагинском (26 309 из 26 888 чел. – 97,8 %), Майкопском (16 622 из 18 287 чел. – 90,9 %) и Красногвардейском (24 653 из 27 436 чел. – 89,9 %) районах. Они превышали долю адыгейцев в Кошехабльском (20 618 из 31 470 чел. – 65,5 %) и Шовгеновском (10 190 из 18 150 чел. – 56,1 %) районах, уступая им по численности лишь в Тахтамукайском (5 327 из 19 909 чел. – 26,8 %) и Теучежском (4 165 из 19 226 чел. – 21,7 %) районах. Адыгейцы здесь составляли соответственно 13 632 (68,5 %) и 14 563 чел. (75,7 %). Они также составляли значительную часть населения в Шовгеновском (7 124 чел – 39,3 %) и Кошехабльском (9 818 чел. – 31,2 %) районах. В Красногвардейском районе проживали 2 181 (7,9 %), в Майкопском – 9, а в Гиагинском – всего 6 адыгейцев.

С существенным отрывом от первых двух этнических общностей на третьем месте по численности шли украинцы, составлявшие в конце войны 1962 чел. или 1,2 % от всех сельских жителей области. Основная их часть проживала в Кошехабльском (813 чел.), Майкопском (459 чел.), Гиагинском (381 чел.) и Красногвардейском (178 чел.) районах. За ними следовали армяне, составлявшие 1 439 чел. (0,9 %), основная масса которых концентрировалась в Майкопском районе (900 чел.). При этом армяне вышли на четвертое время только в 1945 г., за год их численность возросла на 312 чел. До этого на третьем месте находились татары, но в 1945 г. их количество уменьшилось по сравнению с 1944 г. с 1 238 до 1 027 чел. (0,64 %). Большинство татар проживало в Шовгеновском районе (625 чел.).

Следующей по численности этнической общностью являлись греки, которых в 1945 г. насчитывалось 926 чел. (0,57 %), (631 чел. – в Тахтамукайском районе). Поляков в сельских районах насчитывалось 203 чел., евреев – 145 чел., чехов – 144 чел. (все проживали в Шовгеновском районе), белорусов – 74 чел. Кроме того, в Адыгее в 1945 г. были зарегистрированы небольшие группы болгар – 37 чел., молдаван – 28 чел., эстонцев – 26 чел., цыган – 24 чел., латышей – 16 чел., мордвин – 15 чел. В документах упоминается о 23 тюрках в Шовгеновском районе, но кто скрывается за этим обозначением – непонятно, ибо отдельной строкой указаны еще и 23 турка. В Гиагинском районе проживали 7 персов, 5 казахов, 2 чуваша, по 1 грузину и лезгину. В Майкопском районе – по 2 азербайджанца, венгра и китайца, 1 аварец (в другом документе он, впрочем, был указан как австриец). В Шовгеновском районе были зарегистрированы 2 финна, а в Красногвардейском – по 1 финну, французу и немцу.¹ Остальные немцы в Адыгее, как и по всей стране, подверглись депортации еще в 1941 г. Таким образом, особой этнической пестротой отличались Гиагинский и Майкопский районы, в которых проживали представители двух десятков национальностей, а также Красногвардейский район, где насчитывалось 18 различных национальностей. В документах встречаются сведения о проживании на территории ААО в 1941–1945 гг. нескольких сербов, карачаевцев, чувашей и представителей других этнических общностей.

В социальном отношении в населении Адыгеи преобладали колхозники. В 1944 г. из 161 727 чел., проживавших в сельских районах, колхозниками являлись 130 144 чел. (36 194 хозяйств) или 80,47 %, рабочими – 30 121 чел. (10 920 семей) или 18,61 %, единоличниками и кустарями – 254 чел. (93 хозяйства) или 0,15 %. Временно проживали на территории области 1258 чел., прибывшие по эвакуации (504 семьи, в том числе, 402 мужчины и 856 женщин) или 0,77 % сельского населения.² Разумеется, в населении Майкопа преобладали рабочие и служащие.

Прямым следствием войны стали диспропорции в половозрастной структуре населения, выразившиеся, прежде всего, в преобладании численности женщин над мужчинами в общем составе населения. Эта диспропорция начала складываться с первого года войны, в связи с призывом военнообязанных на фронт, и продолжалась на протяжении всего военного времени. 1 января 1942 г. в сельских районах Адыгеи проживали 98 268 женщин (59,7 %) и 66 237 мужчин (40,3 %).³ В последние годы войны диспропорция продолжала усиливаться, в связи с призывом на фронт следующих возрастных групп призывников. В январе 1945 г. в сельских районах Адыгеи проживало 103 072 женщины (62,4 %) и 62 224 мужчин (37,6 %).⁴

Более полную картину событий позволяет представить распределение мужчин и женщин по отдельным возрастным группам в сельских районах ААО. В январе 1945 г. среди детей и подростков до 15 лет между мальчиками (составлявшими от 47 до 48,4 %), и девочками (от 51,6 до 53 %) существовала небольшая разница в численности, объясняемая естественной убылью в силу особенностей развития личности тех и других. Но в группе 16–17-летних (1927–1928 годов рождения) на 6 314 девушек (61,9 %) приходилось всего 3 886 юношей (38,1 %). В следующих возрастных группах различия в численности возрастали. Среди 18–24-летних (1920–1926 годов рождения) на 9 354 девушек (75 %) приходилось 3 116 молодых людей (25 %). Особенно сильная диспропорция существовала в группе жителей 25–49 лет (1895–1919 годов рождения), на 29 594 женщин (77,2 %) приходилось всего 8 737 мужчин (22,8 %). Именно эти возрастные группы составили основную

¹ ГУНАРА. Ф. Р-4. Оп. 2. Д. 11. Л. 11. Д. 17. Л. 1об.

² Там же. Д. 11. Л. 2. Здесь и далее – подсчеты автора.

³ ГУНАРА. Ф. Р-4. Оп. 2. Д. 7. Л. 8.

⁴ Там же. Д. 7. Л. 5об.

часть мобилизованных в армию. В следующих возрастных группах различия в численности постепенно сокращались, но не исчезали полностью.

Причины данной диспропорции были связаны не только с Великой Отечественной войной, но и с предшествующими трагическими событиями российской истории, Первой мировой и Гражданской войнами, коллективизацией, раскулачиванием, массовыми репрессиями, во время которых убыль мужчин также была выше, чем у женщин. Поэтому и в возрастной группе 50–54 лет (1890–1894 годов рождения) на 5 392 женщин (66 %) приходилось 2 783 мужчин (34 %), 55–59 лет (1885–1889 годов рождения) – на 5 472 женщины (63 %) – 3 223 мужчин (37 %). Наконец, в группе старше 60 лет на 9 882 женщины (61,4 %) приходилось 6 223 мужчин (38,6 %).

Обобщающие данные о потерях населения Адыгеи в годы войны были установлены благодаря подготовке и изданию Республиканской Книги Памяти. Списки погибших, к числу которых относили и пропавших без вести, умерших от ран и болезней, составлялись на основе изучения документов и материалов военкоматов, архивов и музеев, отделений ВООПИК, советов ветеранов войны и труда, вооруженных сил и правоохранительных органов. Эта работа позволила выявить 14 785 имен, установить судьбы 4 647 чел., считавшихся ранее пропавшими без вести. В результате выяснилось, что с войны не вернулось 30 543 чел., из них 12 414 чел. погибли, 18 129 чел. по-прежнему считаются пропавшими без вести. Могилы жителей Адыгеи находятся в 27 странах, 56 республиках, краях и областях бывшего СССР.¹

Однако уточнить число всех погибших, умерших от ран и болезней, пропавших без вести, замученных советских граждан оказалось невозможно к моменту издания Книги Памяти из-за отсутствия полной и исчерпывающей информации: «Документы повествуют о том, что погибшего в бою товарища хоронили в спешке, нередко ночью и под огнем противника. Случалось и так, что после боя не могли опознать погибшего, установить его имя и фамилию, место рождения и призыва на фронт. А там, где были эти данные, они записывались на фанере и химическим карандашом. Дожди и непогоды стирали эти записи... Порою то, что сохранилось в архивах, трудно разобрать: запись велась со слов бойца, на газетной и ли оберточной бумаге, на которой со временем невозможно установить текст».² Нередко в документах военного времени встречаются ошибки и описки, часть из них попала на страницы Книги Памяти. Наиболее сложно установить имена тех, кто оказался похоронен за пределами России, а также находился в немецком плену. Поэтому составители Книги Памяти справедливо отмечали необходимость продолжения работы над поименными списками погибших: «Это благородное дело нельзя считать законченным, так как половина не вернувшихся с полей земляков до сих пор считается пропавшими без вести».³

Помимо смертности, существенное значение для общей оценки демографической ситуации имеет такой показатель, как рождаемость. Уровень рождаемости в Адыгее в первый год войны по инерции сохранялся на относительно высоком уровне, но с 1943 г. стал снижаться. В 1945 г. на 1 тыс. жителей области родилось 11,2, а умерли 8,5 чел. В результате естественный прирост составил всего 2,7 чел. на 1 тыс. жителей, что является достаточно низким показателем для того периода времени и господствовавшего типа семьи. Например, через пять лет, в 1950 г., на 1 тыс. жителей родились 21,6 детей, умерли 7,3 чел., естественный прирост населения составил 14,3 чел.⁴

Несмотря на то, что областное руководство уделяло немало внимания положению детей в годы войны, ухудшение условий жизни способствовало нарушению их полноценного развития, повышению детской смертности, замедлению физического и полового созревания, а боевые действия, артиллерийские обстрелы и бомбардировки привели к гибели многих детей. В результате произошло сокращение общего количества детей в Адыгее в годы Великой Отечественной войны. В 1944 г. в сельских районах ААО проживало 15 221 детей в возрасте до 3 лет (1940–1943 годов рождения), а в 1945 г. – 11 525 чел. (1941–1944 годов рождения). Количественное превосходство в 1944 г. обеспечили дети, родившиеся в последний предвоенный и первый военный год.

При сравнении последующих возрастных групп почти везде наблюдается превосходство показателей 1944 над 1945 гг. Группа детей 4–7 лет составляла в 1944 г. 22 132 чел., в 1945 г. – 21 864 чел. Группа детей 8–11 лет в 1944 г. – 22 595 чел., в 1945 г. – 16 448 чел., 12–13 лет – в 1944 г. – 11 408, а в 1945 г. – 9 953 чел. Только подростков 14–15 лет насчитывалось в 1944 г. меньше (8 736 чел.), чем в 1945 г. (11 546 чел.), в чем, видимо, сказывались последствия оккупации. Однако группа 16–17-летних в 1944 г. составляла 11 651, а в 1945 г. – 10 200 чел.⁵ Сократилось и общее количество учащихся в школах Адыгейской автономной

¹ Книга Памяти. – Майкоп, 1995. – Т. 2. – С. 11.

² Кубань в Великой Отечественной... 1941–1945. – Краснодар, 2000. – С. 6–7.

³ Книга Памяти. – Майкоп, 1994. – Т. 1. – С. 15–16.

⁴ Народное хозяйство Адыгейской автономной области. Статистический сборник. – Краснодар, 1957. – С. 69.

⁵ ГУНАРА. Ф. Р-4. Оп. 2. Д. 11. Л. 2. Д. 17. Л. 5об.

области. В 1940–1941 учебном году их насчитывалось 40 тыс. чел., а в 1945–1946 учебном году снизилось до 39,6 тыс. чел.¹

В целом, в Адыгее, как и в других регионах страны, Великая Отечественная война создала неблагоприятную демографическую ситуацию, последствия которой продолжали сказываться и в послевоенное время. Понесенные значительные потери, сокращение трудоспособных жителей, сложившиеся половозрастные диспропорции во многом обусловили последующие демографические кризисы, до сих пор влияющие на структуру населения Республики Адыгеи.

---

¹ Народное хозяйство Адыгейской автономной области. – С. 61.

Численность и категории спецпоселенцев в Карелии в 1944 – середине 1950-х гг.

Восстановление экономики СССР после окончания Великой Отечественной войны проходило в условиях резкого усиления миграционных процессов, вызванных демобилизацией армии, репатриацией советских граждан из Европы, возвращением эвакуированного населения. Огромные потери в войне обернулись острой нехваткой рабочей силы. Наряду с прямыми потерями на фронтах войны и в районах, подвергшихся оккупации, значительный ущерб был связан с резким падением рождаемости в военные годы, ухудшением возрастной структуры населения, повышением в нем доли женщин. На 1 июля 1944 г. в республике проживало – 35 265 чел. гражданского населения. Предвоенную численность населения (606,3 тыс. чел. в 1940 г.) удалось восстановить только в 1954 г. [1].

Для реализации возложенных на республику напряженных планов ее руководство предпринимало чрезвычайные меры по обеспечению предприятий, строительных объектов и транспорта рабочей силой. Проблема дефицита рабочей силы в первые послевоенные годы решалась в основном путем отправки в республику новых партий спецконтингента НКВД – спецпоселенцев, иностранных военнопленных и заключенных.

В 1930–1940-х гг. спецпоселенцы (спецпереселенцы, трудпоселенцы) были одной из наиболее многочисленных категорий репрессированных. К началу Великой Отечественной войны на территории республики было расселено 29 619 трудпоселенцев, «бывших кулаков», высланных с Урала, Центрально-Черноземной области, Поволжья, Украины [2]. На 1 апреля 1944 г. на учете в республике состояло 1330 семей бывших кулаков (2253 чел.). Из общего их числа трудоспособных было 1651 чел., остальные – дети, инвалиды, престарелые [3]. «Бывшие кулаки» проживали в г. Беломорске, Беломорском, Пудожском, Медвежьегорском, Тунгудском, Ребольском районах вместе с остальным населением. Наибольшее их количество было сосредоточено в городах: Беломорск, Сегежа, Пудож и населенных пунктах: Маленга и Тегозеро Беломорского района, Идель и Парандово Ругозерского района, Сосновец и Летний Тунгудского района, Данилово Медвежьегорского района.

Количественный состав спецпоселенцев постоянно менялся: в республику прибывали реэвакуированные «бывшие кулаки», члены разрозненных семей спецпереселенцев, в свою очередь, часть их выезжала на соединение с семьями в другие края, области, республики или освобождалась из спецпоселения. Только в течение третьего квартала 1944 г. из других краев, республик и областей в Карело-Финскую ССР прибыло 179 семей (430 чел.) спецпереселенцев «бывших кулаков», в том числе в соответствии с распоряжением ГОКО от 13 мая 1944 г. на работу в Управление Беломорско-Балтийского канала в июле и августе 1944 г. поступили: из Красноярского края – 12 семей (46 чел.); из Коми АССР – 12 семей (35 чел.); из Архангельской области – 29 семей (93 чел.). В соответствии с постановлением СНК СССР от 3 июля 1944 г. прибыли из Сольвычегодского района Архангельской области и были переданы на работу в распоряжение Наркомата промышленности строительных материалов КФССР 119 семей (233 чел.). Кроме того, в освобожденных районах КФССР было выявлено и взято на учет 255 семей (765 чел.) спецпереселенцев, которые находились на оккупированной финнами территории с 1941 г. [4]. В 1945–1946 гг. из других областей и республик СССР в Карелию прибыло еще 1248 спецпоселенцев – «бывших кулаков» [5].

На начало октября 1945 г. численность спецпоселенцев в целом по стране составляла 2 230 500 чел., из них: немцев – 687 300, оуновцев – 20 800, «бывших кулаков» – 608 800, немецких пособников – 9 200 чел. Они были расселены на территории шести союзных республик, восьми автономных республик, пяти краев и 27 областей СССР [6]. В Карело-Финской ССР до весны 1946 г. спецпоселенцы были представлены только одной категорией – «бывшими кулаками». На протяжении 1945–1946 гг. смертность среди них значительно превышала рождаемость (в 1945 г. – более чем в 5 раз). Состоявшие на учете в республике в четвертом квартале 1946 г. 3811 спецпоселенцев («бывших кулаков») по половозрастному составу распределялись следующим образом: 1407 мужчин и 1433 женщины. Детей до 16 лет насчитывалось 971 чел. (25% от общего числа спецпоселенцев) [7].

В 1945–1946 гг. происходило массовое освобождение спецпоселенцев этой категории – призванных в Красную армию и их жен и детей, детей спецпереселенцев по достижении 16-летнего возраста, а также направленных в школы ФЗО и ремесленные училища [8]. В мае 1947 г. все спецпоселенцы, «бывшие кулаки», расселенные на территории КФССР, были освобождены из спецпоселений (за исключением «власовцев»). Почти все они остались жить и работать в Карелии.

---

¹ Вавулинская Людмила Ивановна (Петрозаводск) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

В 1946 г. в республике появился новый, довольно значительный контингент спецпоселенцев под названием «власовцы», включавший, помимо лиц, служивших в строевых формированиях фашистской Германии и ее союзников, в полиции и органах оккупационной администрации, также и часть побывавших в плену советских офицеров. Постановлениями ГОКО от 18 августа 1945 г., СНК СССР от 21 декабря 1945 г. и Совета Министров СССР от 29 марта 1946 г. они отправлялись из проверочно-фильтрационных лагерей НКВД на спецпоселения сроком на 6 лет [9].

Первые спецпоселенцы-«власовцы» (1236 чел., в том числе 1 женщина) прибыли в республику в мае-июне 1946 г. из фильтрационных пунктов и лагерей МВД: из г. Баку Азербайджанской ССР – 723, г. Грозный Грозненской области – 101, ст. Калининская Московской области – 333 и из г. Махачкала Дагестанской АССР – 79 чел. Они были размещены: в г. Сегежа – 101, в пос. Вирандозеро Беломорского района – 79, в г. Кондопога – 1056 чел. Контингент «власовцев» составил $\frac{1}{4}$ часть всех спецпоселенцев, находившихся в республике по состоянию на 1 июля 1946 г. [10].

С 26 июля по 2 августа 1946 г. из Белоруссии было направлено на спецпоселение в КФ ССР еще 2129 «власовцев». В августе-октябре 1946 г. продолжалось поступление в республику спецпоселенцев этой категории. В январе 1947 г. в КФССР на поселении насчитывалось уже 6408 «власовцев», в том числе 705 находившихся в розыске после совершения побега [11]. С момента расселения «власовцев» в КФ ССР, с третьего квартала 1946 г. по 1 января 1949 г. умерло 527 чел. В марте 1949 г. в Карело-Финской ССР на спецпоселении находилось 3793 «власовца», совместно с которыми проживали 905 взрослых и 676 детей, не состоявших на учете спецпоселений [12].

С 1948 г. на спецпоселении появляется новый контингент – крестьяне-«указники». Они выселялись на основании постановления Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 г. «О выселении из Украинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни» и Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. «О выселении в отдаленные районы страны лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни». Выселялись, как правило, колхозники за невыработку обязательного минимума трудодней на 8 лет. Решения о выселении выносились колхозными собраниями и утверждались райисполкомами. Первоначальная практика выселения колхозников из Украинской ССР вскоре была распространена на всю страну.

Первые эшелоны со спецпоселенцами-«указниками» прибыли в республику 18 и 28 апреля 1948 г. со ст. Казатин Винницкой ж.д. и со ст. Харьков-Конотоп. В составе этих эшелонов насчитывалось 1852 чел., из них 923 мужчины, 929 женщин и 534 члена семьи (из них 80 мужчин, 125 женщин и 329 детей) [13].

Из числа «указников», прибывших на спецпоселение в Карело-Финскую ССР, до конца 1948 г. убыло 456 чел., в том числе: было направлено в Якутскую АССР 162 чел., склонных к побегам; освобождено из спецпоселения решениями областных советов УССР 29 чел.; умерло 9 чел.; арестовано органами милиции – 5; находилось в бегах – 86; привлечено за побег и уголовной ответственности – 165 чел. [14].

На 1 декабря 1948 г. на спецпоселении в Карело-Финской ССР содержалось 1396 «указников», выселенных из Украинской ССР. Они были расселены в 23 населенных пунктах республики мелкими группами. Для этих лиц, также как и для «власовцев», статус спецпоселенца не был наследственным. Дети, родившиеся в семьях спецпоселенцев «указников», считались свободными людьми с момента рождения. Родные и близкие, добровольно прибывшие в места высылки для совместного проживания с «указниками», на учет спецпоселений не ставились. Например, в марте 1949 г. в Карело-Финской ССР вместе с 1372 спецпоселенцами-«указниками» проживали 511 свободных людей (190 взрослых и 321 ребенок) [15].

По состоянию на 1 декабря 1949 г. на спецпоселении находились 1309 «указников», с которыми добровольно проживали 340 членов семей, из них детей 222 чел. В Петрозаводске на учете в конце 1949 г. состояло 75 «указников», с ними проживали 25 членов семей, из них 17 нетрудоспособных [16]. К декабрю 1949 г. из спецпоселков Карелии по решениям исполкомов областных советов Украины было освобождено и возвращено к прежним местам жительства 52 «указника» [17]. В дальнейшем число высланных по Указу резко сократилось, а поток возвращенных по ходатайству колхозных собраний нарастал.

По состоянию на 1 января 1949 г. в стране насчитывалось 2 300 223 спецпоселенцев, из них в Коми АССР – 31 315 чел., в Архангельской области – 16 869, Вологодской области – 10 363, Карело-Финской ССР – 7 564, в Мурманской области – 3 887 чел. [18]. В отличие от многих других краев, областей и республик страны высылка депортированных по национальному признаку в Карелию не получила широкого распространения, что объяснялось пограничным расположением республики. Если в Коми АССР, Архангельской и Вологодской областях преобладающей в количественном отношении категорией спецпоселенцев являлись немцы, то в Карело-Финской ССР – «власовцы». В отличие от названных республик и областей в Карелии не было спецпоселенцев-«оуновцев» (оуновцы – сокращенное от «Организации украинских националистов» – ОУН),

зато в единственной из республик и областей Европейского Севера здесь находились спецпоселенцы-«указники».

В Карело-Финской ССР содержались лишь незначительные контингенты репатриированных немцев (бывших граждан СССР). Лица немецкой национальности входили в состав и других категорий спецпоселенцев («бывшие кулаки», «власовцы» и др.) Часть из них отпочковывалась от указанных контингентов и причислялась к категории «немцы». По данным на 1 августа 1949 г. в Карело-Финской ССР состояло на учете 26 репатриированных немцев, а на 1 января 1953 г. – 246 немцев, из них 29 – репатриированные и 217 – выселенные [19] (в их число большей частью попали «власовцы», оставшиеся после освобождения лиц этой категории на спецпоселении по национальному признаку).

Спецпоселенцы и выселенцы были расселены в следующих районах республики (табл. 1) [20].

Таблица 1

Расселение спецпоселенцев и выселенцев в районах Карело-Финской ССР

Районы	Выселенцы	«Указники»	«Власовцы»
Лоухский	–	176	–
Беломорский	15	–	837
Тунгудский	1	206	76
Ругозерский	–	207	8
Сегежский	9	491	358
Медвежьегорский	–	–	77
Кондопожский	1	3	905
Прионежский	–	–	470
Пряжинский	–	4	143
Питкярантский	–	152	44
Пудожский	–	16	636
Заонежский	–	12	16
Г. Петрозаводск	2	51	206
Итого:	28	1318	3776

На 1 января 1952 г. на территории КФСР были зарегистрированы следующие контингенты спецпоселенцев:

- «власовцы», переведенные на положение спецпоселенцев сроком на 6 лет в соответствии с постановлением ГОКО от 18 августа 1945 г. – 2988 человек,
- «указники», выселенные сроком на 8 лет из Украинской ССР, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 г. – 995 чел.,
- репатрианты, выселенные и местные немцы, взятые на учет спецпоселенцев из числа прибывших в КФСР из других республик и областей СССР – 49 чел,
- ссыльные – 3 чел, итого – 4035 чел. [21].

На 25 октября 1954 г. в МВД КФСР оставалось на учете 690 спецпоселенцев, размещенных в 15 районах республики и в г. Петрозаводске [22]. С середины 1954 до конца 1956 г. на основании постановлений высших органов власти подавляющее количество спецпоселенцев были освобождены, часть из них осталась жить в республике.

Таким образом, в первое послевоенное десятилетие система спецпоселений получила свое дальнейшее развитие. Она пополнилась за счет новых массовых контингентов («власовцы», крестьяне-«указники» и др.) Активные миграционные процессы вели к преобразованию этнокультурного и демографического облика территории. Общая тенденция изменения этнического состава населения республики в 1939–1959 гг. заключалась в росте численности белорусского и населения и сокращении численности карел, финнов и вепсов. Доля белорусского населения выросла за это время (в основном за счет добровольного переселения) с 0,9 до 11%, или в 16,7 раза, а доля карел сократилась с 23,2 до 13,1% [23]. Определенную долю в составе белорусского населения составляли бывшие спецпоселенцы, оставшиеся в республике после своего освобождения.

Источники и литература

1. Архив Министерства внутренних дел Республики Карелия (АМВД РК). Ф. 3. Оп. 5. Д. 7. Л. 38; История Карелии с древнейших времен до наших дней. – Петрозаводск, 2001. – С. 686.
2. АМВД РК. Ф. 3. Оп. 9. Д. 2. Л. 10.
3. Там же. Оп. 5. Д. 7. Л. 14.
4. Там же. Л. 54; Оп. 4-а. Д. 1. Л. 51-51 об.
5. Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 206. Л. 2, 3, 7, 11, 13, 16.
6. 40–50-е годы: последствия депортации народов (Свидетельствуют архивы НКВД–МВД СССР) / Составитель Н.Ф.Бугай // История СССР. – 1992. – № 1. – С. 128.

7. АМВД РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 30. Л. 28.
8. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. – М., 2003. – С. 138-139.
9. АМВД РК. Ф. 3. Оп. 12. Д. 65. Л. 6.
10. Там же. Оп. 9. Д. 10. Л. 62 об.; Д. 12. Л. 46.
11. Там же. Оп. 12. Д. 30. Л. 81; Д. 34. Л. 122.
12. Земсков В.Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. – 1991. – № 5. – С. 163-164; АМВД РК. Ф. 3. Оп. 12. Д. 68. Л. 311.
13. АМВД РК. Ф. 3, Оп. 12. Д. 63. Л. 213.
14. Там же.
15. Земсков В.Н. Заключение, спецпоселенцы... – С. 164.
16. АМВД РК. Ф. 3. Оп. 12. Д. 68. Л. 276, 278; Д. 63. Л. 213.
17. Там же. Оп. 12. Д. 68. Л. 279.
18. Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД — МВД СССР) // СОЦИС. – 1990. – № 11. – С. 10-11.
19. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... – С. 218; АМВД РК. Ф. 3. Оп. 12. Д. 76. Л. 166.
20. АМВД РК. Ф. 3. Оп. 12. Д. 96. Л. 5-7.
21. Там же. Оп. 20. Д. 1. Л. 11.
22. Там же. Оп. 29. Д. 1. Л. 53.
23. Покровская И.П. Население Карелии. – Петрозаводск, 1978. – С. 154.

Возрастнополовой состав населения Коми АССР в 1970-е годы

В межпереписной период с 1970 по 1979 г. в результате естественного и миграционного прироста численность населения Коми АССР увеличилась на 145,6 тыс. чел. (на 15,1 %) и составила по состоянию на 17 января 1979 г. 1110,4 тыс. чел. За девять лет число горожан выросло на 196,0 тыс., в то время как сельское население за счёт миграционного оттока и преобразования сельских населённых пунктов в городские стало сокращаться – его убыль за 1970–1979 гг. составила 42,4 тыс. чел.

Основным источником прироста населения в 1970-е гг. был естественный прирост, который составил 100,9 тыс. чел. (70 % общего прироста). Самые высокие показатели уровня естественного прироста были в Вуктыльском и Усинском районах – соответственно 14,9 и 14,4 ‰, наиболее низкие – в Сысольском и Прилузском районах – 5,6 и 4,6 ‰ (данные 1978 г.) В городских поселениях естественный прирост был существенно выше, чем в сельских. Так, в 1978 г. коэффициент естественного прироста в городах составлял 11,7 ‰, в то время как в селе – 7,6 ‰. Уровень естественного прироста в республике значительно превышал аналогичные показатели по РСФСР и Северо-Западному экономическому региону (для сравнения: Коми АССР – 11,3, РСФСР – 5,5, Северо-Западный район – 4,6 ‰) [2, л. 20; 3, л. 25].

Численный рост населения сопровождался изменением его возрастной структуры (табл.1). В 1979 г. по сравнению с 1970 г. в целом по республике детей ясельного возраста (0-2 года) стало больше на 12,0 тыс. чел., но исключительно за счёт городских поселений, где число детей в возрасте до трёх лет выросло на 13,0 тыс., в то время как в сельской местности – сократилось на 1,0 тыс. Удельный вес самой младшей возрастной группы в составе населения также вырос – с 5,0 до 5,5 %. Численность детей дошкольного возраста (3-6 лет) выросла за девять лет на 4,5 тыс., но при этом их доля в составе населения сократилась с 7,7 до 7,1 %.

Таблица 1

Динамика возрастной структуры населения Коми АССР [3, л.12; 4, с. 18-19]

Возраст	Численность, тыс. чел.		% ко всему населению	
	1970 г.	1979 г.	1970 г.	1979 г.
Все население	964,8	1110,4	100,0	100,0
В том числе:				
0-4 лет	82,8	100,9	8,5	9,1
5-9 лет	107,3	91,8	11,1	8,3
10-14 лет	104,3	86,4	10,8	7,8
15-19 лет	85,3	104,6	8,8	9,4
20-29 лет	147,3	247,9	15,3	22,3
30-39 лет	195,8	157,8	20,3	14,2
40-49 лет	127,9	163,3	13,3	14,7
50-59 лет	59,6	91,8	6,1	8,3
60-69 лет	35,1	40,1	3,6	3,6
70 лет и старше	18,1	25,8	2,0	2,3

Совсем другая картина наблюдается в возрастной группе детей и подростков школьного возраста (7-17 лет). Их численность уменьшилась за 1970–1979 гг. на 24,3 тыс., что стало результатом резкого снижения уровня рождаемости в 1960-е гг. (табл. 2). Удельный вес детей школьного возраста сократился с 23,2 % в 1970 г. до 17,9 % в 1979 г.

Таблица 2

Численность детей и подростков в Коми АССР, тыс. чел. [3, л. 25]

Возраст	1970 г.	1979 г.	Прирост (- убыль) за 1970–1979 гг.	1979 г. в % к 1970 г.
Все население	964,8	1110,4	145,6	115,1
В том числе:				
0-2 лет	48,2	61,1	12,9	126,8
3-6 лет	74,0	78,5	4,5	106,1
7-17 лет	223,4	199,1	- 24,3	89,1

¹ Безносова Наталья Павловна (Сыктывкар) – научный сотрудник отдела истории и этнографии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

В то же время в республике шло увеличение лиц пенсионного возраста. Их численность выросла с 72,1 тыс. в 1970 г. до 85,3 тыс. чел. в 1979 г., из них 48,9 тыс. проживали в городской местности и 36,5 тыс. – в сельской. Удельный вес лиц старше трудоспособного возраста увеличился с 7,5 до 7,7%, в городе – с 5,9 до 6,2%, в селе – с 10,0 до 11,3 %. То есть доля старших возрастов в сельской местности была значительно выше, чем в городской.

В характеристике возрастной структуры населения представляют интерес данные о долгожителях – лицах в возрасте 100 лет и старше. В 1970 г. таковых в республике было 9 чел., в 1979 г. – 14, причём все они – женщины. Старейшей жительницей Коми АССР в 1979 г. оказалась 110-летняя Леонченко А.Л., украинка по национальности, проживавшая в селе Куниб Сысольского района [3, л. 28].

Таким образом, в 1970-е гг. в республике продолжился обозначившийся в 1960-е гг. процесс демографического старения населения (увеличение удельного веса лиц старше 60 лет во всем населении). Их доля выросла с 5,5% в 1970 г. до 5,9% в 1979 г. Главными причинами роста лиц пожилого возраста являлось как увеличение средней продолжительности жизни, так и ощутимое понижение рождаемости.

Таблица 3

Удельный вес детей, лиц в трудоспособном и старше трудоспособного возраста по Коми АССР, % [4, с. 22-24]

Год	Все население			Городское население			Сельское население		
	0-15 лет	Трудоспособное	Старше трудоспособного	0-15 лет	Трудоспособное	Старше трудоспособного	0-15 лет	Трудоспособное	Старше трудоспособного
Оба пола									
1970	32,5	60,0	7,5	30,7	63,3	5,9	35,4	54,6	10,0
1979	26,9	65,4	7,7	26,5	67,3	6,2	27,8	60,9	11,3
Мужчины									
1970	32,8	64,3	2,9	31,6	66,1	2,3	34,8	61,5	3,7
1979	26,8	70,1	3,1	26,6	70,7	2,7	27,3	68,7	4,0
Женщины									
1970	32,1	55,7	12,2	29,9	60,6	9,5	36,0	47,3	16,7
1979	26,9	60,7	12,4	26,3	63,9	9,8	28,3	52,7	19,0

Вместе с тем население республики относительно многих регионов России оставалось молодым, о чем свидетельствуют нижеследующие цифры. В 1970 г. дети и молодёжь в возрасте до 30 лет составляла 54,6 %, т.е. более половины всего населения Коми АССР, а в 1979 г. их доля выросла до 56,9 % (в РСФСР – 48,9 %). Удельный вес лиц в возрасте 60 лет и старше равнялся в Коми в 1979 г. 5,9 % (в РСФСР – 15,5 %). Средний возраст жителя республики составил в 1979 г. 29 лет (в РСФСР – 34 года).

Благоприятная динамика наблюдалась в 1970-е гг. у населения в трудоспособном возрасте (табл. 3). С конца 1960-х гг. его численность стала увеличиваться вследствие вступления в состав трудовых ресурсов многочисленного поколения рожденного в 1950-е гг., а также увеличения внешнего миграционного потока. За девять лет трудоспособный контингент вырос на 147,7 тыс. чел. (прирост 125,5 %) и составил в 1979 г. 726,6 тыс. чел.: 393,6 тыс. мужчин в возрасте 16-59 лет и 333,0 тыс. женщин в возрасте 16-54 года. Его удельный вес в составе населения поднялся с 60 % в 1970 г. до 65 % в 1979 г. При этом увеличение доли трудоспособного населения в селе было более значительным, нежели в городе.

Численность и доля отдельных возрастных когорт трудоспособного населения претерпели за девять лет значительные изменения (табл. 4).

Таблица 4

Структура населения Коми АССР трудоспособного возраста [3, л.13]

Возраст	1970 г., тыс. чел.	1979 г., тыс. чел.	1979 г. в % к 1970 г.	В % к итогу	
				1970 г.	1979 г.
Население в трудоспособном возрасте	578,9	726,6	125,5	100,0	100,0
В том числе:					
16-19 лет	66,8	85,2	127,5	11,5	11,7
20-29 лет	147,3	247,9	168,3	25,5	34,1
30-39 лет	195,8	157,8	80,6	33,8	21,7
40-49 лет	127,9	163,3	127,7	22,1	22,5
50-54 лет	29,3	60,9	в 2 раза	5,1	8,4
55-59 лет	11,8	11,5	97,5	2,0	1,6

Анализ данных табл. 4 показывает, что численность молодёжи в возрасте 20-29 лет выросла за 1970–1979 гг. на 68,3%, а их доля в составе трудоспособного населения на 33,7%, в то время как лиц в возрасте 30-39 лет сократилась соответственно на 19,4% и 35,8%, что объясняется вступлением в названные возраста: в первом случае – многочисленной генерации периода послевоенной компенсаторной рождаемости, во втором случае – малочисленного поколения «детей войны».

При рассмотрении более старших возрастных групп обращает на себя внимание демографическая яма в возрасте 55-59 лет. Она связана с гибелью населения в годы Великой Отечественной войны. Те, кому в 1979 г. было 55-59 лет, родились в 1920–1924 гг. и на них пришлось основные военные призывы и тяжёлый труд в тылу.

Соотношение мужского и женского населения Коми АССР в отдельных возрастных группах характеризуют данные табл. 5.

Таблица 5

Распределение населения Коми АССР по полу и возрасту, % [3, л. 32]

Возраст	1970 г.		1979 г.	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Все население	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе в возрасте:				
0-4	8,7	8,5	9,1	9,1
5-9	11,2	11,0	8,3	8,2
10-14	11,0	10,8	7,8	7,8
15-19	9,2	8,5	10,1	8,7
20-24	8,8	7,2	12,1	9,9
25-29	8,1	6,4	12,3	10,1
30-34	13,3	10,3	7,6	6,5
35-39	9,3	7,7	7,5	6,8
40-44	8,2	8,3	8,9	7,9
45-49	4,4	5,7	6,3	6,3
50-54	2,6	3,5	4,8	6,2
55-59	2,4	3,9	2,0	3,5
60-64	1,3	2,9	1,2	2,5
65-69	0,7	2,3	1,0	2,5
70-74	0,4	1,4	0,5	1,8
75-79	0,2	0,9	0,2	1,2
80 лет и старше	0,2	0,8	0,1	0,8

В соотношении мужского и женского населения в 1970–1979 гг. произошли существенные изменения. Если в 1970 г. в республике на 1000 мужчин приходилось 991 женщина, в 1979 г. – 977 [3, л. 27]. Как видим, за девять лет диспропорция между мужчинами и женщинами стала более заметной.

Специфической особенностью населения Коми АССР было численное преобладание в молодых и средних возрастах мужского населения. Это ясно прослеживается при сопоставлении мужской и женской возрастных пирамид. В 1979 г. мужчины составляли 50,6 %, женщины – 49,4 % населения республики, в городах и посёлках городского типа соответственно 50,2 и 49,8 %, в сельской местности – 51,4 и 48,6 %, т.е. в городском населении диспропорция полов была выражена слабее, чем в деревне. Мужчины составляли большинство в детских, молодых и средних возрастах, но в возрасте 50 лет происходит скачок, резко меняющий соотношение полов в пользу женщин и этот дисбаланс с возрастом увеличивается. Так, в 1979 г. в возрастной группе 50-54 года на 1000 мужчин приходилось 1255 женщин, 55-59 лет – 1695, 60-69 лет – 2225. В возрастной группе старше 70 лет женщины составляли уже 80%. Кроме более высокой смертности мужчин в пожилых возрастах, являвшейся в исследуемый период характерной чертой демографического развития республики и России в целом, это объясняется потерями мужского населения в войнах первой половины XX века.

Особого внимания заслуживает рассмотрение численности и удельного веса в составе населения женщин репродуктивного возраста (16-49 лет) (табл. 6.).

Динамика изменения численности женщин репродуктивного возраста была следующей: в 1970 г. – 260,0 тыс. (город – 178,5, село – 81,5), в 1979 г. – 308,8 тыс. (соответственно 234,1 и 74,7). За 1970–1979 гг. численность женщин в возрасте от 16 до 49 лет увеличилась на 18,8 %, при этом в городской местности она выросла на 31,1 %, в сельской – снизилась на 8,3 %. Удельный вес женщин детородного возраста в составе женского населения поднялся с 54,1 % в 1970 г. до 56,2 % в 1979 г. [1, л. 3-4].

Таблица 6

Удельный вес женщин репродуктивного возраста в Коми АССР, % [4, с. 19]

Возраст	1970 г.	1979 г.
Всего женщин	100,0	100,0
15-19	8,5	8,7
20-24	7,2	9,9
25-29	6,3	10,1
30-34	10,3	6,5
35-39	7,7	6,8
40-44	8,3	7,9
45-49	5,7	6,3

Наибольший интерес представляет рассмотрение в структуре женского репродуктивного населения численности женщин наиболее фертильного (плодовитого) возраста (20-29 лет), поскольку они вносят основной вклад в процесс воспроизводства населения. Так, сокращение их численности в первой половине 1960-х гг., вызванное низким уровнем рождаемости в годы Великой Отечественной войны, оказало существенное влияние на уменьшение общего и специального коэффициентов рождаемости в республике в 1960-е гг. И, напротив, положительные изменения в структуре женского населения в возрасте 20-29 лет в 1970–1979 гг., когда их численность выросла с 65,8 тыс. до 110,2 тыс., а удельный вес в составе женского населения – с 13,5 до 20 %, привели к росту общих показателей рождаемости в 1970-е гг. [1, л. 3-4; 4, с. 19].

В рассматриваемый период значительно изменилась возрастнополовая структура занятого населения. В 1970 г. в народном хозяйстве республики трудились 528,8 тыс. чел., в 1979 г. – 658,2 тыс. (прирост 124,5%). Анализ данных табл. 7 показывает, что в трудоспособных возрастах преобладали мужчины, причем в селе диспропорция между мужчинами и женщинами больше, чем в городе, что в значительной степени было результатом миграции в города сельских жительниц республики. Преобладание в составе трудоспособного населения мужчин (в 1979 г. они составляли 54,2 %, женщины – 45,8 % общей численности трудоспособного населения), объясняется, в первую очередь, особенностями развития производительных сил Коми АССР, а именно, высокой долей добывающих отраслей промышленности с преимущественным использованием мужского труда. Показателен пример Удорского района, где в 1959 г. преобладало женское население, а в 1970 и 1979 гг. – мужское, что стало результатом притока мужчин-мигрантов на предприятия лесодобывающей промышленности [4, с. 16].

Таблица 7

Возрастнополовой состав занятого населения Коми АССР в 1979 г. [3, л. 29]

Население	Все занятое население, тыс. чел.	Процент лиц, имеющих возраст		
		моложе трудоспособного	трудоспособный	старше трудоспособного
Все население	658,2	0,0	97,9	2,1
Мужчины	361,5	0,0	98,9	1,1
Женщины	296,7	0,0	96,7	3,3
Городское население	479,5	0,0	97,8	2,2
Мужчины	256,5	0,0	98,8	1,2
Женщины	223,0	0,0	96,6	3,4
Сельское население	178,7	0,0	98,2	1,8
Мужчины	105,0	0,1	99,1	0,8
Женщины	73,7	0,0	96,8	3,2

По отдельным районам республики возрастнополовой состав занятого населения имел существенные отличия. Наибольший удельный вес мужского населения в рассматриваемый период наблюдался в Воркутинском горсовете, Княжпогостском, Печорском, Удорском, Вуктыльском и Усинском районах, т.е. в районах интенсивного хозяйственного освоения. Недосток в мужском населении испытывали в Сыктывкарском и Ухтинском горсоветах, Прилузском и Сясьском районах.

Наиболее молодая возрастная структура наблюдалась в районах нового промышленного освоения – Усинском и Вуктыльском, где удельный вес молодежи до 30 лет среди занятого населения составил соответственно 52,1 и 49,1 %. В 1979 г. молодежь до 30 лет составляла среди тружеников села 45,5 %, а в составе работающих в городах – 40,3 %. И в городе, и в селе среди работающей молодежи большую часть составляли мужчины. Так, в городе работающих мужчин в возрасте до 30 лет – 107,0 тыс., женщин – 86,0 тыс., в селе – соответственно 50,4 тыс. и 30,9 тыс. [3, л. 29].

Несколько выросло за 1970–1979 гг. число работающих пенсионеров. В 1970 г. из общей численности занятого в народном хозяйстве населения имели возраст старше трудоспособного 9,6 тыс. чел. (1,8 % занятого населения), в 1979 г. – 13,6 тыс. чел. (2 %). Из общей численности работающих пенсионеров большая часть имели возраст: мужчины – 60-64 года, женщины – 55-59 лет. Но даже в возрасте старше 70 лет продолжали работать мужчин – 8,2 %, женщин – 2,5 % от общей численности работающих в пенсионном возрасте [3, л. 29].

Численность неработающего и не учащегося населения в трудоспособном возрасте снизилась за 1970–1979 гг. в 1,5 раза и составила 1,3 % всего трудоспособного населения против 2,3 % в 1970 г. Более чем в 2 раза уменьшилась в сравнении с 1970 г. численность лиц трудоспособного возраста, занятых в личном подсобном хозяйстве [3, л. 28].

Таким образом, в межпереписной период с 1970 по 1979 г. возрастнoполовая пирамида населения Коми АССР заметно изменилась. Численность и удельный вес детей и подростков (0-15 лет) за эти годы снизились. Зато росло число лиц пенсионного возраста. Средний возраст жителя республики за девять лет увеличился с 27 до 29 лет. В пожилых возрастах мужчин было значительно меньше женщин в связи с большей продолжительностью жизни женщин. Вместе с тем по возрастной структуре население республики продолжало оставаться молодым – в 1979 г. дети и молодёжь в возрасте до 30 лет составляла 56,9 % общей численности населения.

В возрастной структуре населения прослеживаются две «демографические ямы». Среди детской и молодёжной групп выделяются своей малочисленностью возрасты 7-17 лет, что объясняется резким снижением уровня рождаемости в 1960-е гг., а в старшей – 55-59 лет, что связано с людскими потерями в годы Великой Отечественной войны.

В структуре населения трудоспособного возраста в исследуемый период наблюдалась положительная динамика, как за счёт вступления в трудоспособный возраст многочисленного поколения, рождённого в 1950-е гг., так и за счёт роста сальдо внешней миграции. Возрастная структура населения Коми АССР выделялась высоким удельным весом лиц трудоспособного возраста, особенно молодых и средних возрастов, а так же повышенной долей мужчин, чем благоприятно отличалась от центральных регионов и многих областей Европейского Севера. Однако численное преобладание мужского населения, особенно в районах нового промышленного освоения и в ряде сельских районов республики за 1970–1979 гг. стало ещё более заметным, и этот факт отрицательно сказывался на процессе воспроизводства, не способствовал закреплению в республике мигрантов-мужчин.

Источники и литература

1. Национальный архив Республики Коми. Ф. р. - 140. Оп. 2. Д. 10082.
2. Там же. Оп. 4. Д. 483.
3. Там же. Д. 2949.
4. Социально-демографическая характеристика населения Коми АССР. Стат. сборник. – Сыктывкар, 1990. – 62 с.

Истоки демографических проблем моноспециализированных промышленных городов (на примере г. Качканара)

Сложившаяся в нашей стране в последние годы демографическая ситуация характеризуется сложными и неоднозначными процессами в развитии народонаселения. Считается, что эти процессы в известной степени могут подвергаться воздействию – на национальном, федеральном, региональном и локальном уровнях [1]. При этом крайне важно обращаться к решению демографических проблем именно на локальном уровне, в частности, например, на уровне монопромышленного города. Подобные города являются очень уязвимыми, поскольку весь их жизненный цикл зависит от градообразующего предприятия, выполняющего не только сугубо производственные функции, но и являющегося формой организации жизни людей.

Впервые возникнув в России в XI в. [2], моноспециализированные города в конце XVII–XVIII вв. появляются и на Урале как города-заводы. Это характерный для данного региона тип поселений, концентрировавшихся вокруг металлургических и горнодобывающих предприятий. Став в определенной степени традиционными (в силу территориальной экономической и сырьевой специфики), подобные города продолжали строиться и в дореволюционный, и в советский периоды.

Типичным моноспециализированным городом горнопромышленного типа является г. Качканар, возникший на севере Среднего Урала в конце 1950-х гг. благодаря строительству горно-обогатительного комбината (ГОКа). Возведенный на волне массового энтузиазма как комсомольская стройка, комбинат стал градообразующим предприятием и предопределил особенности социально-демографического и социально-профессионального состава населения данного города. Выявление его специфики в исторической ретроспективе позволяет обозначить аналогичные тенденции и проблемы, характерные для молодых моноспециализированных городов на современном этапе развития.

Начальный период строительства (конец 1950-х – начало 1970-х гг.) характеризуется нестабильностью и существенной динамикой темпов роста населения, что связано с направлением на строящийся объект значительного количества молодых людей. Только за период 1957–1959 гг. на стройку прибыло более 8 тыс. чел. в возрасте до 35 лет [3].

Демографическая ситуация стабилизировалась в 1970-е гг. [4]. По сравнению с предыдущим периодом значительно снизились темпы роста населения, людность города в конце 1970-х гг. увеличилась только на 20 %. Изменились источники пополнения жителей города: интенсивная миграция уступила место естественному приросту населения. В город прибывало сравнительно меньшее количество людей. Если в 1973 г. за счет вновь приехавших рост населения составлял 33 %, то уже в 1979 г. – только 1,3 %. В целом, формирование постоянного населения города происходит после 1975 г. С этого времени естественный прирост жителей Качканара составлял в среднем 12,4 ‰, что соответствовало среднеобластным показателям.

Данные процессы обусловили своеобразную возрастную структуру. Качканар длительное время являлся одним из самых “молодых” городов Свердловской области. Удельный вес пенсионеров среди населения был самым низким, а количество вступающих в трудоспособный возраст намного превышало число выбывающих из него. К концу 1980-х гг., при преобладании молодых возрастных когорт, на 25 % уменьшилось количество лиц в возрастной группе от 16 до 34 лет. Выросло общее количество и удельный вес пенсионеров (на 8,6 %). Хотя количество населения вступающего в трудоспособный возраст превышало количество лиц, выходящих из него, наметилась явная тенденция к сокращению разницы между ними. При этом, несмотря на то, что фактическое количество трудовых ресурсов увеличилось на 15,6 %, их удельный вес оставался на прежнем уровне.

По структуре занятости 1970-е гг. отличались высокой трудовой активностью: подавляющее большинство трудоспособного населения города было занято в общественном производстве, свободные трудовые ресурсы составляли всего 1,5 %. Вследствие появления в 1980-е гг. большого количества обучающихся с отрывом от производства, а также увеличения прослойки неработающих, но трудоспособных граждан, к 1988 г. доля жителей, занятых в общественном производстве снизилась до 54 % [5].

Преобладание материального производства в отраслевой структуре хозяйства города обусловило там максимальную концентрацию трудовых ресурсов. В 1970 г. более 90 % жителей Качканара трудилось в сфере материального производства. К середине 1980-х гг. ситуация практически не изменилась: доля занятых в непроектной сфере возросла только на 2 %. Это было естественно в условиях наращивания

---

¹ Мельникова Наталья Викторовна (Екатеринбург) – кандидат исторических наук, ученый секретарь Института истории и археологии УрО РАН.

производственных мощностей комбината, постоянно требующего рабочую силу. Именно на Качканарском ГОКе, как ведущем градообразующем предприятии, было сосредоточено от 88 % всех работников промышленности города в 1970-е гг. до 62 % к концу 1980-х гг. Таким образом, на остальные отрасли – энергетика, производство стройматериалов, пищевая и легкая промышленность – приходилось сравнительно незначительное количество трудящихся. Подобная картина сложилась и в сфере обслуживания. Вследствие значительной концентрации рабочих рук в сфере материального производства и снижению притока трудящихся извне, дополнительные трудовые ресурсы для привлечения в сферу обслуживания практически отсутствовали. Удельный вес работников образования, науки и культуры, здравоохранения и спорта на протяжении 1970–1980-х гг. оставался стабильно низок – в среднем 6,6 %. Кадровые проблемы в этих отраслях хозяйства были обусловлены и психологическими установками: работа на ГОКе представлялась людям более привлекательной, престижной, стабильной, высокооплачиваемой.

Половозрастная и социально-профессиональная ситуация на градообразующем предприятии выглядела следующим образом. На Качканарском ГОКе, как и любом другом горном предприятии, среди работающих преобладал мужской контингент: он составлял до 60 % работников [6]. Данная расстановка сил объясняется тяжелыми и вредными условиями труда, характерными для большинства рабочих мест основного производства. В связи с этим привлечение труда женщин зачастую нежелательно, а в некоторых случаях – запрещено трудовым законодательством.

Большая часть горняков входила в состав достаточно молодых возрастных групп. Однако, если в 1975 г. более половины трудоспособного населения находилась в возрасте до 34 лет, то в 1989 г. средний возраст промышленно-производственных рабочих на комбинате составлял 38 лет [7].

От общей численности промышленно-производственного персонала большинство (79,5 %) работало в основных и вспомогательных цехах, а также в управлении комбината (остальные – в транспортных цехах). В соответствии со спецификой горнодобывающего производства в период 1970–1990-х гг. наибольшую группу среди работников комбината составляли рабочие – в среднем около 81 %. Большинство рабочих имело среднее образование. На рабочих местах, кроме трудящихся со средним и средне-специальным образованием, работало и незначительное количество дипломированных специалистов с высшим образованием. В большинстве случаев это происходило по причинам приема на работу работников с высшим образованием, чья специальность не соответствовала профилю производства, а также в результате отсутствия вакантных должностей [8]. Так, среди рабочих, имеющих среднее и средне-специальное образование, за десятилетие (1980–1990 гг.) рост составил 22 % [9].

На долю инженерно-технических работников и служащих приходилось немногим более 15,5 % [10]. При этом наблюдался некоторый рост группы специалистов и служащих, связанный с возрастанием наукоемкости комбината.

Более половины служащих имели среднее профессиональное образование. А среди ИТР традиционно преобладали работники, получившие высшее и среднее специальное образование. При этом данная группа постоянно росла за счет повышения квалификации и образовательного уровня уже работающих ИТР и приема молодых специалистов с высшим образованием [11].

Определенную долю среди ИТР составляли практики, люди, не имеющие необходимого для инженерно-технического работника образования, либо имеющее образование несоответствующее профилю производства. В большинстве это были специалисты старше 40 лет с богатым трудовым опытом. Руководство комбината заботилось о снижении доли практиков среди работающих на инженерно-технических должностях: они либо направлялись на обучение в вузах и техникумах, либо переводились на такую работу как дежурный по посту, дежурный по станции [12].

В целом, администрация комбината во второй половине 1980-х гг. придерживалась твердой линии – производить назначение на должности инженерно-технических работников, служащих и руководителей только из числа работников, имеющих высшее или среднее специальное образование в соответствии с профилем производства. Вследствие этого удалось снизить количество недостаточно квалифицированных работников. К концу 1980-х гг. на всех руководящих должностях основных производственных цехов и отделов работали специалисты с высшим образованием [13].

Таким образом, современную социально-демографическую и социально-профессиональную ситуацию в городе обуславливают ряд исторических особенностей, сопровождавших становление и развитие г. Качканара как «молодого» моноспециализированного города. Наличие одного градообразующего предприятия (Качканарский ГОК) привело к перераспределению трудовых ресурсов в пользу сферы материального, и, прежде всего, промышленного производства. Тот факт, что город строился методом комсомольской стройки, стал причиной преобладания доли молодых возрастных когорт в населении Качканара. В итоге, и сегодня в силу высокой инерционности демографических процессов там наблюдается довольно низкий удельный вес пенсионеров (что характерно для большинства подобных городов, построенных в послевоенный период), но

при этом, очень актуальна проблема депопуляции населения. В сфере занятости моноспециализация городской экономики предопределила глубокую деформацию со значительными демографическими диспропорциями спроса и предложения рабочей силы и низкой устойчивостью к неблагоприятным воздействиям внешней среды [14].

Источники и литература

1. Александрова И.В. Воспроизводство населения как объект социального управления (На примере монопромышленного города): Дис. ... канд. социол. наук. – Казань, 2005. – С. 4.
2. Крючина Л.И., Тургель И.Д. Тенденции и проблемы формирования системы моногородов России // Чиновник. – 2005. – № 6.
3. Мельникова Н.В., В.Н. Трифионов. Качканарский горно-обогатительный комбинат «Ванадий». Рубежи созидания. – Екатеринбург, 2003. – С. 37.
4. Социально-демографическое исследование трудовых ресурсов Качканарского ГОКа и рекомендации по профориентации / Отдел по труду Свердловского облисполкома. Хозрасчетная консультационная фирма по труду и социальным вопросам «РИНЕКС». – Свердловск, 1989. – С. 8.
5. Там же. – С. 15.
6. Там же. – С. 19.
7. Анимиа Е. Города Среднего Урала. – Свердловск, 1975. – С. 157; Социально-демографическое исследование трудовых ресурсов Качканарского ГОКа ... – С. 20.
8. Архив Качканарского горно-обогатительного комбината (далее – АКГОК). Ф. 26–33 р. Оп. 1. Д. 246. Л. 20; Д. 264. Л. 18; Д. 276. Л. 16; Д. 327. Л. 20; Д. 375. Л. 18; Д. 433. Л. 13; Д. 492. Л. 12; Д. 501. Л. 3; Д. 562. Л. 4, 10; Д. 623. Л. 3.
9. Там же. Д. 330. Л. 151; Д. 623. Л. 2.
10. Подсчитано по: АКГОК. Ф. 26–33 р. Оп. 1. Д. 215. Л. 52; Д. 232. Л. 58; Д. 249. Л. 41; Д. 281. Л. 48; Д. 329. Л. 53; Д. 377. Л. 60; Д. 437. Л. 59; Д. 491. Л. 107; Д. 506. Л. 22; Д. 554. Л. 7; Д. 562. Л. 2; Д. 570. Л. 25; Д. 623. Л. 2.
11. Там же. Д. 233. Л. 267; Д. 433. Л. 3.
12. Там же. Д. 581. Л. 64.
13. Там же. Д. 562. Л. 3.
14. Подробнее см: Тургель И.Д. Моноспециализированный город: теория и практика стратегического управления социально-экономическим развитием. – Екатеринбург, 2001.

Периодизация новейшей миграционной истории России

Для оптимизации процесса изучения миграции населения в длительном временном континууме нами была построена периодизация новейшей миграционной истории Башкортостана, охватывающая XX – начало XXI вв. Первоначальный опубликованный вариант данной периодизации охватывал пять этапов [1]: 1897–1913; 1914–1926; 1927–1958; 1959–1989; 1990 – наст. время.

В большинстве случаев, в качестве границ периодов были приняты даты проведения переписей населения. Кроме того, даже беглый взгляд позволяет оценить, что каждый этап в социально-экономическом плане представляет собой уникальный период, что должно было отразиться и на миграционном процессе.

В целом, в течение всего XX века миграционные перемещения населения на территории Башкирии отвечали общей логике протекания миграционных процессов в стране, в то же время, имея и свои региональные особенности.

Первый этап нашей периодизации охватывает период относительной стабильности и естественности миграционных передвижений – 1897–1913 гг. В эти годы последней попытки аграрной модернизации страны, основой миграционных процессов было крестьянское переселенческое движение центробежного характера. Переселенцы были, прежде всего, выходцами из так называемых «перенаселенных» центральных и западных районов страны и направлялись в Сибирь и Центральную Азию, увлекая за собой население местностей через которые пролегали их пути. В национальном отношении доминирующее большинство мигрантов представлял восточнославянский субстрат – русские, украинцы, белорусы.

Период стабильного переселенческого движения закончился в августе 1914 г., в связи со вступлением России в Первую Мировую войну, когда основной контингент мигрантов стали представлять беженцы. Затем была революция и страшная Гражданская война. Жизнь единого государства висела на волоске. Огромные массы людей из мест, охваченных войной, и прифронтовых областей были вынуждены сниматься с привычных мест обитания. Потом был страшный голод. Именно доминирование стрессовых форм миграции заставили нас выделить этот период в отдельный этап – 1914–1926 гг.

После нормализации обстановки в стране миграционные процессы приобрели новый характер. В условиях жесткой административно-командной системы управления страной, такой мощный инструмент развития страны как миграция был целиком подчинен интересам государства. Основными видами миграции в этот период становятся организованная и принудительная миграции. Достаточно вспомнить выселение раскулаченных семей в Северный Казахстан и Сибирь, переселения «наказанных» народов, оргнаборы на промышленные предприятия и т.п. В этот период происходит размывание этнического портрета всех регионов России и СССР именно благодаря действию миграционного фактора. За точку отсчета мы взяли 1927 год – первый год после проведения переписи населения и год, когда уже с уверенностью можно говорить об окончании восстановительного периода в стране – и довели его рассмотрение до начала 1959 г.

Довольно интересным, но малоизученным, субэтапом миграционной истории страны и Башкортостана является время Великой Отечественной войны. В этот период огромные людские ресурсы страны были задействованы на фронтах войны. В то же время, Башкирия явилась основным регионом-реципиентом эвакуировавшихся из прифронтовых областей СССР промышленных предприятий и их персонала, в последующем значительная часть из которых осталась в местах эвакуации. Говоря о военном времени нельзя забывать и о спецпереселенцах – целых народах, депортированных из мест привычного и традиционного проживания, представители которых попали и в Башкирию.

После войны ситуация вернулась в прежнее русло – миграционные движения опять были подчинены планово-административной системе управления страной. В январе 1959 г. была проведена перепись населения, что является для нас определяющим критерием для выбора этой даты в качестве границы изучаемого периода. Таким образом, третий этап нашей периодизации 1927–1958 гг.

Следующим этапом, выделяемым нами в миграционной истории Башкортостана, является период с 1959 по 1989 г. Это время начала «естественного» миграционного взаимодействия в стране, так как помимо широкого вовлечения в миграцию представителей большинства народов России, в этот период в управлении миграцией начинают доминировать экономико-стимулирующие методы, при сохранении административных. Это время растекания трудовых ресурсов по стране, вызванное в большинстве своем

¹ Кулешов Денис Николаевич (Уфа) – научный сотрудник Института социально-политических и правовых исследований Академии наук Республики Башкортостан.

осознанным выбором индивидом пути его развития из имеющихся альтернатив. Интересно, что в выборе географического направления миграции этнический и культурный фактор практически игнорировался, так как территория СССР мыслилась не только как единое геополитическое пространство, но и как единый дом всех советских национальностей. Такое обстоятельство привело к тому, что в союзных республиках к концу 1980-х гг. сложились крупные анклавы представителей некоренных для этих регионов этносов, в основном квалифицированных специалистов.

Миграционная ситуация изменилась в связи с началом процесса дезинтеграции на советском пространстве. Распад Союза привел к ломке привычных миграционных процессов, так как, прежде всего, они изменили свой статус – прежде внутренние перемещения стали вдруг межгосударственными. Остро встала проблема межэтнических отношений в новообразованных этнократических государствах Центральной Азии, где началось активное притеснение русскоязычного населения, прежде всего русских, что привело к ситуации их массового исхода из региона. В это время основными мотивами миграции стали внеэкономические «выталкивающие», а основной формой – стрессовая миграция.

Приблизительно с середины 1990-х гг. миграционные процессы опять перешли из разряда кризисных в разряд естественных. Так, во многих государствах Центральной Азии «верхи» осознали опасность исхода наиболее квалифицированного, чем автохтоны, русского населения и начали принимать меры по исправлению ситуации. На фоне снижения показателей миграции русскоязычного населения высокими показателями характеризуется активность титульных народов Центральной Азии. С этого времени начинается преобладание в мотивах миграции экономических факторов, что может говорить об относительной стабилизации миграционных процессов в регионе.

Этот факт – смена главенствующего признака миграции со стрессового на экономический – может служить сигналом к окончанию эпохи десятой великой евразийской миграции и начала вступления всей Северной Евразии в эпоху глобального миграционного взаимодействия. Данный период кризиса и начала выправления миграционных процессов мы объединили в один этап, который совпадает с межпереписным периодом 1990–2002 гг.

В начале XXI в. происходит активное включение Башкортостана в новую эпоху протекания миграционных процессов, обусловленную глобализацией мировых хозяйственных связей и ускорением межрегиональной интеграции. Для успешного включения Башкортостана в этот процесс требуется эффективное управление миграционными процессами на региональном уровне, что не возможно без учета исторического опыта. Одной из составляющих такого учета и является выстраивание четкой схемы миграционных процессов и их количественно-качественная характеристика.

В то же время, в ходе выполнения исследования [2], мы убедились, что подобная периодизация являлась лишь рабочим инструментом и после выполнения ею своих гностических функций должна быть модернизирована. В частности стало понятно, что периоды необходимо укрупнить, а всю новейшую миграционную историю России и Башкортостана представить в виде последовательно-сменяющих друг друга моделей. При построении модельного ряда мы руководствовались следующими соображениями.

Во-первых, мы увидели, что весьма значительное изменение в характер миграционных перемещений внесли модернизационные изменения. Изменение экономического уклада жизни страны с аграрного на индустриальный, изменило характер миграционных перемещений, прежде направленных в большинстве случаев по линии «село-село», на доминирование потоков с направлением «село-город» и «город-город». Это послужило критерием к построению первой модели миграции – «аграрной».

Во-вторых, анализ показал, что определяющее значение на миграционные процессы в Советском Союзе оказывала социально-экономическая политика в стране, что вкупе с первой указанной зависимостью определило выделение «советской» и «постсоветской» миграционных моделей. Последняя обусловлена глобализацией мировых хозяйственных связей и ускорением межрегиональной интеграции, а также переходом населения страны из «закрытого», с демографической точки зрения, в «открытое» состояние.

«Советская» модель миграции, в свою очередь, распадается на две четко определяемых составных модели. Первая модель – «советская административно-командная». Для нее было характерно жесткое регулирование состава участников и направления миграционных потоков («миграция для государства») и реализация, прежде всего, государственных миграционных планов (индустриализация), при игнорировании, нередко переходящее в попрание, личных устремлений мигранта (коллективизация и раскулачивание, «наказанные» народы). Вторая – «советская экономическая модель», при которой определяющее значение в регулировании миграции играли экономические мотивы осуществления миграционного акта. С предыдущей моделью ее роднит, то, что направления миграционных потоков продолжали определяться государством (места промышленного освоения). В свою очередь государство определяло и плотность большинства миграционных потоков за счет материальных и нематериальных предпочтений.

Обозначенные в рабочей периодизации «стрессовые» этапы и субэтапы: 1914–1926, 1941–1945 и 1990–2002 гг. отлично вписываются в приведенные модели миграции. Период Первой мировой и Гражданской войн не изменил доминирующего характера миграционных перемещений (аграрного) отразившись только на скорости и условиях принятия решения о миграции (стрессовость). Поэтому мы смело отнесли этот этап к «аграрной» модели. Великая Отечественная война несомненно относится к «административно-командной модели», а третий этап вписывается в «постсоветскую глобализованную» систему. Тем не менее, нельзя не заметить, что периоды стрессовой миграции предваряли процесс перехода от одной модели миграции к другой.

Хронологически представленные четыре модели укладываются в приведенный ниже временной ряд. В качестве границ этапов нами сознательно были определены даты переписей населения, на это повлиял тот факт, что советская статистика оставила после себя очень скудную текущую статистику, а перепись дает какую-никакую информацию о межпереписном периоде.

«Аграрная» модель миграции (конец XIX – середина 1920-х гг.) 1897–1926 гг.

«Советская административно-командная» (период правления И.В. Сталина) 1927–1959 гг.

«Советская экономическая» – 1960–1989 гг.

«Постсоветская глобализованная» модель миграции – 1990 г. – наст. время.

Данная классификация имеет, на наш взгляд, универсальный характер, так как относится к территории Северной Евразии в целом и имеет большой познавательный потенциал, так как позволяет проводить сравнительный региональный анализ.

Источники и литература

1. Кулешов Д.Н. Периодизация новейшей миграционной истории Башкортостана // Вестник ВЭГУ: Науч. журнал. – Уфа: Восточный ун-т, 2008. – № 6 (38): История. – С. 112–118.
2. Кулешов Д.Н. Миграционные процессы в Башкирии в первой половине XX века. – Уфа: Хан, 2009. – 87 с.

Демографическая динамика города Астаны: история и перспективы

Начать наш разговор мне бы хотелось с классификации городов Казахстана. В первую группу необходимо включить средневековые города, которые можно обозначить как «города Великого Шелкового пути» (VI–XVII вв.). Вторую группу составляют города колониального Казахстана (XVIII – начало XX в.). В третью входят города советского Казахстана (1917–1991 гг.). И замыкает данную систематику группа городов независимого Казахстана, которая объединяет все три вышеназванные.

Средневековые города обязаны своим возникновением развитию транзитной торговли и/или внешне-политическим событиям. Например, история таких городов как Отрар, Сыгнак, Сайрам, Туркестан, Тараз, Талгар, Кулан и других полностью отвечают этой характеристике.

Вторая группа включает города крепости, возникшие в процессе присоединения региона к Российской империи в XVIII – начале XX в. Города Семипалатинск (1718), Усть-Каменогорск (1720), Петропавловск (1745), Кокчетав (1824), Акмолинск (1832), Атбасар (1848), Верный (1854) и другие своим возникновением обязаны военно-политическим кампаниям, проводимым правительством империи в отношении вновь присоединенных территорий. Кроме того, сюда можно отнести города, возведенные Кокандским ханством на р. Сыр-Дарье в XIX в. Например, в период правления Омар-хана (1809–1822) была построена крепость Ак-Мечеть (современная Кызыл-Орда), а также ряд более мелких городов, таких как Жана-Курган, Жулек, Кумыш-Курган, Чим-Курган и др.

Третья группа объединяет города, возникшие в годы советской власти как продолжение социально-экономических и политических преобразований в стране в целом. Это города-спутники, «города одной компании», как это принято называть в зарубежной историографии. Например, Балхаш, Темиртау, Степногорск, Курчатов, Ленинск (Байконур) и др.

История г. Астаны, объединив в себе колониальный, советский и постсоветский период, сегодня слишком стремительно лишается двух своих первоначальных контекстов. Новый город не строился на абсолютно новом месте, он обновлялся и достраивался. Однако первые два периода постепенно затухают и уходят на второй план.

Если опустить древнейший период, о котором сохранились археологические находки каменных орудий в верховьях Ишима и среднем течении Сарысу, ответ на вопрос с какого года начинается история заселения территории, на которой находится Астана, на первый взгляд, очевиден – с 1832. При этом далеко не все знают, что в средневековых письменных источниках упоминается городище «Бузук». Впервые на нем в 1816 г. побывал русский геолог Иван Шангин. Он обследовал долины рек Нура и Ишим, позже записав в своем дневнике, что на берегу озера Бузук находятся развалины, возможно остатки бывшего поселения. Этот дневник был опубликован в 1820 г. в «Сибирском вестнике». По легенде Бузук переводится как «Восток».

Бузук – памятник средневековья, который относится к X–XII вв. нашей эры. Время было определено по характеру кирпича, который нашли на поверхности еще до раскопок – по его формату, технологии изготовления, температуре обжига. Сначала найденное городище археологи назвали Акжол, потом удалось установить его средневековое название – Бузук.

Археологические раскопки Бузука начал доктор исторических наук, профессор, всемирно известный археолог Кемаль Акишевич Акишев. Сегодня лабораторию археологических реконструкций при ЕНУ имени Л.Н. Гумилева возглавляет к.и.н., археолог Марал Галымжановна Хабдуллина.

Городище «Бузук» сохранилось, прежде всего, благодаря тому, что оно оказалось среди болот. Оно находится в низине левобережной долины реки Ишим, в центре не только казахстанских, а можно сказать Восточно-Евразийских или Азиатских степей. На месте где пересекаются как меридиональные торговые пути, так и широтные.

Памятник небольшой по размеру. Он стоит на восточном берегу озера Бузукты, занимая небольшой останец. Его площадь составляет 30 га, рядом с обнаруженными руинами находятся остатки ирригационных сооружений. Становится ясно, что жители этого городища занимались не только скотоводством, но и земледелием.

Археологам удалось установить точное расположение башни минарета. В соответствии с традициями центрально-азиатского строительного искусства, она имела три пояса украшения. По религиозным представлениям того времени это символизировало три части света: небо, землю и подземное царство.

---

¹ Ковальская Светлана Ивановна (Астана, Казахстан) – доктор исторических наук, профессор Евразийского национального университета имени Л.Н.Гумилева.

Как считают специалисты, полученные данные позволяют сделать вывод о том, что город «Бузук» в X–XII вв. был военной ставкой или летней резиденцией одного из предводителей кыпчакских племен. По результатам раскопок можно предположить, что в городище жили мастера, которые умели сооружать кирпичеобжигательные печи, знали, как заготавливать и сушить глину. Способны были возводить довольно сложные культовые сооружения. Таким образом, современные археологические исследования подтверждают тот факт, что историческая копка столицы насчитывает не одно столетие. При этом, до сих пор окончательно не решен вопрос об особом статусе и режиме посещения памятника Бузук.

В течение многих лет, работая со студентами различных специальностей, я пытаюсь выявить коренных жителей Астаны в третьем или хотя бы во втором поколении. Это совсем не так просто. Таких семей единицы. А все потому, что город наш формировался за счет постоянного перераспределения сельского населения и временного пребывания в городе основной его части. На время учебы или работы, например. Эти потоки совпадали с теми кампаниями, которые проводило правительство в ту или иную изучаемую эпоху. Как только статус города повышался, приток населения усиливался, вслед за ним следовал существенный спад и так периодически на всем протяжении истории города.

Вопрос об изменении статуса нашего города возникал периодически. Так, еще в XIX в. впервые ставился вопрос о переносе из Омска в Акмолинск резиденции Западно-Сибирского генерал-губернатора и пограничного управления. Однако сам генерал-губернатор А.О. Дюгамель, известный своим критическим отношением к имперской политике в Средней Азии, не поддержал этот проект. Он был сторонником того, чтобы Омск оставался административным центром не только Западной Сибири, но и Степного края. Его аргументированная позиция во многом способствовала тому, что статус Западно-Сибирского генерал-губернаторства был продлен почти на 20 лет и упразднен только в 1882 г.

Динамика населения города Акмолинска выглядела следующим образом: в 1832 г. в Акмолинской крепости проживало 313 жителей [1]. В основном это были военные, силами которых и была построена крепость, офицеры, урядники, казаки и солдаты. Постепенно к общему числу жителей добавились чиновники гражданских ведомств и окружной администрации. К 1890 г. в Акмолинске насчитывалось 5640 чел. [2]. По сути, Акмолинск являлся третьим городом по количеству жителей в Акмолинской области начала XX в. после Омска и Петропавловска.

В 1903 г. население города составляло более 8 тысяч, которое на тот период преимущественно состояло из казаков, мещан и казахов [3]. В 1907 г. население уже составило 11493 [4]. На 1 января 1909 г. население г. Акмолинска насчитывало 6989 душ мужского и 7304 женского пола, всего – 14293 чел. Из них дворян – 94, православного духовенства – 11, магометанского духовенства – 5, почетных граждан – 33, купцов – 93, мещан – 3201, крестьян – 1655, военных – 442, казахов – 7491, остальных – 227, православных – 6064, евреев – 152, магометан – 7535 чел. [5]. Мы видим, как усложняется социальный состав населения города, отражая динамику развития производственно-промышленной и социально-культурной сферы города. Относительно быстрый рост населения был обусловлен как активизацией переселенческого движения в казахскую степь, так и проникновением российского торгового капитала в регион.

Шанс стать столичным городом впервые был дан Акмолинску в 20-е гг. XX в., когда в связи с национально-территориальным размежеванием 1924 г. встал вопрос, куда переедет столица КазАССР из Оренбурга. Было предложено три варианта – Актюбинск, Акмолинск и Ак-Мечеть. Выбор пал на Ак-Мечеть, получившей в последствии название Кызыл-Орда. В октябре 1939 г. Акмолинск стал административным центром одноименной области, чему во многом способствовало развитие железнодорожного транспорта.

В 1954 г. в Приишимье началось активное освоение земель, что позволило получить небывалый урожай – 221 100 тыс. пудов хлеба. С целью улучшения управления целинными областями 26 декабря 1960 г. был образован Целинный край, административным центром которого стал г. Акмолинск, с населением около 100 тыс. жителей. В 1961 г. Акмолинск был переименован в Целиноград. Целина имела огромный урбанизационный эффект, что нашло отражение и в истории нашего города. В 1963 г. население Целинограда уже составило 140 тыс. чел., что превышало численность населения в 1939 г. в 4 раза. В этом же году был утвержден генплан развития города Целинограда. В основу генплана была положена поточно-функциональная схема развития города, созданная архитектором Н. Милютиным еще в 1930 г.

Постановление Совета Министров СССР о развитии Целинограда, ознаменовало начало строительства новых объектов. Так в Целинограде были возведены здания вузов, крупных промышленных предприятий, медицинских учреждений. Весьма показательна следующая статистика: **в 60-е гг. в СССР было открыто 11 вузов. Из них 7 – в Казахстане, из них 4 – в Целинограде.** Т.е. все ведущие вузы современной Астаны (Аграрная академия им. С.Сейфуллина – Сельскохозяйственный институт, Медицинская Академия – медицинский институт, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева – образован при слиянии Целиноградского педагогического института им. С.Сейфуллина и Целиноградского инженерно-строительного института) своим образованием обязаны целинной кампанией.

С упразднением в 1971 г. Целинного края Целиноград стал областным центром. В 1979 г. в Целинограде имели место события, связанные с попытками властей образовать немецкую автономию с центром в Ерейментау. До сих пор данное событие не получило должного анализа в научной литературе.

В 1992 г. город был назван Акмолой. Таким образом, были определены основные приоритеты как в области нациестроительства, так и во всех сопутствующих этому направлениях.

Решение о переносе столицы на север республики Н.А. Назарбаев принял в день своего 54-летия – 6 июля 1994 г. 10 декабря 1997 г. город был официально объявлен новой столицей Казахстана. В 1998 г., после того как перенос столицы из Алматы в Акмолу был полностью завершён, 6 мая 1998 г. столица была переименована в Астану, что с казахского дословно означает «столица». Международная презентация Астаны, в качестве новой столицы, состоялась 10-го июня 1998 г. В 1999 решением ЮНЕСКО Астане было присвоено звание Города Мира.

Естественно, что последний массовый приток связан с переносом столицы. Когда в город хлынул поток не только организованной части мигрантов первой и последующих волн, но и стихийный приток населения из всех регионов Казахстана и ближнего зарубежья. И пока этот «городской котел» переварит всех в одно целое, потребуется значительное время.

Астана стала самым быстро развивающимся городом Казахстана по темпам урбанизации и прироста населения. Население города составило на май 2005 г. 537 тыс. чел. В 2008 г. численность населения столицы превысила 633,7 тыс. чел. Таким образом, за 10 лет с момента переноса столицы население города увеличилось в три раза, при этом Астана остается вторым по численности городом в Казахстане после Алматы.

На 1 января 2009 г. численность населения города Астаны составила 639,6 тыс. чел. Таким образом, мы наблюдаем устойчивый темп роста населения столицы: с 2002 г. численность населения города возросла более чем на 100 тыс. чел. [6]. И это только официальные данные.

К концу 2010 г. ожидается увеличение численности горожан до 1 млн. чел. Между тем, по первоначальному замыслу, этой цифры Астана должна была достигнуть только к 2020 г. В мировой практике стабильный миграционный прирост столичных городов не более 2%. В среднем республиканский показатель миграционного роста составляет 0,3%. При этом в среднем в год до 40 тысяч человек обретают статус столичного жителя, что составляет 6% от общего числа горожан. Цифры говорят сами за себя.

Планировать потребности столичных жителей и их удовлетворение на ежегодную перспективу наиболее реально при показателе менее чем в 2% среднегодового миграционного прироста. Возможности государства контролировать процесс развития городов всегда ограничен его собственными ресурсами, административное принуждение не всегда давало желаемые результаты даже в годы советского тоталитаризма. На всех этапах развития нашего города элементы аульной или деревенской жизни переплетались с городскими. Аграризация города в результате все усиливающейся внутри республиканской миграции только усиливается. Можно сказать, что сегодняшнее городское население имеет достаточно укорененный аграрный менталитет. К его признакам можно отнести стабильную приоритетность продовольственного самообеспечения, поддержку семьи и рода, негативное восприятие социального неравенства, куплю-продажу земли и т.д. Слабость урбанизации в целом обусловила формирование особого образа жизни в крупных городах, которую мы берем на себя смелость назвать рабадизацией страны (по аналогии со «слободизацией», которую А.С. Ахиезер характеризует как «отрицание цивилизации» – жители таких анклавов всегда готовы к сносу, перемещению, изгнанию) [7].

Из множества определений города можно выбрать несколько. Например, город – это архитектурная организация пространства, которая, безусловно, влияет на формирование горожан; город – это социальный институт, связывающий различные субкультуры, различные общности людей. Город – это центр административной, политической, торговой, культурной жизни. Городская среда – это, прежде всего, место жизни людей, она играет существенную роль в отношениях между людьми, и за последнее время именно в этом контексте возникло множество трудностей, которые должны стать предметом рассмотрения исследователей культуры города, городского образа жизни. Одна из таких проблем – это проблема толерантности, которая неизбежно возникает в любом крупном городе. Для Астаны это особенно актуально. Постоянная смена населения практически не выработала традиций городской жизни у большей его части, как это не парадоксально. Отсюда наша периферийность, чувство ее вечного и повсеместного присутствия. Толерантность – это, в том числе, отсутствие межпоколенных претензий друг к другу среди самих астанчан – позавчерашних Акмолинцев, вчерашних Целиноградцев.

Помимо прочего, историко-культурное пространство формирует наше социальное сознание. Очевидное стремление освободиться от всего колониального и советского в итоге привело, на наш взгляд, к утрате репрезентативных возможностей «старой» Астаны. Интересно, что местные художники, которые родились и выросли в Астане, продолжают делать свои выставки с рисунками старого, давно утраченного пространства.

Молодежь, которая посещает эти выставки, удивляется потому, что они не просто НЕ УЗНАЮТ эти места, они их просто НЕ ЗНАЮТ. Увы, не историческая значимость определяет архитектурные приоритеты.

Свойства памяти делают ее ненадежным свидетелем, но верным союзником, позволяя нам вспоминать то, что произошло, додумывать то, что могло произойти, и сочинять то, что должно было произойти. Воспоминания настолько отражают прошлое, насколько в этом прошлом нуждается настоящее. А настоящее нашего города – оно совершенно другое и практически не нуждается в воспоминаниях. Все в движении и в процессе, а потому воспоминаний еще практически и нет, они еще только-только создаются.

Источники и литература

1. Алпысбаева Г. Периодизация новой и новейшей истории Астаны в контексте качественных параметров развития города - <http://www.ia-centr.ru/expert/1790>
2. Памятная книжка. Адрес-календарь Акмолинской области на 1909 год // Астана. История столицы и края XIV–XIX вв. – Астана: Фолиант, 2006. – С.168.
3. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. – СПб, 1903. – Т. 18. – С. 360.
4. Памятная книжка. Адрес-календарь Акмолинской области на 1909 год // Астана. История столицы и края XIV–XIX вв. – Астана: Фолиант, 2006. – С.168.
5. Памятная книжка. Адрес-календарь Акмолинской области на 1909 год // Астана. История столицы и края XIV–XIX вв. – Астана: Фолиант, 2006. – С. 226.
6. http://www.curs.kz/about_city/demograf/
7. Ахиезер А.С. Диалектика урбанизации и миграции в России // Общественные науки и современность. – 2000. – № 1. – С. 78-90, 84, 86.

Похозяйственные книги Советов местного самоуправления как источник для изучения этнодемографических процессов в современном селе (пример с. Старое Суркино Республики Татарстан)²

Похозяйственные книги являются одним из основных и обязательных документов по учету наличного населения и хозяйств в сельской местности. Они сосредоточены в Советах местных самоуправлений (ранее – сельские Советы), меняются каждые четыре года и хранятся вечно. В похозяйственные книги на разворот из двух страниц заносится информация на каждое хозяйство и всех членов семьи: на первой странице в первой колонке – фамилия, имя, отчество главы семьи, год его рождения, национальность, образование, место работы и должность; в остальных колонках – в той же последовательности информация о каждом члене семьи с указанием его родственного отношения к главе семьи (жена, мать, отец, дочь, сын, сноха, внук, брат и т.п.). В эту часть похозяйственных книг заносятся все изменения, которые происходят с людьми за те четыре года, в течение которых похозяйственные книги являются действующими: переезды членов семьи; изменение их семейного состояния; смена места работы; изменение квалификации, профессии или должности; выход на пенсию; рождение новых членов семьи; смерть; переход школьников в следующие классы и т.д. Вторая страница разворота содержит основную информацию на жилой дом, занимаемый этой семьей и хозяйство: площадь жилого дома и год его строительства, наличие хозяйственных построек (сарай, баня и т.д.), наличие и количество крупного и мелкого рогатого скота и птицы, размер приусадебного участка, количество на нем плодовых деревьев.

При условии аккуратного заполнения похозяйственных книг и должного их хранения этот источник содержит уникальную исчерпывающую информацию, помогающую изучать хозяйство и население сельского населенного пункта, создавать его микроисторию и анализировать современные процессы. То обстоятельство, что похозяйственные книги по структуре достаточно консервативны и не меняются в течение десятилетий, позволяет проследить динамику этнодемографических и этносоциальных процессов, восстановить историю семей в течение нескольких поколений.

В данном сообщении показаны возможности использования материалов похозяйственных книг на примере села Старое Суркино Альметьевского района Республики Татарстан (юго-восточный регион).

Старое Суркино населено потомками чувашей-язычников, переселившихся, согласно существующей легенде, в XVI в. с правобережья Волги. Основная причина миграции – бегство от насильственного крещения, широко развернувшегося в Среднем Поволжье после аннексии Казанского ханства. И по сей день большинство населения Старого Суркино – чуваше, относящие себя к язычникам. Особенно устойчиво языческие верования сохраняются и проявляются в семейной и общественной обрядности [1].

Согласно данным похозяйственных книг за последнее десятилетие, количество хозяйств и численность населения с.Ст.Суркино имели тенденцию к росту. Так, если в 2000 г. в селе насчитывалось 280 хозяйств, в которых было зарегистрировано 830 чел., то в 2008 г. – 371 хозяйство и 1178 чел. Основная их масса – чуваше по национальности, соответственно, почти 95 % семей – это мононациональные чувашские семьи. В селе проживает несколько приезжих русских и татарских семей; около 5 % семей составляют межэтнические брачные пары. В большинстве последних мужья – из местного чувашского населения, а жены – русские, марийки, мордовки. Работающее население занято преимущественно сельскохозяйственным трудом в агрофирме (бывший колхоз, основное направление – зерновое хозяйство) и на нефтяных промыслах.

Структура семей по родственным отношениям разнообразна. В общей массе преобладают простые нуклеарные семьи по типу муж+жена+дети, их доля составляет около 33% всех семей населенного пункта. Традиционно для российского села значительны количество и доля одиночек, как женщин (около 14%), так и мужчин (около 18,5 %). Брачные пары без детей (это, по преимуществу, пенсионеры, дети которых выделились в самостоятельные хозяйства) составляют 8,5 % всех семей села. Такую же долю составляют неполные семьи, состоящие из женщин с детьми; несколько семей (около 2,5 %) – семьи, состоящие из мужчин с детьми. В целом доля простых семей в Ст.Суркино составляет почти 84 %.

Сложные семьи села представлены семейными коллективами, как с родственниками мужа, так и с родственниками жены. Самые распространенные среди сложных семей – варианты по типам

¹ Столярова Гузель Рафаиловна (Казань) – доктор исторических наук, профессор кафедры этнографии и археологии Казанского государственного университета. E-mail: guzelstol@mail.ru

² Подготовлено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 09-01-29102а/В «Чуваше-язычники Республики Татарстан: идентичность, современные трансформации и факторы адаптации в полиэтничном регионе».

муж+жена+дети+мать мужа (26% от числа всех сложных семей) и муж+жена+дети+родители мужа (21 %). Кроме этих родственников, в семьях совместно с брачной парой проживают родители жены (или один из них), братья и сестры мужа и жены (в отдельных случаях со своими супругами), бабушки мужа или жены, внуки. Судя по всему, патриархальные нормы, которым, по словам информаторов, 20-30 лет назад еще старались следовать и по которым в семье, кроме брачной пары, проживали только родственники мужа, сейчас забыты, и формы общежития (в том числе, совместное проживание родственников) зависит не от традиции, а от других обстоятельств.

Проживание в одной семье родственников различной степени родства формирует поколенный состав семьи. Большинство семей в с. Ст. Суркино представлено двухпоколенными семьями – около 48 % от числа всех семей. Это простые семьи в вариантах муж+жена+дети, мать+дети, отец+дети, а также сложные семьи по типу муж+жена+родители мужа или жены (или один из них). Семьи в вариантах муж+жена, муж (жена)+братья (сестры), а также семьи одиночек (мужчин и женщин) образуют однопоколенные семьи; таковых в Ст.Суркино около 43 %. Остальные семьи трехпоколенные: в одной семье представлены младшее поколение (дети), среднее поколение (родители) и старшее поколение (бабушки и дедушки); подобные семьи в большинстве своем неполные в старшем поколении, встречаются также неполные в среднем поколении. Четырехпоколенных семей в Ст.Суркино не отмечено.

Похозяйственные книги дают исчерпывающую информацию еще по двум взаимосвязанным демографическим показателям: людности (общее количество членов семьи) и детности (количество в семье детей). Людность семей в с. Ст.Суркино находится в диапазоне от 1 до 8 членов и распределяется следующим образом: семьи с 1 членом – 28,7 %; с 2-мя – 15,9 %; с 3-мя – 13,6 %; с 4-мя – 19,6 %; с 5-ю – 10,6 %; с 6-ю – 7,6 %; с 7-ю – 2,6 %; с 8-ю – 1,4 %. Что касается детности, то в настоящее время преобладающими в с.Ст.Суркино являются одно-, двухдетные семьи – соответственно, 40 % и 38,9 % от всех семей, имеющих детей. В каждой шестой-седьмой семье имеется трое детей. Многодетные же семьи сегодня редкость: в шести семьях имеется по четыре ребенка, в двух – по пять и в одной семье – шесть детей.

При обработке данных похозяйственных книг можно получить представление о распределении главенства в семьях, поскольку заполнение данных на членов семьи начинается с главы семьи. Строго говоря, первым среди членов семьи в похозяйственных книгах фигурирует не глава, а тот, на ком записано хозяйство. Но опросы населения показывают, что эти две категории – «владелец хозяйства» и «глава семьи» – как правило, совпадают. Полученные материалы свидетельствуют о том, что институт главенства в сельской местности – достаточно устойчивое явление, к тому же продолжающее существовать в традиционных формах. Чаще всего главой семьи является старший мужчина, в том числе, в сложных семьях, где совместно с родителями проживает их женатый сын. При отсутствии старшего мужчины главой часто записывается старшая женщина, в том числе, при женатом сыне или зяте.

Наш объект – чуваш-язычники с.Ст.Суркино – позволяет рассмотреть такой, довольно редко встречающийся в научных работах сюжет, как имена собственные. Данные, внесенные в похозяйственные книги, содержат информацию о личном имени каждого жителя села и имени его отца (фиксированное в отчестве). Все имена, как мужские, так и женские, явственно распадаются на три группы.

В первую группу имен (назовем их «обычные», или «широко распространенные») входят имена, которыми называют детей повсюду в России, независимо от места жительства и национальности. Известно, что на эти имена существует определенная мода, и в отдельные периоды преобладает тот или иной набор имен. В Ст.Суркино в эту группу входят следующие мужские имена: Александр, Артур, Анатолий, Альберт, Алексей, Борис, Владимир, Владислав, Вадим, Валерий, Виктор, Виталий, Валентин, Георгий, Геннадий, Григорий, Дмитрий, Егор, Евгений, Иван, Леонид, Михаил, Николай, Олег, Петр, Родион, Семен, Степан, Stanisлав, Тимофей, Федор, Федот, Эдуард, Юрий. Среди женских имен этой группы – Анна, Алина, Алевтина, Анастасия, Антонида, Виктория, Валерия, Валентина, Вера, Вероника, Галина, Дарья, Елена, Елизавета, Екатерина, Зинаида, Ирина, Клавдия, Людмила, Лидия, Любовь, Марина, Маргарита, Наталья, Надежда, Ольга, Оксана, Раиса, Роза, Светлана, Софья, Татьяна, Тамара, Таисия, Юлия. Большинство жителей с.Ст.Суркино носят имена из этой группы.

Во вторую группу имен мы включили редко встречающиеся имена русского и иностранного происхождения, а также эксклюзивные имена, которые придуманы самими жителями. Как правило, эти имена принадлежат либо очень пожилым, либо совсем юным суркинцам. Все они по национальности чуваш. Среди мужских имен это – Алан (1997 г.р.), Владлен (1998), Викентий (1975), Кристиан (1997), Стивен (1999), Эмиль (1998), Элан (1997), Эрнс (1965); среди женских имен отмечены Аксения (1907), Аэнна (1968), Ангелина (2000), Алена (1994), Василина (1981), Гита (1982), Земфира (1999), Инда (1972), Инга (1992), Инига (1995), Ианта (1999), Илона (1983), Кристина (1995), Каролина (2005), Карина (1995), Лира (1982), Матрена (1912), Пелагея (1947), Сарра (1917), Элли (1971), Эллина (1975).

Наконец, третью группу составляют традиционные чувашские имена, которые, по словам лингвистов, представляют самостоятельный этноисторический источник. Среди мужских имен это – Ванюрка (1926 г.р.), Ванька (1930, 1937), Давлетбай (1938), Енжей (1932), Еливан (1937), Едифан (1933), Еливан (1933), Иркун (1926), Илюха (1935), Иркабай (1930), Сатыбал (1926, 1933), Симуха (1935), Тимай (1941), Тудимир (1929), Ухливан (1925), Ухунь (1926), Хундир (1926). Не менее широк набор традиционных чувашских женских имен: Альбике (1933), Алмабике (1933), Енеслу (1911), Енчеслу (1925), Кспике (1924, 1928, 1929, 1934), Минзифа (1924, 1925), Минслу (1912, 1915, 1924), Майслу (1924, 1931), Милерби (1930), Милербий (1927), Минкамал (1937, 1938, 1942), Минямо (1930, 1940), Майбике (1917), Мойбике (1934), Майреби (1930), Минзлу (1912), Минеки (1921), Миняслу (1936), Нарспи (1933, 1947), Панерби (1932, 1946), Сайра (1925), Сарбиге (1932), Сервери (1915, 1938, 1940), Сердеби (1925, 1927), Сенеслу (1924), Сарпиге (1931), Сайреби (1940), Тевлетбике (1919), Тверби (1928), Теветли (1934), Тикесь (1930), Ульдеби (1910), Хрбиге (1909), Хэрдюк (1932), Чиаслу (1919, 1923), Эльбике (1934, 1936).

Отчества у ныне живущих в С.Суркино людей дают возможность представить мужские имена предшествующего поколения. Особый интерес в этом списке представляют традиционные чувашские имена, среди которых находим следующие: Алтынбай, Айдимир, Абдрахим, Авксентий, Ахмадулла, Байрамбай, Биктимир, Васянка, Вастиряк, Валендей, Вондиряк, Вазингин, Ванюха, Ванюша, Давлетбай, Енжей, Ендимир, Етрем, Едифан, Елисей, Енух, Еливан, Емендей, Етриван, Едиван, Ильдиряк, Исмук, Ильтемир, Иркабай, Ильмаир, Илтифат, Иркей, Илендей, Милибай, Миликей, Мимебай, Минюх, Милликей, Питриван, Пидул, Падирык, Саврандей, Стюх, Сатыбал, Сидир, Савдинг, Сандиряк, Симух, Сидимир, Савдир, Савдий, Сидир, Савдиряк, Саймархан, Симук, Совнел, Сандимир, Сальдиван, Ситриван, Савдимир, Таймурза, Тудимир, Тимирбай, Тимиркей, Тудир, Ульдир, Утриван, Ульдиван, Угандей, Угодя, Ульдий, Угадер, Ухтияр, Ухун, Ухливан, Хундиряк, Хундир, Хунтемир, Хузанбай, Хазанбай, Хунтемир, Хундиряк, Юльтемир, Юльтемир, Янастик.

Как видно из приведенных имен, некоторые из них имеют аналоги с современными формами: например, Ванюрка, Ванька, Ванюха, Ванюша – с современным именем Иван, или Илюха – с Ильей. Но старые имена вписаны у владельцев в паспорта и представляются они именно так, хотя их дети записаны на новый лад – Ивановичи и Ильичи. Достаточно популярны у чувашей Ст.Суркино татарские имена. Это, например, мужские имена с окончанием на *-бай*, большинство из которых у татар ныне вышло из употребления: Алтынбай (*тат.* алтын – золото), Байрамбай (*тат.* байрам – праздник), Давлетбай, Тимирбай и Тимирбай (*тат.* тимер – железо), Иркабай и др.; или женские имена, начинающиеся с *Мин-*: Минзифа, Минслу, Майслу, Минкамал, Минямо, Минзлу, Минеки, Миняслу (по существующему в Ст.Суркино поверью, именами, начинающимися с *Мин-* называли девочек, родившихся с красным родимым пятном). Чувашское население Ст.Суркино издавна проживает в окружении татар и заимствования наблюдаются во всех сферах – языковой, культурно-бытовой, конфессиональной (часть местных чувашей еще в XVIII в. приняла ислам и их потомки, правда, весьма формально считаются мусульманами).

Указанными аспектами не исчерпываются возможности использования материалов похозяйственных книг. Имеющиеся данные позволяют изучить половозрастную структуру населения, уровень образования, социально-профессиональный состав и социальную мобильность (как внутрипоколенную, так и межпоколенную), структурные особенности неполных семей и др. Эти вопросы нередко становятся предметом исследований, в которых используются как источник похозяйственные книги [2].

Источники и литература

1. Подробнее см.: Столярова Г.Р. История формирования и обрядность чувашей-язычников Татарстана // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 2. – С. 96-115.
2. Пример полного и подробного анализа данных похозяйственных книг: Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Зорина Л.И. Русская сельская семья Чувашской АССР. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1980.

Демографическая ситуация в Республике Коми

Республика Коми – обширный, но слабо заселенный регион на северо-востоке европейской части России с многонациональным населением, сформировавшимся, главным образом, в середине XX столетия. В последние десятилетия XX в. в демографическом развитии Коми, как и Севера в целом, наметились тревожные тенденции, связанные с депопуляцией. Анализ историко-демографического развития региона, осуществляемый совместными усилиями историков и демографов, имеет сегодня важное значение не только для исторической и демографической науки, но и для поиска путей решения дальнейшей судьбы всего огромного Севера России. Необходима разработка новых концептуальных подходов к демографическому развитию Севера, учитывавших бы, помимо всего прочего, и исторический опыт проживания человека в этом регионе.

Население Республики Коми, как и всего Российского Севера, во многом сформировалось за счет миграции. Благодаря притоку населения Коми край из окраины Российской империи превратился в промышленно развитый регион. За один век миграции внесли существенные изменения во все структуры населения: половые, возрастные, брачные, этнические и т.д. Но особенно существенному изменению подверглась система расселения населения. Здесь достаточно привести такие цифры: по переписи населения 1897 г. городское население Коми края составляло 3 %, а сегодня 76 %. Аналогичная картина и в других северных субъектах. Так, доля городского населения по Северу России составляет 78,6 %, в том числе по Европейскому Северу 78,4 % и по Азиатскому Северу 78,9 % (2007 г.).

Представленные в табл. 1 данные свидетельствуют, что население Коми края за 110 лет увеличилось на 804 тыс. чел. или в 5,7 раза. Подробное описание динамики населения Республики Коми в XX в. представлено в ряде работ [Фаузер, 1993; Жеребцов, Фаузер, 2000; Сквозников, Жеребцов, Фаузер, Безносова, 2001; Фаузер, Рожкин, Загайнова, 2001; Жеребцов, Фаузер, Рожкин, Вишнякова, 2005; Безносова, Вишнякова, Жеребцов, Игнатова, Рожкин, Шабаетов, 2006; Фаузер, 2007].

Таблица 1

*Динамика численности населения Республики Коми за 1897–2007 гг.,
[Статистический ежегодник, 2007, с. 36]*

Год	Все население, тыс. чел.	В том числе		В общей численности населения, %		Год	Все население, тыс. чел.	В том числе		В общей численности населения, %	
		городское	сельское	городское	сельское			городское	сельское	городское	сельское
1897	171	5	166	3	97	1996	1133	852	281	75	25
1926	225	10	215	4	96	1997	1116	841	275	75	25
1939	319	29	290	9	91	1998	1096	826	270	75	25
1959	816	484	332	59	41	1999	1078	813	265	75	25
1970	967	598	369	62	38	2000	1058	798	260	75	25
1975	1023	685	338	67	33	2001	1043	785	258	75	25
1979	1110	786	324	71	29	2002	1019	767	252	75	25
1980	1121	800	321	71	29	2003	1016	765	251	75	25
1985	1196	883	313	74	26	2004	1006	757	249	75	25
1989	1251	944	307	75	25	2005	996	752	244	75	25
1991	1240	943	297	76	24	2006	985	744	241	76	24
1995	1157	874	283	76	24	2007	975	737	237	76	24

Примечание. Данные приведены: 1897 г. – по первой всеобщей переписи населения на 9 февраля; 1926 г. – по переписи на 17 декабря; 1939 и 1979 гг. – по переписи на 17 января; 1959 и 1970 гг. – по переписи на 15 января; 1989 г. – по переписи на 12 января; 2002 г. – по переписи на 9 октября; за остальные годы – оценка на 1 января соответствующего года. 1897, 1926, 1939, 1959 гг. – наличное население, за последующие годы – постоянное население.

* **Фаузер Виктор Вильгельмович** (Сыктывкар) – доктор экономических наук, профессор, зав. отделом социально-экономических проблем, зав. лабораторией демографии и социального управления Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, заведующий кафедрой менеджмента Сыктывкарского государственного университета; **Жеребцов Игорь Любомирович** (Сыктывкар) – доктор исторических наук, зам. директора по научным вопросам, зав. отделом истории и этнографии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; **Рожкин Евгений Николаевич** (Сыктывкар) – кандидат экономических наук, первый заместитель министра национальной политики Республики Коми; **Фаузер Галина Николаевна** (Сыктывкар) – научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН; **Макарова Валентина Николаевна** (Сыктывкар) – соискатель кафедры менеджмента Сыктывкарского государственного университета.

В глобальном масштабе динамику населения Республики Коми можно разбить на два исторических периода: период относительного благополучия и роста численности населения – до начала 1990 гг., и период естественной и миграционной убыли населения. По источникам убыли это выглядит так. В 1989–1992 гг. сокращение населения было обусловлено исключительно миграционным оттоком, а с 1993 г. отрицательное сальдо миграции стало дополняться естественной убылью населения. В общей сложности, за последние 18 лет – с 1989 г. по 2007 г. – постоянное население республики сократилось на 275,9 тыс. чел., что равнозначно потере 22,1 % от его исходной численности. Городское население республики сократилось за это время на 206,5 тыс. чел., а численность сельского населения уменьшилась на 69,4 тыс. чел. Чтобы понять масштабы потерь отметим, что численность населения «среднего» города республики составляет 60,5 тыс. чел., а численность «среднего» сельского района 20,1 тыс. чел. То есть условно с карты республики исчезли три города и три района.

Постоянное уменьшение численности привело к тому, что в течение 2004 г. население Республики Коми стало меньше одного миллиона. Если посмотреть на динамику населения в исторической ретроспективе, то можно констатировать, что своего первого миллиона республика достигла в начале 1970-х гг. (рис. 1).

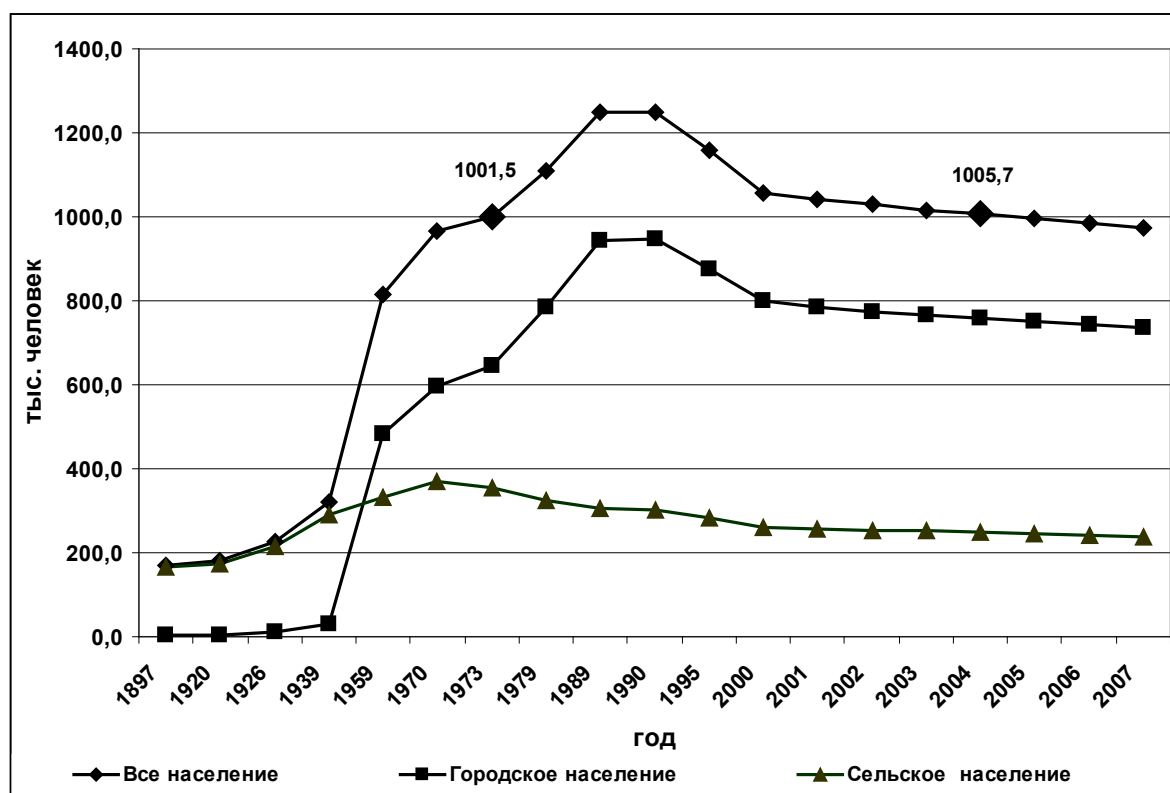

Рис. 1. Динамика численности населения Республики Коми за 1897–2007 гг.

На 1 января 2007 г. население республики составило 974,6 тыс. чел., что равно 0,7 % населения России. По численности населения Республика Коми занимает 53-е место среди регионов России после Томской, Калужской, Смоленской, Астраханской областей (на начало 1990 г. республика была на 48-м месте) [Демографическая ситуация..., 2006, с. 8]. В течение 1990–2006 гг. республика в среднем ежегодно теряла 1,3% населения, тогда как в предшествующий семнадцатилетний период здесь наблюдался ежегодный прирост в 1,4 %.

За 1990–2007 гг., в девятнадцати из двадцати административно-территориальных образований, исключение г. Сыктывкар, произошло уменьшение численности населения (табл. 2).

Среди административно-территориальных образований за 1990–2007 гг. наибольшее сокращение численности населения наблюдалось в Воркуте – почти двойное (55,4 %), затем в Инте (58,3 %), в Вуктыле (61,7 %), в Печоре (67,4 %), в Усинске (72,3 %). Меньше всего население сократилось в Сосногорске (80,7 %) и в Ухте (89,2 %). Из районов больше всего потеряли население Троицко-Печорский (62,1 %), Княжпогостский (68,0%), Усть-Вымский (74,7 %), Койгородский (76,9 %) и Усть-Куломский (77,3 %). Меньше всего Усть-Цилемский (87,3 %), Ижемский (87,2 %), Сыктывдинский (86,9 %) и Корткеросский (85,5 %). Если рассматривать динамику населения за последние два года, то можно отметить, что в двух административно-территориальных образованиях произошел незначительный рост населения: в Ухте на 100,2 % и в Сыктывдинском районе на 101,7%.

Таблица 2

**Динамика численности постоянного населения административно-территориальных образований
Республики Коми, за 1990–2007 гг., тыс. чел.**

Административно-территориальные образования	Год									2007 г. в % к	
	1990	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	1990 г.	2006 г.
Республика Коми	1248,9	1057,9	1042,9	1029,6	1016,0	1005,7	996,4	985,0	974,6	78,0	98,9
Городское население	945,4	798,3	784,9	775,0	764,6	757,3	751,9	744,5	737,3	78,0	99,0
Сельское население	303,5	259,6	258,0	254,6	251,4	248,4	244,5	240,5	237,3	78,2	98,7
Сыктывкар	237,5	249,6	248,4	246,7	245,2	244,2	244,5	244,8	244,5	102,9	99,9
Воркута	216,7	146,5	142,0	137,9	133,5	130,1	127,5	123,8	120,1	55,4	97,0
Вуктыл	27,4	20,0	19,3	18,7	18,2	17,9	17,7	17,2	16,9	61,7	98,3
Инта	70,5	51,7	49,5	48,0	46,2	44,9	43,8	42,5	41,1	58,3	96,7
Печора	93,9	70,7	68,8	67,4	66,1	65,5	64,8	63,8	63,3	67,4	99,2
Сосногорск	62,3	53,9	53,4	52,9	52,4	52,0	51,4	50,8	50,3	80,7	99,0
Усинск	71,6	53,8	53,6	53,2	52,8	53,0	52,7	52,3	51,8	72,3	99,0
Ухта	142,6	130,0	128,6	127,8	127,1	126,9	127,0	127,0	127,2	89,2	100,2
Районы:											
Ижемский	23,4	21,9	21,7	21,6	21,5	21,3	21,0	20,6	20,4	87,2	99,0
Княжпогостский	39,4	30,8	30,4	30,1	29,6	28,9	28,2	27,4	26,8	68,0	97,8
Койгородский	12,1	10,5	10,3	10,1	10,0	9,8	9,7	9,5	9,3	76,9	97,9
Корткеросский	26,9	23,9	24,0	23,8	23,6	23,4	23,2	23,1	23,0	85,5	99,6
Прилузский	28,3	25,5	25,2	24,9	24,7	24,4	23,9	23,5	23,1	81,6	98,3
Сыктывдинский	27,5	24,9	24,7	24,5	24,2	23,8	23,6	23,5	23,9	86,9	101,7
Сысольский	19,3	17,0	17,0	17,0	16,9	16,8	16,6	16,4	16,2	83,9	98,8
Троицко-Печорский	26,1	18,7	18,2	17,9	17,5	17,3	16,8	16,5	16,2	62,1	98,2
Удорский	24,4	24,7	24,9	24,9	25,1	24,8	24,4	24,0	23,6	96,7	98,3
Усть-Вымский	42,7	35,1	34,6	34,3	33,9	33,5	33,0	32,5	31,9	74,7	98,2
Усть-Куломский	39,7	32,9	32,6	32,4	32,1	31,9	31,5	31,0	30,7	77,3	99,0
Усть-Цилемский	16,6	15,8	15,7	15,5	15,4	15,3	15,1	14,8	14,5	87,3	98,0

Численность населения любой открытой территории определяется двумя видами движения: естественным и миграционным; она также подвержена количественным и качественным изменениям. Количественные изменения происходят в результате как «внутреннего» движения, т.е. воспроизводственного процесса, так и «внешнего» – миграции населения. Миграция и воспроизводство населения – два демографических компонента, от масштабов и взаимодействия которых зависит динамика населения [Рыбаковский, 2003, с. 10-16]. Значение этих компонентов в демографической динамике населения Республики Коми неоднократно менялось (табл. 3).

Таблица 3

Прирост населения Республики Коми по источникам формирования за 1927–2006 гг., тыс. чел.

Год	Прирост (убыль)			Среднегодовой прирост (убыль)	
	Общий	Естественный	Механический	Естественный	Механический
1927–1938	94,5	47,1	47,4	3,9	4,0
1939–1950	89,8	21,6	68,2	1,8	5,7
1951–1955	206,2	78,1	128,1	15,6	25,6
1956–1960	181,1	99,3	82,2	19,9	16,4
1961–1965	98,2	83,2	15,0	16,7	3,0
1966–1970	30,0	54,8	-24,8	11,0	-4,9
1971–1975	87,5	56,2	31,3	11,2	6,3
1976–1980	80,6	57,1	23,5	11,4	4,7
1981–1985*	77,0	70,1	6,9	14,0	1,4
1986–1990	28,3	60,5	-32,2	12,1	-6,4
1991–1995	-107,2	-2,3	-104,9	-0,5	-21,0
1996–2000	-89,8	-11,6	-78,2	-2,3	-15,6
2001–2005	-58,3	-19,9	-38,4	-4,0	-7,7
2006	-10,4	-2,6	-7,8	-2,6	-7,8
1927–2006	707,9	591,6	116,3	7,4	1,5

* – с 1981 г. численность постоянного населения, пересчитанная от итогов переписей населения 1989 и 2002 гг.

За 80-летний период общий прирост населения Республики Коми составил 707,9 тыс. чел., на долю естественного приходится – 83,6 %, а механического прироста – 16,4%. Из табл. 3 видно, что миграции не всегда играли положительную роль. Впервые отток населения из Республики Коми был зафиксирован в 1966–1970 гг. В этот период времени многие северные территории стали терять население. Для изменения ситуации и с целью закрепления населения в северных районах страны были приняты законы и нормативные документы [Гинцбург, Смирнова, 1975; Иванов, 1991]] Однако со второй половины 1980-х гг. массовый отток населения стал закономерным явлением [Фаузер, 2007, с. 17–18] (рис. 2).

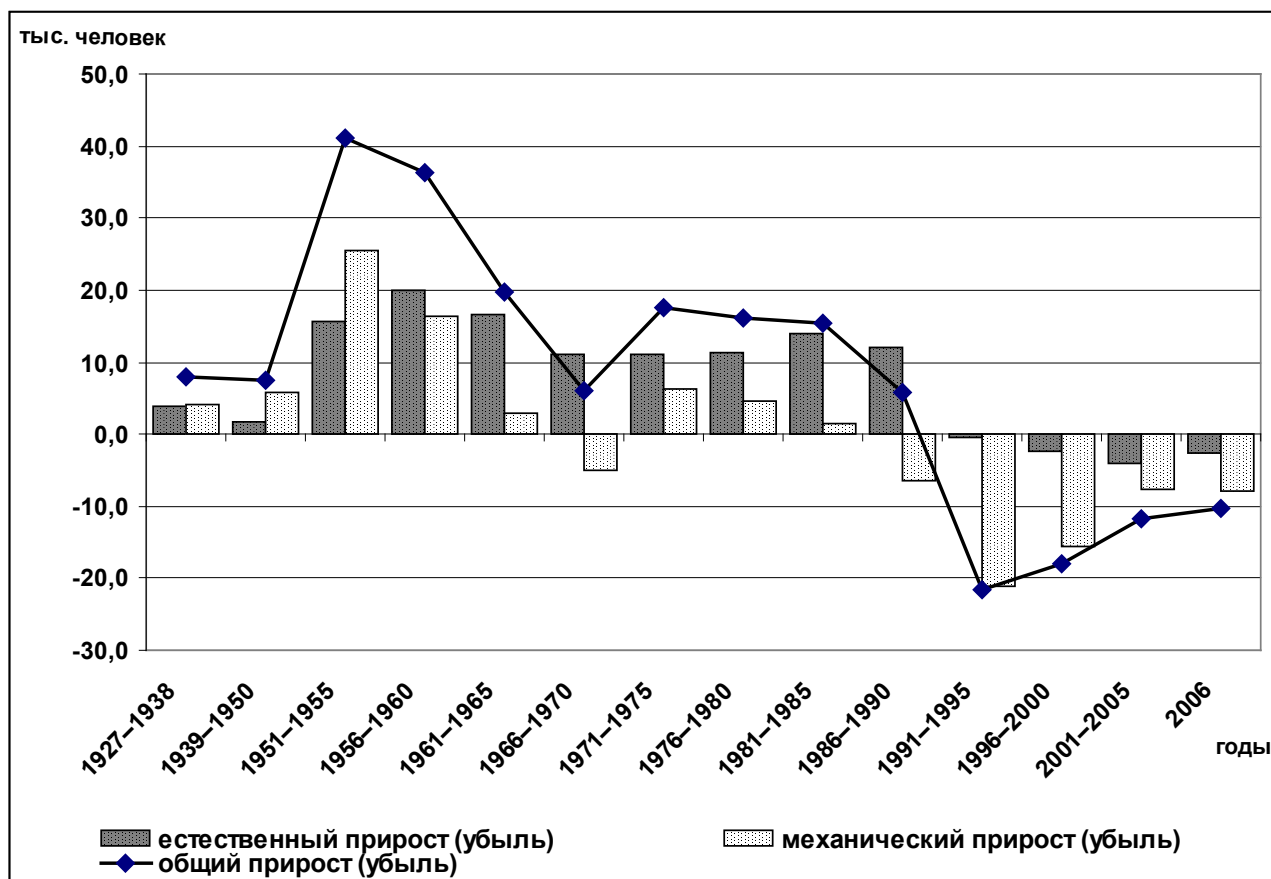

Рис. 2. Источники прироста (убыли) населения Республики Коми за 1927–2006 гг.

Сокращение численности населения страны или отдельных территорий имеет ряд негативных последствий. Это в первую очередь относится к соотношению территории и численности населения. Так, средняя плотность населения Республики Коми с 1990 по 2007 г. уменьшилась с 3,0 чел. на 1 кв. км до 2,3 чел. При этом население крайне неравномерно размещено по территории республики с Севера на Юг. Плотность населения варьирует от 1,8 чел. на 1 кв. км на Дальнем Севере до 1,9 на Среднем Севере и 4,4 чел. на Ближнем Севере (2007 г.). Самая низкая плотность городского населения имеет место в Вуктыле – 0,8 чел. на 1 кв. км, а в сельской местности в Усть-Цилемском районе – 0,3 чел. на кв. км. Среди городов выделяется Сыктывкар, где плотность населения составляет 333,5 чел. на кв. км. С 1990 по 2007 г. плотность населения увеличилась только в столице – Сыктывкаре. В четырех районах Среднего Севера: Княжпогостском, Троицко-Печорском, Удорском и Усть-Вымском она осталась такой же, в остальных районах и городах она уменьшилась (табл. 4).

Изменение плотности населения было вызвано тем, что с начала 1990-х гг. в Республике Коми произошли заметные сдвиги в расселении населения по ее территории: наблюдается тенденция перераспределения населения из северной части республики в центральные и южные районы. К началу 2007 г. на Ближнем Севере, занимающем лишь пятую часть площади республики, было размещено более трети населения (38,0%), тогда как в 1990 г. больше всего населения (39,4 %) проживало на Дальнем Севере. Можно отметить, что за 1990–2007 гг. произошло перемещение населения из Дальнего Севера на Ближний Север при почти стабильной доле населения Среднего Севера. Такая направленность обусловлена тем, что в структуре населения уменьшилась доля городов Дальнего Севера (Воркуты, Инты, Печоры и Усинска); увеличилась доля двух городов Среднего Севера (Ухты и Сосногорска) и существенно увеличилась в структуре населения доля населения Ближнего Севера, в основном за счет г. Сыктывкара.

Расселение населения Республики Коми в 1990–2007 гг.

Административно-территориальные образования	Удельный вес в площади территории, %	Удельный вес в численности населения, %			Плотность населения на 1 кв. км			
		1990 г.	2000 г.	2007 г.	1990 г.	2000 г.	2007 г.	2007 г. к 1990 г.
Республика Коми	100,0	100,0	100,0	100,0	3,0	2,5	2,3	76,7
<i>Дальний Север</i>	41,9	39,4	34,1	31,9	2,8	2,1	1,8	64,3
Воркута	5,8	17,3	13,8	12,3	8,9	6,1	5,0	56,2
Инта	7,2	5,6	4,9	4,2	2,3	1,7	1,4	60,9
Усинск	7,3	5,7	5,1	5,3	2,3	1,8	1,7	73,9
Печора	6,9	7,5	6,7	6,5	3,2	2,4	2,2	68,8
Ижемский район	4,4	1,9	2,1	2,1	1,3	1,2	1,1	84,6
Усть-Цилемский район	10,2	1,3	1,5	1,5	0,4	0,4	0,3	75,0
<i>Средний Север</i>	37,9	29,1	29,6	30,1	2,3	2,0	1,9	82,6
Вуктыл	5,4	2,2	1,9	1,7	1,2	0,9	0,8	66,7
Сосногорск	3,9	5,0	5,1	5,2	3,8	3,3	3,0	78,9
Ухта	3,2	11,5	12,3	13,1	10,8	9,8	9,6	88,9
Княжпогостский район	5,9	3,1	2,9	2,7	1,1	1,3	1,1	100,0
Троицко-Печорский район	9,7	2,1	1,8	1,7	0,4	0,5	0,4	100,0
Удорский район	8,6	1,9	2,3	2,4	0,7	0,7	0,7	100,0
Усть-Вымский район	1,1	3,4	3,3	3,3	6,7	7,4	6,7	100,0
<i>Ближний Север</i>	20,2	31,5	36,3	38,0	4,7	4,6	4,4	93,6
Сыктывкар	0,2	19,2	23,6	25,1	325,8	340,5	333,5	102,4
Койгородский район	2,5	1,0	1,0	1,0	1,2	1,0	0,9	75,0
Корткеросский район	4,7	2,1	2,3	2,4	1,4	1,2	1,2	85,7
Прилузский район	3,2	2,3	2,4	2,4	2,1	1,9	1,8	85,7
Сыктывдинский район	1,8	2,2	2,3	2,5	3,7	3,4	3,2	86,5
Сысольский район	1,5	1,5	1,6	1,7	3,1	2,8	2,7	87,1
Усть-Куломский район	6,3	3,2	3,1	3,2	1,5	1,2	1,2	80,0

Структура населения по полу. В XX в. соотношение полов в нашей стране и Республике Коми в частности, было подвержено сильной деформации. Это было следствием разрушительных катаклизмов, которые пришлось пережить российскому народу, больших потерь мужского населения. Достаточно отметить, что после окончания Второй мировой войны, в 1946 г. число женщин превышало число мужчин на 33,9%. Такой половой диспропорции не испытывал, вероятно, ни один народ в истории [Антонов, Борисов, 2006, с. 17]. Значительный женский перевес в населении России сохранялся до 1959 г., затем до 2002 г. шло некоторое улучшение в соотношении полов, а в последние годы оно вновь стало ухудшаться (табл. 5).

Таблица 5

Соотношение мужчин и женщин по переписям населения 1897–2002 гг. на начало 2007 г., %

Год	Все население		Городское население		Сельское население		Справочно: Россия	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1897	46,5	53,5	47,5	52,5	46,5	53,5	49,7	50,3
1926	45,6	54,4	48,4	51,6	45,5	54,5	47,5	52,5
1939	48,6	51,4	49,7	50,3	48,4	51,6	47,1	52,9
1959	52,1	47,9	53,5	46,5	50,2	49,8	44,6	55,4
1970	50,2	49,8	49,5	50,5	51,3	48,7	45,5	54,5
1979	50,6	49,4	50,2	49,8	51,5	48,5	46,0	54,0
1989	50,6	49,4	50,3	49,7	51,4	48,6	46,7	53,3
2002	47,9	52,1	47,3	52,7	49,9	50,1	46,7	53,3
2007	47,5	52,5	46,8	53,2	49,6	50,4	46,3	53,7

В Коми крае в конце XIX в. доля мужчин была значительно ниже женской, причем это соотношение было хуже, чем по стране в целом. За годы революций и Гражданской войны это соотношение еще больше ухудшилось. В 1920 г. доля мужчин составляла 43,1%, к 1926 г. вследствие естественного воспроизводства и миграции населения доля мужчин увеличилась до 45,6 %. В последующие годы шло постоянное увеличение доли мужчин в структуре населения. Начиная с 1950-х гг. в результате промышленной экспансии республики

и интенсивности миграционных потоков в населении начинает доминировать мужская составляющая. До начала 1990-х гг. в республике сохранялся незначительный мужской перевес, а затем в результате закрытия ряда шахт, предприятий газовой и нефтяной промышленности, других отраслей и начала массового оттока населения, в республике вновь наметился женский перевес. Такая же картина наблюдается и по другим северным территориям, что «для Севера совершенно не типично» [Агранат, 2007, с. 45].

Однако в силу разной интенсивности повозрастной смертности соотношение полов целесообразно рассмотреть по пятилетним интервалам, что позволит вычленив экономический и естественно-биологический факторы, влияющие на соотношение мужчин и женщин. Для анализа возьмем два года: 1959 г., когда была наивысшая доля мужчин и 2007, когда она стала наименьшей (табл. 6).

Таблица 6

**Распределение населения Республики Коми по полу и возрасту
по данным переписи населения 1959 г. и на начало 2007 г., %**

Население, лет	1959 г.		2007 г.	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Все население	52,0	48,0	47,5	52,5
0-9	50,6	49,4	51,2	48,8
10-19	53,4	46,6	51,0	49,0
20-24	63,6	36,4	50,5	49,5
25-29	59,3	40,7	50,9	49,1
30-34	52,2	47,8	51,2	48,8
35-39	47,4	52,6	50,7	49,3
40-44	49,8	50,2	49,4	50,6
45-49	47,9	52,1	47,9	52,1
50-54	44,3	55,7	45,9	54,1
55-59	36,1	63,9	43,3	56,7
60-69	29,6	70,4	37,3	62,7
70 лет и старше	23,6	76,4	25,7	74,3

Из представленной выше таблицы видно, что в 1959 г. до 34 лет доля мужчин была значительно выше доли женщин. Особенно много мужчин было в возрастных группах 20-24 и 25-29 лет, зато старше 55 лет на долю мужчин приходилось от 24 до 36 %. В 2007 г. мужской перевес имел место уже до 39 лет, то есть на 5 лет больше. В остальных возрастах доля мужчин плавно сокращалась от 49 до 26 %. Можно отметить, что соотношение полов в отдельных возрастах за почти пятидесятилетний период значительно улучшилось в пользу мужчин. Хотя пропорции мужчин и женщин по всему населению говорят об обратном.

Наблюдается ухудшение половой структуры и в разрезе административно-территориальных образований. За анализируемый период времени (1990–2007 гг.) во всех (исключение Княжпогостский и Удорский районы) административно-территориальных образованиях доля женщин стала выше доли мужчин. В то же время в 1990 г. из восьми городов в четырех доминировали мужчины, а из двенадцати районов в пяти. Из расчета на 1000 мужчин больше всего женщин было в Сыктывкаре – 1204, Инте – 1161, в Сосногорске – 1129, Печоре – 1123 и Ухте – 1112. На селе можно выделить Сысольский – 1125, Сыктывдинский – 1117 и Прилузский – 1103 районы. В целом ситуация в республике несколько лучше, чем по России в целом (табл. 7).

Анализ диспропорции полов в целом по всему населению дает интересную информацию, но не позволяет получить ответы на другие вопросы, например о располагаемых ресурсах труда для отдельных отраслей, имеющих половые ограничения, о брачной конъюнктуре, о потребительских предпочтениях населения и т.д.

С экономической точки зрения наибольший интерес представляет рассмотрение половой структуры трех крупных возрастных групп: моложе трудоспособного, в трудоспособном и старше трудоспособного возраста. С 1989 г. и по настоящее время (2007 г.) в возрасте моложе трудоспособного на 1000 мужчин стало приходится меньше женщин, особенно в городах. В трудоспособном возрасте соотношение полов незначительно, но улучшилось. Что касается населения старших возрастов, то здесь в расчете на 1000 мужчин женщин стало на 310 меньше, при сохранении диспропорции в три раза. В разрезе городов половая структура в последние годы улучшается, в районах, где проживает 85,6 % сельского населения республики – тоже. Однако выделяются два района Княжпогостский и Удорский, где на 1000 мужчин трудоспособного возраста приходится всего 594 и 612 женщин, соответственно. В отличие от городов, в районах лучше половое соотношение у населения старших возрастов, хотя и его назвать оптимальным нельзя (табл. 8).

Таблица 7

**Распределение населения административно-территориальных образований
Республики Коми по полу в 1990 и 2007 гг.**

Административно-территориальные образования	Численность, чел.				Доля в общей численности населения, %				Женщин на 1000	
	Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины		мужчин	
	1990 г.	2007 г.	1990 г.	2007 г.	1990 г.	2007 г.	1990 г.	2007 г.	1990 г.	2007 г.
Республика Коми	628369	462861	620522	511756	50,3	47,5	49,7	52,5	988	1106
Городское население	472508	345092	472854	392214	50,0	46,8	50,0	53,2	1001	1137
Сельское население	155861	117769	147668	119542	51,3	49,6	48,7	50,4	947	1015
Сыктывкар	112772	110933	124747	133553	47,5	45,4	52,5	54,6	1106	1204
Воркута	110750	57497	105912	62556	51,1	47,9	48,9	52,1	956	1088
Вуктыл	15043	8067	12329	8789	55,0	47,9	45,0	52,1	820	1090
Инта	35202	18995	35340	22061	49,9	46,3	50,1	53,7	1004	1161
Печора	49061	29824	44811	33482	52,3	47,1	47,7	52,9	913	1123
Сосногорск	31032	23628	31254	26678	49,8	47,0	50,2	53,0	1007	1129
Усинск	37496	25298	34140	26489	52,3	48,9	47,7	51,1	910	1047
Ухта	70911	60218	71690	66979	49,7	47,3	50,3	52,7	1011	1112
Районы:										
Ижемский	11702	10130	11704	10237	50,0	49,7	50,0	50,3	1000	1011
Княжпогостский	22362	14747	17045	12031	56,7	55,1	43,3	44,9	762	816
Койгородский	5867	4518	6233	4821	48,5	48,4	51,5	51,6	1062	1067
Корткеросский	13271	11097	13636	118961	49,3	48,3	50,7	51,7	1028	1072
Прилузский	13485	10967	14823	12097	47,6	47,6	52,4	52,4	1099	1103
Сыктывдинский	13318	11295	14193	12616	48,4	47,2	51,6	52,8	1066	1117
Сысольский	9131	7646	10175	8598	47,3	47,1	52,7	52,9	1114	1125
Троицко-Печорский	13290	7761	12785	8403	51,0	48,0	49,0	52,0	962	1083
Удорский	12850	13112	11511	10478	52,7	55,6	47,3	44,4	896	799
Усть-Вымский	22420	15284	20281	16663	52,5	47,8	47,5	52,2	905	1090
Усть-Куломский	20363	14787	19352	15915	51,3	48,2	48,7	51,8	950	1076
Усть-Цилемский	8043	7057	8561	7414	48,4	48,8	51,6	51,2	1064	1051
Справочно: Россия (тыс. чел.)	69115	65849	78550	76372	46,8	46,3	53,2	53,7	1136	1160

Таблица 8

Соотношение численности мужчин и женщин в основных возрастных группах населения Республики Коми, по данным переписи населения 1989 г. и на начало 2007 г.

Административно-территориальные образования	На 1000 мужчин соответствующей возрастной группы приходится женщин					
	в возрасте моложе трудоспособного		в трудоспособном возрасте		в возрасте старше трудоспособного	
	1989 г.	2007 г.	1989 г.	2007 г.	1989 г.	2007 г.
Республика Коми	969	957	821	939	3388	3078
Городское население	968	952	862	982	3264	3203
Сельское население	974	973	694	808	3647	2783
Сыктывкар	972	943	975	1066	3293	2879
Воркута	954	979	838	942	3838	4097
Вуктыл	950	986	666	931	3409	3116
Инта	966	992	881	979	3420	3897
Печора	977	970	723	928	3132	3368
Сосногорск	961	916	825	942	3055	3433
Усинск	972	945	803	962	3522	3663
Ухта	966	943	893	942	3036	3232
Районы:						
Ижемский	984	936	749	824	4084	2961
Княжпогостский	986	936	533	594	2905	2819
Койгородский	967	894	798	857	3476	2690
Корткеросский	960	990	771	871	3452	2693
Прилузский	994	968	783	911	3760	2537
Сыктывдинский	999	954	830	948	3473	2682
Сысольский	1024	962	793	941	3811	2485
Троицко-Печорский	932	914	796	873	3298	2607
Удорский	983	963	666	612	4731	3085
Усть-Вымский	969	985	655	861	3289	2907
Усть-Куломский	979	1026	702	890	4006	2695
Усть-Цилемский	999	1018	793	847	3449	2660

Возрастная структура населения. Миграционная убыль и отрицательный естественный прирост внесли свои коррективы и в возрастную структуру населения. За рассматриваемый период времени (1990–2007 гг.) в целом по Республике Коми численность населения моложе трудоспособного возраста сократилась в два раза и составила 170,2 тыс. чел. против 349,5 тыс. чел. в 1990 г. В это же время шел относительный рост возрастной группы трудоспособного возраста с 61,7 до 67,7%, но абсолютно она уменьшилась с 771,2 тыс. чел. до 660,3. Что касается возрастной группы старше трудоспособного возраста (женщин 55 лет и старше, мужчин 60 лет и старше), то она увеличилась в республике на 112,5 %, составив на начало 2007 г. 144,2 тыс. чел., против 128,2 в 1990 г. Данная возрастная группа выросла и относительно с 10,3 до 14,8 %. В то же время сегодня она значительно ниже, чем по России в целом – 20,6 % (табл. 9).

Таблица 9

Численность населения Республики Коми в основных возрастных группах в 1990 и 2007 г.

Население	Человек		Удельный вес в общей численности населения, %		
	1990 г.	2007 г.	1990 г.	2007 г.	справочно: Россия, 2007 г.
Все население	1248891	974617	100,0	100,0	100,0
в т.ч. в возрасте:					
моложе трудоспособного	349537	170164	28,0	17,5	16,0
трудоспособном	771193	660254	61,7	67,7	63,4
старше трудоспособного	128161	144199	10,3	14,8	20,6
Городское население	945362	737306	100,0	100,0	100,0
в т.ч. в возрасте:					
моложе трудоспособного	261257	126764	27,6	17,2	15,0
трудоспособном	599812	506084	63,5	68,6	64,6
старше трудоспособного	84293	104458	8,9	14,2	20,4
Сельское население	303529	237311	100,0	100,0	100,0
в т.ч. в возрасте:					
моложе трудоспособного	88280	43400	29,1	18,3	18,6
трудоспособном	171381	154170	56,5	65,0	60,0
старше трудоспособного	43868	39741	14,4	16,7	21,4

В разрезе административно-территориальных образований динамика изменения возрастной структуры населения практически не отличается от республиканских тенденций. С 1989 по 2007 г. везде уменьшилась доля населения моложе трудоспособного возраста, возросла доля населения в трудоспособном и старше трудоспособного возрастах. Исключение составил Прилузский район, где доля пожилых уменьшилась с 19,2 до 18,7 % (табл. 10).

Таблица 10

Удельный вес основных возрастных групп населения в административно-территориальных образованиях Республики Коми, по данным переписи населения 1989 г. и на начало 2007 г., %

Административно-территориальные образования	Удельный вес населения соответствующей возрастной группы					
	Моложе трудоспособного возраста		В трудоспособном возрасте		Старше трудоспособного возраста	
	1989 г.	2007 г.	1989 г.	2007 г.	1989 г.	2007 г.
Республика Коми	28,0	17,5	62,1	67,7	9,9	14,8
Городское население	27,7	17,2	63,6	68,6	8,6	14,2
Сельское население	28,9	18,3	57,2	65,0	13,9	16,7
Сыктывкар	26,4	17,1	62,2	67,2	11,4	15,7
Воркута	28,1	17,3	66,7	71,9	5,2	10,8
Вуктыл	28,9	18,6	66,0	68,1	5,1	13,3
Инта	28,3	17,6	63,9	68,4	7,8	14,0
Печора	27,3	16,9	63,4	67,3	9,3	15,8
Сосногорск	27,3	18,1	60,8	65,8	11,9	16,1
Усинск	32,7	19,6	64,1	72,9	3,2	7,5
Ухта	26,7	16,0	63,0	69,1	10,3	14,9
Районы						
Ижемский	31,1	20,7	54,9	64,3	14,0	15,0
Княжпогостский	24,2	15,1	63,7	68,5	12,1	16,4
Койгородский	29,3	18,9	55,2	61,4	15,5	19,7
Корткеросский	30,5	19,3	53,2	63,4	16,3	17,3
Прилузский	28,7	18,5	52,1	62,8	19,2	18,7
Сыктывдинский	31,2	16,9	55,5	66,2	13,3	16,9
Сысольский	28,8	17,5	54,8	63,5	16,4	19,0
Троицко-Печорский	30,0	16,4	59,9	63,3	10,1	20,3
Удорский	27,7	17,2	61,7	70,7	10,6	12,1
Усть-Вымский	26,7	17,3	59,7	63,8	13,6	18,9
Усть-Куломский	30,7	19,4	55,6	64,9	13,7	15,7
Усть-Цилемский	30,8	21,1	54,2	62,5	15,0	16,4

Несмотря на схожесть в общей направленности демографической динамики, в отдельных административно-территориальных образованиях возрастная структура населения отличается от республиканской. В 2007 г. в городах Вуктыл, Инта, Сосногорск и Усинск доля детей была выше, чем в среднем по республике. В пяти городах и двух сельских районах выше доля лиц трудоспособного возраста, чем в Республике Коми в целом: в городах Воркута, Вуктыл, Инта, Усинск, Ухта, а также Княжпогостском и Удорском районах. В них же, за исключением, Ухты и Княжпогостского района, более низкая доля лиц старше трудоспособного возраста.

Этническая структура. И еще на одном моменте необходимо остановиться, чтобы до конца оценить влияние миграции на демографические структуры населения – это на этнической структуре населения. Обычно процесс колонизации любой территории сопровождается расселением представителей одних этнических групп среди других, численно преобладающих [Рыбаковский, Тарасова, 1982, с. 27-34]. Это утверждение было верно для Республики Коми примерно до 1940-х гг., когда доля населения коми национальности составляла более половины всего населения. Но чтобы оценить структуру населения по этническому составу сегодня необходимо хотя бы в общих чертах коснуться прошлого. Отправной точкой может стать Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. По ней на коми этнос приходилось 81,6 % всего населения. К 1926 г. доли коми увеличилась до 86,9 %. Мы считаем, что это явилось результатом того, что, с одной стороны, после окончания войн коренное население потянулось домой, на родину, а с другой стороны, пришлое население стало покидать Коми край. Судя по этнической структуре 1926 г. коми возвращались на родину более интенсивно, чем республику покидали пришлые. Но это лишь предположение, поскольку статистика эти явления не зафиксировала. В последующие годы под воздействием миграции доля коми этноса сократилась почти в четыре раза и составила 23,3 % в 1989 г. В последний межпереписной период (1989–2002 гг.) доля коми этноса несколько возросла и составила 25,2% (2002 г.), (табл. 11).

Таблица 11

**Распределение населения Республики Коми по национальности
по данным переписей населения 1926–2002 гг., %**

Национальность	Год						
	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002
Все население	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Коми	86,9	72,5	30,1	28,6	25,3	23,3	25,2
Русские	12,6	22,0	48,6	53,1	56,7	57,7	59,6
Украинцы	–	1,9	10,0	8,6	8,5	8,3	6,1
Белорусы	–	1,1	2,8	2,6	2,2	2,2	1,5
Немцы	0,4	0,8	2,4	1,5	1,2	1,0	0,9
Татары	–	0,2	1,1	1,2	1,6	2,1	1,5
Др. национальности	0,1	1,5	5,0	4,4	4,5	5,4	5,2

Таким образом, с большой долей вероятности можно утверждать, что этническая структура населения Республики Коми, с одной стороны, была изменена благодаря открытию здесь значительных запасов углеводородного сырья, что явилось основой привлечения новоселов со всех республик Союза ССР. А с другой стороны, превращением края в место ссылки репрессированного населения по разным основаниям.

Изменения этнической структуры за последние тридцать лет показывают, что она практически стабилизировалась, изменения доли той или иной национальности колеблется в пределах 5-10%, (табл. 12).

Таблица 12

**Структура национального состава населения административно-территориальных образований
Республики Коми по данным переписей населения 1970 и 2002 гг., %**

Административно-территориальные образования	Год	Национальность				
		Коми	Русские	Украинцы	Татары	Другие*
Республика Коми	1970	28,6	53,1	8,6	1,2	5,9
	2002	25,2	59,6	6,1	1,5	6,1
Сыктывкар	1970	38,2	49,2	4,8	0,6	7,2
	2002	30,6	58,4	3,9	0,6	6,5
Воркута	1970	2,9	67,2	14,8	2,8	12,3
	2002	1,9	71,6	10,7	3,6	10,1
Вуктыл	1970	18,9	57,8	9,8	1,6	11,9
	2002	11,9	67,7	10,3	2,0	6,3
Инта	1970	9,3	59,7	17,2	2,0	11,8
	2002	10,6	68,2	10,0	2,4	6,7

Окончание табл. 12						
Административно-территориальные образования	Год	Национальность				
		Коми	Русские	Украинцы	Татары	Другие*
Печора	1970	19,6	63,5	9,4	1,0	6,5
	2002	15,4	68,9	7,6	1,0	5,2
Сосногорск	1970	11,4	72,2	7,1	1,0	8,3
	2002	10,4	75,4	6,1	0,9	5,5
Усинск	1970	44,7	40,0	6,5	0,9	7,9
	2002	14,8	54,8	10,2	7,3	11,1
Ухта	1970	11,0	70,1	8,7	1,1	9,1
	2002	9,2	75,4	6,0	1,3	6,5
Районы:						
Ижемский	1970	81,5	14,9	1,8	0,2	1,6
	2002	90,4	7,9	0,8	0,1	0,8
Княжпогостский	1970	22,6	58,7	9,6	0,8	8,3
	2002	17,9	64,4	7,7	0,7	9,3
Койгородский	1970	33,7	48,3	6,8	2,0	9,2
	2002	39,7	48,4	4,3	1,0	6,6
Корткеросский	1970	67,3	22,0	4,9	0,7	5,1
	2002	71,7	22,3	2,4	0,4	3,2
Прилузский	1970	59,9	32,3	3,5	0,4	3,9
	2002	59,9	35,1	2,2	0,2	2,6
Сыктывдинский	1970	61,7	28,8	4,1	0,4	5,0
	2002	51,8	39,5	3,1	0,4	5,2
Сысольский	1970	68,9	21,8	3,7	0,9	4,7
	2002	69,4	23,9	2,5	0,8	3,4
Троицко-Печорский	1970	23,6	56,6	8,7	1,1	10,0
	2002	27,8	59,0	6,1	0,6	6,5
Удорский	1970	61,9	20,3	4,5	0,4	12,9
	2002	40,9	45,4	5,1	0,6	8,0
Усть-Вымский	1970	36,4	45,8	8,0	0,6	9,2
	2002	29,5	56,0	5,8	0,6	8,1
Усть-Куломский	1970	71,5	19,5	4,3	0,4	4,3
	2002	79,1	15,5	2,3	0,2	2,9
Усть-Цилемский	1970	7,5	86,9	1,9	0,3	3,4
	2002	6,3	91,3	0,7	0,1	1,6

* Включая не указавших национальную принадлежность.

Из представленных данных по этнической структуре видно, что в период с 1970 г. по 2002 г. доля коми этноса уменьшилась в целом по республике, а также в городах Сыктывкар, Воркута, Вуктыл, Печора, Сосногорск, Усинск и Ухта. Особенно значительное уменьшение коми этноса имело место в Усинске – с 44,7 до 14,8 %. Снижение доли коми народа произошло и в районах: Княжпогостском, Сыктывдинском, Удорском, Усть-Вымском и Усть-Цилемском. В Прилузском района она осталась неизменной. Есть территории, где доля коми этноса увеличилась: в г. Инта, в Ижемском, Койгородском, Корткеросском, Сысольском, Троицко-Печорском и Усть-Куломском районах.

В рассматриваемый период произошло повсеместное увеличение доли русских, исключение составили Ижемский район, где она сократилась вдвое с 14,9 до 7,9 %, и Усть-Куломский район – с 19,5 до 15,5 %. Статистика фиксирует и постоянное снижение доли украинцев, исключение составили города Вуктыл, Усинск и Удорский район. Кроме Сосногорска во всех городах или увеличилась или осталась стабильной доля татар. В районах она в основном уменьшалась или оставалась неизменной и только в Удорском районе она несколько увеличилась. Доля других национальностей увеличилась в основном за счет Усинска, Княжпогостского и Сыктывдинского районов. Рост других национальностей в этих районах обусловлен вводом новых производств (нефть, газ, бокситы) и концентрацией цыган под г. Сыктывкаром в с. Выльгорт.

В целом можно заключить, что ниже всего доля коми этноса в г. Воркуте – 1,9 %. В других городах она значительно выше и составляет в Ухте – 9,2 %, Сосногорске – 10,4 %, Инте – 10,6 %, Вуктыле – 11,9%, Усинске – 14,8% и замыкает ряд Печора – 15,4 %. Наиболее высока доля русских в Ухте и Сосногорске – по 75,4%, несколько ниже она в Воркуте – 71,6 %. Следует также подчеркнуть, что во всех городах, за исключением Усинска (54,8 %) и Сыктывкара (58,4 %), доля русских значительно выше, чем в среднем по республике (59,6%). В Усинске ниже доля русских потому, что здесь более широко представлены коми, украинцы, татары, башкиры, белорусы, азербайджанцы, чуваша, немцы, лезгины и другие национальности [Демографическое развитие..., 2007, с. 123].

Здесь также необходимо подчеркнуть, что продолжающийся из республики отток населения по-прежнему вносит свои коррективы во все структуры населения. Очередная перепись населения, запланированная на 2010 г., позволит эти изменения зафиксировать в полном объеме.

Брачная структура. И, наконец, последняя из структур населения, заслуживающая внимания – брачная, поскольку все демографические события происходят в семье, здесь принимаются основные решения, именно здесь формируются жизненные стандарты у детей, продолжателей рода человеческого. Однако сразу заметим, что какого-то эталона, идеальной брачной структуры в теории нет, поэтому при её анализе возможны разные трактовки. Все зависит от авторской позиции. Статистика дает данные о брачном состоянии населения по полу у населения старше 16 лет.

Таблица 14

**Брачное состояние населения республики Коми по данным переписей
1959–2002 гг., на 1000 человек данного пола в возрасте 16 лет и более***

Год	Мужчины				Женщины			
	Никогда не состоявшие в браке	Состоящие в браке	Вдовы	Разошедшиеся	Никогда не состоявшие в браке	Состоящие в браке	Вдовы	Разошедшиеся
1959	...	603	...	...	...	585	...	...
1970	...	671	...	...	...	627	...	...
1979	290	644	13	52	161	623	139	76
1989	251	661	18	68	137	651	131	80
2002	275	611	28	81	195	540	151	110

* – Здесь и далее – включая лиц до 16 лет, указавших состояние в браке.

За период с 1959 по 2002 г., несмотря на определенные колебания в уровне брачного состояния населения, в целом можно отметить, что уровень «брачности населения» понизился, за счет роста вдовства и разводимости. Если рост разводимости еще как-то можно объяснить сменой жизненных ценностей и отношений большинства населения к институту брака и семьи, то рост вдовства и особенно среди женского населения, нечем, кроме сверхвысокой мужской смертности.

В ближайшее десятилетие в республике сохранятся неблагоприятные тенденции демографического развития. Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной в репродуктивном возрасте) к 2015 г. останется на уровне ниже границы простого воспроизводства населения. Сохранится негативная тенденция роста смертности. К 2015 гг. общий коэффициент смертности повысится до 13,8. В результате отрицательная величина коэффициента естественного прироста увеличится с 1,4 до 5,7 %. Последнее обстоятельство еще раз подчеркивает, что в Республике Коми, как и в России в целом, сохранится депопуляция в ее наиболее опасном проявлении. В прогнозном периоде сохранится неблагоприятная возрастная структура населения – это выразится в том, что абсолютная и относительная доля лиц моложе трудоспособного возраста будет меньше, чем лиц пенсионного возраста. Это приведет к дальнейшему постарению населения: доля лиц старше 60 лет увеличится до 19 % в 2015 г. (на 6 % больше, чем было в 1998 г.). Изменение возрастных пропорций в худшую сторону приведет к росту демографической нагрузки на трудоспособное население с 564 чел. в 1998 г. до 644 чел. (в расчете на 1000) в 2015 г. Неблагоприятный характер протекания демографических процессов, отрицательное сальдо миграции приведут к дальнейшему сокращению численности населения Республики Коми.

Источники и литература

- Агранат Г.А. Что происходит на Севере? // ЭКО. – М., 2007. – № 10 (400). – С. 35-49.
- Антонов А.И., Борисов В.А. Динамика населения России в XXI веке и приоритеты демографической политики. – М.: Ключ-С, 2006. – 192 с.
- Безносова Н.П., Вишнякова Д.В., Жеребцов И.Л., Игнатова Н.М., Рожкин Е.Н., Шабаетов Ю.П. Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX – начало XXI века). Очерки истории народонаселения. – Сыктывкар, 2006. – 182 с.
- Гинцбург Л.Я., Смирнова Н.М. Льготы работающим на Крайнем Севере. – М., 1975.
- Демографическая ситуация в Республике Коми. 2006: Аналит. записка / Комистат. – Сыктывкар, 2006. – 86 с.
- Демографическое развитие Усинского района: история и современное состояние / Коллектив авторов. – Сыктывкар; Усинск, 2007. – 140 с. (Б-ка демографа; Вып. 6).
- Жеребцов И.Л., Фаузер В.В. Демографические процессы в Коми в XX веке. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2000. – 36 с.
- Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Вишнякова Д.В. Сельское население Коми в середине XIX – XX веке: расселение, состав, численность. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005. – 220 с.
- Иванов А.И. Льготы для работников Севера. – М.: Юрид. лит., 1991. – 144 с.
- Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). – М., 2003. – 239 с.
- Рыбаковский Л.Л., Тарасова Н.В. Взаимодействие миграционных и этнических процессов // Социолог. исслед. – 1982. – № 4.

Сквозников В.Я., Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Безносова Н.П. Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи). – Сыктывкар, 2001. – 202 с.

Статистический ежегодник Республики Коми: Стат. сборник. – Сыктывкар, 2007. – 418 с.

Фаузер В.В. Демография и трудовой потенциал развития Республики Коми. – Сыктывкар, 2007. – 40 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН; Вып. 492).

Фаузер В.В. Проблемы формирования населения Республики Коми/ Коми НЦ УрО РАН, Рос. гос. социальн. ин-т. – М., 1993. – 93 с.

Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. – Сыктывкар, 2001. – 124 с.

Депопуляция в России: история и перспективы

Депопуляция, определяемая как устойчивое сокращение численности населения, началась в России в 1992 г. (когда было зафиксировано около 149 млн. жителей страны) и продолжается до сих пор – сегодняшняя численность населения составляет 141,8 млн. чел., т.е. убыль за 17 лет составила более 7 млн. чел. Наиболее быстро население сокращалось в 2000–2005 гг., примерно на 800-900 тыс. в год. (рис 1), при этом в эти годы наблюдался положительный миграционный прирост населения, который, однако, не компенсировал естественной убыли населения.

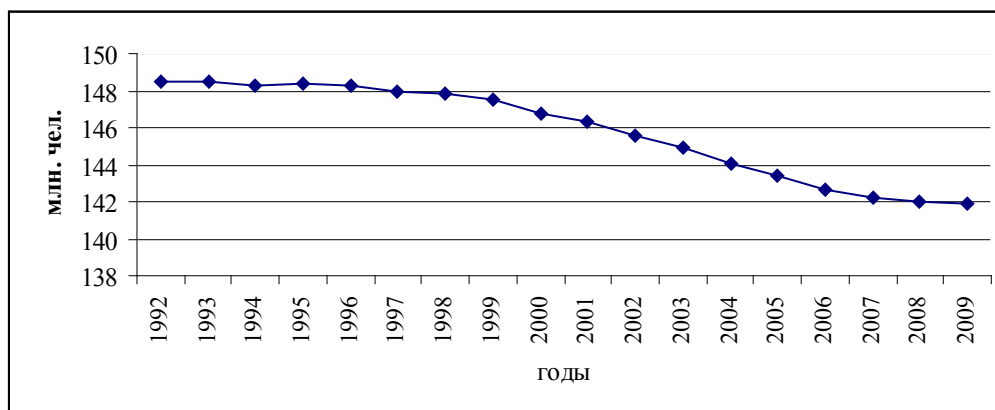

Рис. 1. Динамика численности населения РФ.

Причинами депопуляции можно считать резкое увеличение уровня смертности и падение рождаемости, во многом обусловленные падением уровня жизни и социальными потрясениями 90-х гг. XX в., значительным ухудшением состояния сферы здравоохранения, что было связано с переходом к рыночным отношениям. Однако, объяснять долговременное снижение рождаемости, начавшееся еще в 60-е гг. XX в., лишь этими факторами было бы не совсем корректно. До 60-х гг. в России бывали моменты, когда рождаемость снижалась весьма значительно, но всегда они были вызваны какими-либо внешними воздействиями – революцией, Гражданской войной, репрессиями и голодом 1930-х гг. и, конечно, Великой Отечественной войной. Всегда такое снижение рождаемости сопровождалось и резким всплеском смертности и приводило к депопуляции. Но несмотря на серьезные демографические последствия такого рода исторических событий, они носили кратковременный характер. Снижение рождаемости в 1960-е гг. впервые было зафиксировано в достаточно благополучный период развития страны. Его можно объяснить и структурным фактором (в активном репродуктивном возрасте были крайне малочисленные поколения, рожденные в годы ВОВ), а также и изменением условий жизни населения: урбанизацией, активным перемещением населения в малообжитые части страны, вовлечением женщин в трудовую жизнь, приоритетностью и для них высшего образования. Все это привело не только к уменьшению абсолютного числа родившихся, но и снижению суммарного коэффициента рождаемости (числа детей на одну женщину) (рис. 2).

Тот факт, что рождаемость в сельской местности в России оставалась намного выше, чем в городах, говорит о том, что снижение рождаемости было связано именно с демографическим переходом к современному типу воспроизводства и носило долговременный характер. В этот же период времени произошло значительное снижение смертности и увеличение средней продолжительности жизни, численность населения страны постоянно возрастала.

Серьезность снижения рождаемости была осознана лишь в начале 1980-х гг., когда суммарный коэффициент рождаемости упал ниже уровня простого воспроизводства населения, т.е. для замещения родительского поколения в будущем. В 1980–1981 гг. в он составил 1,89 ребенка на одну женщину, причем для простого воспроизводства необходим уровень 2,2 ребенка. Именно в этот период стали внедряться первые ощутимые меры демографической политики, направленной на стимулирование рождаемости: увеличение отпуска по беременности и родам, отпуска по уходу за ребенком, увеличение размеров пособий матерям,

¹ Петрякова Ольга Леонидовна (Москва) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института семьи и воспитания Российской академии образования. E-mail: medved7722@mail.ru

дифференциация размера пособий с учетом очередности рождений. Это дало свои плоды (однако, не стоит забывать, что именно в этот период в наиболее активном репродуктивном возрасте находилось весьма многочисленное послевоенное поколение), и население на очень короткий срок стало характеризоваться воспроизводством населения близким к простому. Суммарный коэффициент рождаемости в 1985–1989 гг. составлял примерно 2,0–2,1 ребенка на одну женщину.

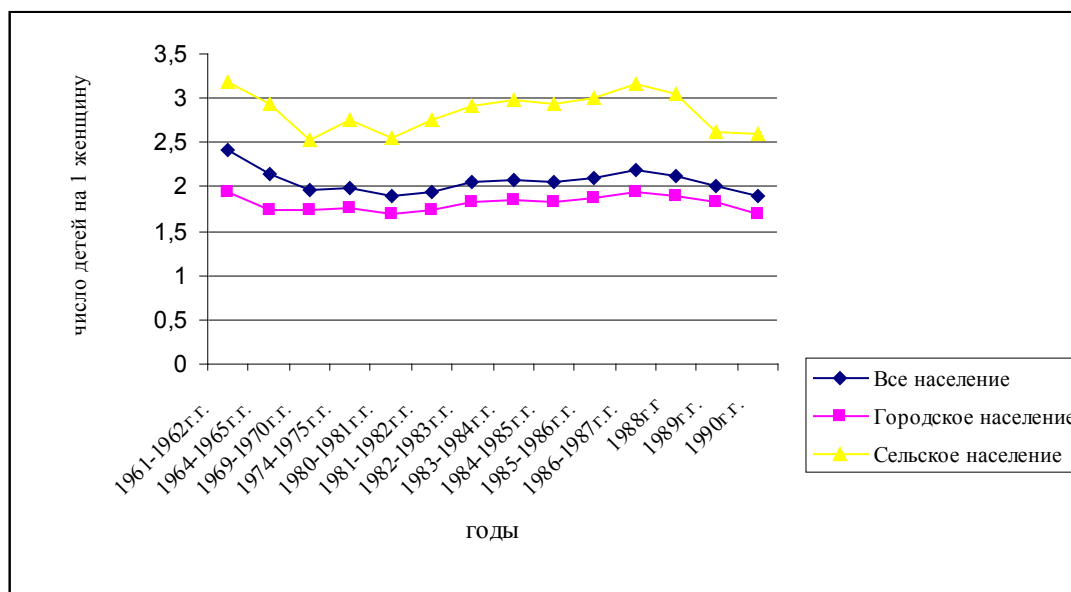

Рис. 2. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в РСФСР в 1960–1990 гг.

Как уже говорилось, ситуация резко изменилась в худшую сторону в начале 1990-х гг. Сильнейший экономический кризис, ломка социальных отношений и дезадаптация населения к изменяющимся условиям привели к резкому снижению средней продолжительности жизни, особенно у мужчин, которая не достигала пенсионного возраста на протяжении 14 лет – 1992–2006 гг., росту смертности, снижению рождаемости (табл. 1). Численность населения России сократилась до 141,9 млн. чел. в 2008 г., и Россия с четвертого места по этому показателю среди стран мира переместилась на восьмое, уступив не только Китаю, Индии и США как в 1992 г., но и Бразилии, Индонезии, Пакистану и Бангладеш – во многом это, конечно, связано не только с убылью населения в нашей стране, но и демографическим взрывом в упомянутых государствах.

Таблица 1

Естественное движение населения

Год	На 1000 человек населения		
	Родивших	Умерших	Естественный прирост
1992	10,7	12,2	-1,5
1993	9,4	14,5	-5,1
1994	9,6	15,7	-6,1
1995	9,3	15	-5,7
1996	8,9	14,2	-5,3
1997	8,6	13,7	-5,1
1998	8,8	13,6	-4,8
1999	8,3	14,7	-6,4
2000	8,7	15,3	-6,6
2001	9	15,6	-6,6
2002	9,7	16,2	-6,5
2003	10,2	16,4	-6,2
2004	10,4	16	-5,6
2005	10,2	16,1	-5,9
2006	10,4	15,2	-4,8
2007	11,3	14,6	-3,3

Источник: www.gks.ru

В 2006 г. депопуляция была официально признана угрозой национальной безопасности страны¹. По прогнозам ООН, опубликованным в 2006 г., численность населения России к 2050 г. сократится до 101 млн. чел. по среднему варианту развития и даже до 90 млн. чел. при наихудшем варианте. Депопуляция чревата, прежде всего, старением населения и нехваткой трудовых ресурсов, значительной нагрузкой на социальную сферу. Российская депопуляция имеет ряд региональных различий: особенно велики темпы убыли населения в центральной России, кроме Москвы и Московской области, однако в большинстве северных и дальневосточных территорий наблюдается постоянный отток населения, что вкупе с невысокой рождаемостью и весьма значительной смертностью населения (почти такой же как в целом по стране, несмотря на меньший средний возраст населения) приводит к почти полному обезлюдению этих регионов. Если до распада СССР за Уралом проживало около 40 % населения России, то в настоящее время – менее 20%. Это может привести к ряду социально-экономических и геополитических проблем, вплоть до полного отчуждения некоторых территорий.

Надо отметить, что 2006–2008 гг. были наиболее благополучными для РФ с точки зрения развития демографических процессов. В 2007 г. общий коэффициент рождаемости составил 11,3 ‰, что является самым высоким показателем за весь постсоветский период, также значительно снижалась смертность по сравнению с предыдущим пятилетием. В результате этого был несколько скорректирован и прогноз численности населения для нашей страны: по среднему варианту прогноза к 2050 г. численность населения страны должна составить около 107 млн. чел. Суммарный коэффициент рождаемости также увеличился по сравнению кризисными 90-ми гг., однако не так значительно и его уровень – 1,4 ребенка – еще весьма далек от уровня, обеспечивающего простое воспроизводство населения. Во многом рост общего коэффициента рождаемости обеспечивается структурным фактором: увеличением в общей численности населения доли женщин в репродуктивном возрасте. Именно в 2003 г. в фертильный возраст стали входить весьма многочисленные поколения, рожденные в начале и середине 80-х гг. прошлого века. Помимо этого положительную роль сыграла и общая стабилизация экономической ситуации в стране в эти годы, однако, экономический кризис, разразившийся в конце 2008 г. может внести свои коррективы в этот процесс.

Проводимые Правительством меры демографической политики (например, выплата материнского капитала и т.п.) нацелены сохранить тенденцию увеличения рождаемости. Однако, рождаемость наиболее сложно корректируемый из демографических процессов. И результаты проведенных мероприятий демографической политики можно будет оценить (и сделать вывод, являются ли они ее следствием или же произошли по ряду иных причин) через значительный промежуток времени из-за инерционности процесса.

Идеалом в обществе остается двухдетная семья (более половины респондентов при проведении социологических опросов² называют двоих детей в качестве наиболее желаемого их числа) и это же убеждение сохраняется, хотя и в меньшей степени, чем у поколения их родителей, и у младшего поколения – так по данным социологического обследования «Современная семья глазами подростка», проведенного в ВДЦ «Орленок» в июне 2007г. более половины опрошенных подростков в возрасте 12-14 лет хотели бы в будущем иметь двоих детей.

К такому же выводу о значительной ценности двухдетной семьи пришли автор с коллегами при проведении социологического исследования «Московская семья – 2006». Среднее число детей у жен из полных семей, опрошенных в рамках этого исследования, составляет 1,7 ребенка, мужей – 1,6 ребенка, в неполных семьях – 1,5 ребенка (все показатели значимо ниже границы, необходимой для поддержания хотя бы простого воспроизводства) (табл. 2).

Вместе с тем в ходе исследования респондентам задавался вопрос о желаемом числе детей.

Таблица 2

Если бы у Вас были для этого все условия, сколько детей вам хотелось бы иметь?
(в % к числу участников опроса)

Желаемое число детей	Неполные семьи	Полные семьи	
		Мужья	Жены
Один	12,5	11,5	7,7
Два	41,0	41,3	41,3
Три	33,3	29,5	32,9
Четыре и более	10,4	16,0	15,8
Ни один	0,7	0,6	0,3
Нет ответа	2,1	1,1	2,0
Итого	100,0	100,0	100,0
Среднее желаемое число детей	2,46	2,54	2,65

¹ Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию 10 мая 2006 г.

² Исследование проводилось в ноябре 2006 г., в нем приняло участие 500 семей. Результаты опубликованы в книге авторов Кучмаевой О.В., Петряковой О.Л., Марыгановой Е.А. «Московская семья – 2006».

В оценке возможного числа детей в случае предоставления необходимых условий респонденты проявили единодушие, указав число детей – двое (около 41 % во всех трех группах респондентов). Доля желающих ограничиться одним ребенком выше среди респонденток из неполных семей (12,5 %), почти такая же – у мужей (11,5 %) и ниже у жен (7,7 %). О желании иметь многодетную семью заявили приблизительно 1/3 респондентов. (доля мужчин несколько ниже). Потребность иметь трех и более детей при наличии соответствующих условий несколько ниже в неполных семьях – 10,4 %, и приблизительно на одинаковом уровне (16 %) у мужей и жен в полных семьях. О нежелании иметь детей даже при наличии всех условий заявили менее одного процента респондентов (0,7% респонденток из неполных семей, 0,6 % мужей, 0,3 % жен из полных семей). В принципе это весьма положительный вариант ответов на вопрос, который подтверждает, что московское общество ценит многодетную или среднедетную (по нынешним меркам) семью, с другой стороны (по мнению некоторых ученых демографов (напр. Архангельского В.Н.) такой ответ может быть именно отражением общественного мнения «так должно быть», а не личного.

Данное исследование показало, что желаемое число детей намного выше реального количества детей в семьях опрошенных. При создании необходимых условий семьи, возможно, реализовали бы свои репродуктивные планы, что привело к росту воспроизводства населения.

На осуществление репродуктивных планов, относительно рождения двоих детей, чаще всего негативное воздействие оказывают экономические проблемы и бедность российских семей, вызывающие откладывание рождений детей, а в ряде случаев и полный отказ от их рождения (особенно, вторых и последующих). Для выяснения основных причин, мешающих увеличению рождаемости в России, респондентам был задан вопрос¹: «Как Вы считаете, способствовали бы повышению рождаемости в России следующие мероприятия?» С точки зрения значимости этой проблемы для семьи, по критерию «самое главное» основными мероприятиями – респонденты считают: «Предоставление жилья всем нуждающимся» – эту позицию как самую главную отметили 77,3 % респондентов», «Развитие системы пособий для детей с детьми», ее как наиболее важную отметили 53,6 % респондентов», и «обеспечение гарантий занятости семьям с детьми» – самым главным мероприятием его считает 41,8 % опрошенных. Менее важными мерами демографической политики респонденты считают по всей видимости те, которые не отражают остроту проблем, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни, например «формирование негативного отношения к абортam» и «усложнение процедуры развода» – всего 4,6 % и 11 % опрошенных считают это самым главным.

В заключение необходимо отметить, что, несмотря на то, что в России в последние годы наблюдается некоторая стабилизация демографической ситуации, депопуляция будет, скорее всего, продолжаться. Негативному развитию демографических процессов способствовать такие факторы как:

- экономический кризис, переживаемый в стране, который снизит доходы населения, что несомненно, приведет к снижению рождаемости, ухудшению показателей заболеваемости и смертности;
- экономический кризис может привести также и к сворачиванию ряда социальных программ, нацеленных на поддержку семьи и стимулирование рождаемости;
- дальнейший процесс трансформации института семьи, сопровождающийся увеличением разводимости, появлением альтернативных форм брака, снижением потребности в детях;
- для предотвращения убыли населения, по данным некоторых ученых России, требуется приток не менее 1 млн. мигрантов в год (см.: www.demoskope.ru). Однако, миграционный потенциал из стран СНГ в Россию практически исчерпан, да и иные страны не могут обеспечить такого количества иммигрантов. С другой стороны Россия пока не может и сама без сильнейших социальных последствий принять такое число людей.

---

¹ Исследование «Семья и общество в России: эволюция оценок и ценностей в общественном мнении населения» проводилось в 2006 г. в 13 субъектах РФ, в нем приняло участие 1300 чел.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

Оригинал-макет – Н.К.Забоева

Компьютерный набор. Формат 60 x 84 1/8. Уч.-изд. л. 10,0.

Тираж 100 экз. Заказ № 12 (125).

Редакционно-издательский отдел Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «Типография «Полиграф-сервис»
г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4, тел. 21-48-36